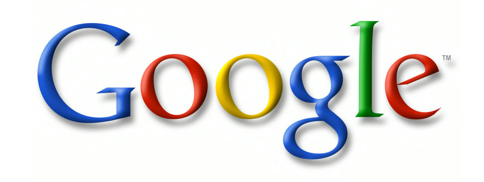

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

Библіотека „Русской Мысли“.

VIII.

ОЧЕРКИ
ИТАЛЬЯНСКАГО ВОЗРОЖДЕНІЯ.

ПРОФЕССОРА
М. С. Корелина.

МОСКВА.
Типо-лит. Высочайше утв. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°,
Пименовская улица, соб. домъ.
1896.

Библіотека „Русской Мысли".

VIII.

ОЧЕРКИ
ИТАЛЬЯНСКАГО ВОЗРОЖДЕНІЯ.

ПРОФЕССОРА

М. С. Корелина.

МОСКВА.
Типо-лит. Высочайше утв. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и Ко,
Пименовская улица, соб. домъ.
1896.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Что такое «Возрожденіе»

„Возрожденіемъ“ или гуманизмомъ называется движеніе, освободившее, на западѣ Европы, личность и культуру отъ порабощенія католическою церковью и положившее прочное начало новой независимой наукѣ, свѣтской философіи, литературѣ, школѣ и самостоятельному искусству. Оно началось въ Италіи, откуда распространилось съ большей или меньшей силой по всей Европѣ и было первымъ проявленіемъ въ новой исторіи культурнаго роста личности, которая стала относиться критически къ современнымъ, уже отживавшимъ тогда культурнымъ формамъ. Аскетическій идеалъ, составлявшій нравственное основаніе господства церкви надъ государствомъ и культурой, стоялъ въ XIV и XV стол. въ рѣзкомъ противорѣчіи съ жизнью. Всемогущіе

нѣкогда папы, поселившись въ Авиньонѣ, сд
лались орудіемъ въ рукахъ французскихъ кор
лей, а вернувшись въ Римъ, произвели такъ-наз
ваемый великій расколъ, который окончатель
подорвалъ ихъ моральное и политическое вліяні
Съ его прекращеніемъ папство превратилось в
свѣтское государство, глава котораго пользовалс
остатками духовной власти исключительно с
политическими и финансовыми цѣлями. Въ то ж
время распадался, особенно въ Италіи, средневѣ
ковой политическій и соціальный строй. Прежне
строгое сословное дѣленіе сильно расшаталос
особенно благодаря внутренней борьбѣ въ горол
скихъ республикахъ. Аристократія повсюду, з
исключеніемъ Венеціи, оттѣснена была богатым
горожанами (popolo grasso), съ которыми вел
упорную и иногда успѣшную борьбу низшіе клас
сы (popolo minuto). Тираннія, подавившая горол
скія республики, нанесла окончательный удар
высшимъ классамъ и открыла служебную карьер
талантливымъ людямъ всѣхъ сословій. Этот
процессъ разложенія средневѣковыхъ формъ н
чался раньше гуманистическаго движенія и пр

текалъ изъ одинаковой съ нимъ причины. Индивидуальное развитіе, вызвавшее къ жизни новыя потребности, въ гуманистическомъ движеніи выразилось не только критическимъ отношеніемъ къ теоретическимъ основамъ средневѣковыхъ формъ, не только теоретическимъ оправданіемъ ихъ разрушенія, но и попытками построить новое міросозерцаніе, которое было бы основано на новыхъ индивидуальныхъ потребностяхъ развившейся личности.

Гуманистическій индивидуализмъ характеризуется, во-первыхъ, интересомъ человѣка къ себѣ самому, къ своему внутреннему міру; во-вторыхъ, интересомъ къ внѣшнему міру и преимущественно къ человѣку; въ третьихъ, убѣжденіемъ въ высокомъ достоинствѣ человѣческой природы вообще и въ неотъемлемомъ правѣ человѣка развивать свои способности и удовлетворять своимъ потребностямъ; въ-четвертыхъ, интересомъ къ окружающей дѣйствительности, поскольку она имѣетъ вліяніе на человѣка. Эта точка зрѣнія, составляющая основу гуманистическаго міросозерцанія, была діаметрально противоположна сред-

невѣковымъ аскетическимъ воззрѣніямъ. Въ средніе вѣка человѣческая природа считалась, на-ряду съ внѣшнимъ міромъ и дьяволомъ, источникомъ соблазна и причиною вѣчной гибели. Въ силу этого слѣдуетъ интересоваться только божественнымъ, а не человѣческимъ; умственное развитіе—опасное излишество, которое можетъ повести къ смертному грѣху, т.-е. къ дьявольской гордынѣ; отъ міра лучше всего бѣжать за монастырскія стѣны, а съ человѣческими потребностями нужно вести упорную борьбу. Разойдясь, такимъ образомъ, съ средневѣковымъ ученіемъ, гуманисты должны были искать опоры для своихъ воззрѣній за предѣлами христіанства, которое они знали только въ формѣ католицизма—и нашли ее въ античной литературѣ. Глубокій и горячій интересъ къ классической древности— вторая характерная черта гуманистическаго движенія. Гуманисты не только изучаютъ греческій и латинскій языки, античную литературу и исторію, какъ всякій объектъ науки, но ищутъ въ древности оружія для борьбы съ средневѣковыми воззрѣніями и авторитета для оправданія своихъ ученій. Въ антич-

ной литератур́ѣ гуманисты находятъ иногда родственное настроеніе, иногда готовую формулу для своихъ воззрѣній, иногда высокій образецъ для научной или литературной работы. Кромѣ того, античный міръ и преимущественно древній Римъ является въ ихъ глазахъ великою родною стариной, которая въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ стоитъ гораздо выше настоящаго. Гуманисты любятъ древность, высоко цѣнятъ ея авторитетъ и стараются у нея учиться; но живой интересъ къ дѣйствительности, пониманіе ея жизненности, силы и важности препятствуютъ слѣпому преклоненію передъ античнымъ прошлымъ, фантастическому стремленію воскресить отжившее — и гуманисты относятся къ классической древности такъ же критически, какъ къ ближайшему прошлому и современной дѣйствительности. Исходнымъ пунктомъ ихъ стремленій являлась индивидуальная потребность; основнымъ настроеніемъ по отношенію къ прошлому былъ критицизмъ, причемъ классическая древность по-временамъ служила опорой для новаго міросозерцанія, а современная дѣйствительность — его регуляторомъ.

Отвергши средневѣковой аскетизмъ, гуманисты попытались выработать новыя религіозныя воззрѣнія. Это было самою слабой стороной итальянскаго возрожденія. Ранніе гуманисты, какъ Петрарка, Салютати и нѣкоторые другіе, старались примирить свое настроеніе съ церковнымъ ученіемъ; но ниспровергнуть папство, опираясь на Евангеліе, они не были въ состояніи, по недостатку религіознаго одушевленія, съ одной стороны, и смѣлости мысли, съ другой. Въ послѣдующихъ поколѣніяхъ смѣлость критицизма возросла, но одновременно ослабѣли религіозные интересы, и среди позднѣйшихъ итальянскихъ гуманистовъ въ религіозномъ отношеніи можно отмѣтить четыре теченія: формальную приверженность къ старой церкви и внѣшнее благочестіе—у неглубокихъ натуръ и поверхностныхъ умовъ; полное равнодушіе къ религіознымъ вопросамъ, скептическое и насмѣшливое невѣріе—у большинства, и фантастическій паганизмъ, результатъ крайняго увлеченія Платоновой философіей—у весьма немногихъ гуманистовъ второй половины XV в. Гораздо смѣлѣе, чѣмъ церков-

ное ученіе, отрицали гуманисты средневѣковую философію и ея госпожу — теологію, и въ этой области пытались противопоставить средневѣковому собственное ученіе. Петрарка и вообще ранніе гуманисты отрицали метафизику и сводили философію на мораль; одни изъ нихъ старались формальнымъ образомъ примирить съ христіанствомъ стоицизмъ, другіе — эпикурейство. Позже, со второй половины XV в., гуманисты распадаются на платониковъ и аристoтеликовъ, и только въ концѣ столѣтія являются крупные представители оригинальной философской мысли. Но если гуманистамъ не удалось создать самостоятельную свѣтскую философію, то результатомъ ихъ разрыва съ богословіемъ и вообще съ церковными доктринами была полная секуляризація мысли, которая имѣла благотворное вліяніе на другія сферы ихъ дѣятельности. Такъ, многочисленные этическіе трактаты гуманистовъ и ихъ дидактическая беллетристика проникнуты тою мыслью, что человѣкъ по природѣ существо нравственное и что на лучшихъ сторонахъ нашей природы должна быть построена новая этика. Самое со-

держаніе моральнаго ученія гуманистовъ отличается индивидуалистическимъ характеромъ и сводится къ проповѣди права личности на широкое удовлетвореніе всѣхъ ея потребностей и на полное развитіе всѣхъ ея свойствъ. Гуманистамъ не удалось выработать долговѣчной этической системы и, что еще важнѣе, не удалось найти моральнаго авторитета. Ихъ этическій индивидуализмъ, подъ вліяніемъ реакціи противъ аскетизма, и въ теоріи заходилъ иногда слишкомъ далеко; кромѣ того, современные нравы и положеніе гуманистовъ, находившихся въ зависимости отъ меценатовъ, весьма невыгодно отразились на ихъ морали, и въ гуманистической литературѣ встрѣчается иногда открытая проповѣдь безнравственности въ индивидуальныхъ и политическихъ отношеніяхъ. Тѣмъ не менѣе несомнѣнную заслугу гуманистовъ составляетъ секуляризація этики, какъ науки, и признаніе правъ личности на всестороннее развитіе въ предписаніяхъ практической морали. Эта послѣдняя сторона гуманической нравственности особенно благотворно повліяла на школу. Средневѣковая школа была про-

никнута аскетическимъ духомъ, что вызывало враждебное отношеніе къ ней гуманистовъ и ихъ стремленіе противопоставить ей новыя педагогическія требованія; кромѣ того, многіе гуманисты были педагогами по специальности. Этимъ объясняется обиліе трактатовъ, которые всѣ проникнуты однимъ духомъ: воспитаніе должно быть основано на изученіи индивидуальныхъ свойствъ ребенка, должно готовить его къ жизни, а для этого необходимо развивать всѣ хорошія духовныя и физическія стороны его природы. Эти педагогическія теоріи были положены въ основу гуманистической школы, и мантуанскій педагогъ Витторино да Фельтре, назвавъ свою школу casa giocosa (радостный домъ), сдѣлалъ первую и весьма удачную попытку ихъ практическаго осуществленія.

Особенно наглядно выражаются особенности итальянскихъ гуманистовъ въ ихъ политическихъ теоріяхъ Вначалѣ они настроены очень патріотически: ихъ идеаломъ является объединенная Италія, а нѣкоторые, въ видѣ исключенія, мечтаютъ даже о возстановленіи прежняго господства

Рима надъ міромъ. Средневѣковымъ учрежденіямъ — папству и имперіи — и политическимъ формамъ вообще они не придаютъ абсолютнаго значенія. Если Петрарка возлагалъ большія надежды на Карла IV, то имѣлъ въ виду исключительно его индивидуальныя свойства. Вообще между итальянскими гуманистами не было ни гвельфовъ, ни гибеллиновъ въ средневѣковомъ смыслѣ; такъ же мало вѣрили они въ возможность реставраціи античныхъ порядковъ. Въ основѣ ихъ политическихъ воззрѣній лежали вѣра въ могущество отдѣльной личности въ установленіи общественныхъ порядковъ и наблюденія надъ современною дѣйствительностью. Тѣ гуманисты, которые вѣрили въ возможность объединенія Италіи, ожидали осуществленія этого идеала отъ отдѣльной личности: сначала отъ Роберта Неаполитанскаго, Кола да Ріенцо, Карла IV, потомъ отъ Висконти и отъ Медичи. Эта же вѣра въ личность, въ связи съ наблюденіями, заставляла большинство гуманистовъ предпочитать монархію республикѣ, и притомъ монархію абсолютную: происходившая у нихъ на глазахъ внутренняя

борьба падающихъ республикъ приводила гуманистовъ къ убѣжденію въ большой жизненности монархіи и внушала презрѣніе къ закону, который одинаково попирался и въ республикахъ, и въ тиранніяхъ. Тѣ немногіе гуманисты (почти исключительно флорентійскіе), которые защищаютъ республику, нападаютъ не принципіально на монархію, а только на ея современныхъ представителей, попирающихъ свободу и всѣ права личности. Но наблюденіе надъ дѣйствительностью у нѣкоторыхъ гуманистовъ подрывало вѣру и въ отживающія республиканскія формы, и въ благотворность тиранніи, и въ возможность объединенія Италіи, и даже въ политическое всемогущество личности. Вслѣдствіе этого съ самаго начала среди гуманистовъ возникаетъ направленіе, проповѣдующее политическій индифферентизмъ и даже космополитическія тенденціи.

Всѣ эти разнообразныя политическія теченія проникнуты общимъ всѣмъ гуманистамъ демократизмомъ, который, однако, не идетъ далѣе отрицанія сословныхъ привилегій. Исходя изъ своего основного воззрѣнія на человѣческую при-

роду, почти всѣ гуманисты, кромѣ венеціанскихъ, не допускаютъ никакой справедливой разницы между людьми, кромѣ различія въ нравственныхъ и умственныхъ свойствахъ, и въ силу этого рѣзко нападаютъ на аристократію; но идея народовластія имъ совершенно чужда: наоборотъ, большинство изъ нихъ относится къ грубой и невѣжественной толпѣ съ открытымъ презрѣніемъ. Итальянскимъ гуманистамъ не удалось выработать стройной политической системы, если не считать макіавеллизма; тѣмъ не менѣе ихъ заслуга заключается въ томъ, что ихъ политическіе трактаты въ новое время положили основаніе политикѣ, какъ наукѣ и какъ искусству, а ихъ борьба противъ аристократіи и сословныхъ различій вообще во имя индивидуальныхъ свойствъ представляетъ первую попытку теоретическаго обоснованія политическаго равенства.

Культурный ростъ личности имѣлъ, между прочимъ, слѣдствіемъ признаніе важности стремленія человѣка къ знанію, а секуляризація мысли давала полную свободу этому стремленію, и гуманизмъ создалъ самостоятельную и свободную науку.

Первые гуманисты, какъ Петрарка, отдавая неизбѣжную дань прошлому, еще ставятъ науку въ прямую и косвенную зависимость отъ религіи: изученіе языческой поэзіи, философіи и науки необходимо потому, что оно внушаетъ уваженіе къ истинной религіи, и потому еще, что оно ведетъ къ самопознанію и добродѣтели, а слѣдовательно къ спасенію. Изъ этой религіозной санкціи науки они дѣлаютъ и дальнѣйшій выводъ: если цѣль науки — самопознаніе, то ея главный объектъ—человѣкъ. Позже эта внѣшняя санкція науки секуляризировалась: гуманисты отождествляютъ науку съ добродѣтелью и на этомъ основаніи выдѣляютъ себя изъ толпы, а затѣмъ стремленіе къ знанію, какъ одно изъ важнѣйшихъ потребностей человѣчества, признается и само по себѣ за высокое благо. Сдѣлавшись самостоятельной и свободной, гуманистическая наука, дѣлавшая первые шаги подъ вліяніемъ борьбы со схоластикой, съ самаго начала носитъ критическій характеръ. Этотъ критицизмъ повелъ къ выработкѣ научныхъ методовъ, при чемъ первою школой послужило здѣсь изученіе классической

древности. Въ виду важности для гуманис античной литературы, ея изученіе сдѣлалос стоящею страстью: собираніе древнихъ рукоп считалось дѣломъ почти государственной ва› сти; государи, республиканскія правительст частные люди основывали публичныя библіо знатоки классической латыни и особенно рѣ учителя греческаго языка нарасхватъ пригл лись городами и частными людьми; ради изу греческаго языка гуманисты отправлялись въ зантію. При такомъ положеніи дѣла извѣс увлеченіе формальною стороной античной лит туры было неизбѣжно: нѣкоторые—правда, ма немногіе—гуманисты, какъ, напр., Травер не шли дальше этого, большинство, не огр чиваясь формой, придавало ей весьма сущест ное значеніе, такъ что хорошее знаніе древ языковъ считалось самими гуманистами пр комъ принадлежности къ созданному ими женію. Но изъ этого нельзя заключать, что презирали родную рѣчь. Правда, они писали имущественно по-латыни, а иногда даже по чески, и старались усвоить себѣ классиче

стиль. Но, во-первыхъ, многіе изъ безспорныхъ гуманистовъ, какъ Бруни, Л. Б. Альберти и др., писали и по-итальянски, когда имѣли въ виду болѣе широкій кругъ читателей; во-вторыхъ, употребленіе латыни въ качествѣ учено-литературнаго языка было средневѣковой традиціей, къ которой только примкнули гуманисты, и ихъ попытки замѣнить средневѣковую латинскую рѣчь классической были не слѣпымъ подражаніемъ античной старинѣ, а тѣмъ же стремленіемъ къ изящной формѣ, которое съ такимъ блескомъ выразилось въ искусствѣ Ренесанса. Результатомъ этого интереса къ формальной сторонѣ древней литературы былъ цѣлый рядъ важныхъ работъ по латинской орѳографіи (Гаспарино ди-Барцицца, Гварино, Веронезе, Тортелло), реформа школьной латинской грамматики и попытки построить се на научныхъ основахъ (труды П. К. Дечембріо, Гуарино, Перотти и въ особенности Валлы, а по греческой грамматикѣ — М. Хризолора, Ѳ. Газы и К. Ласкариса), а также нѣсколько сочиненій по метрикѣ (П. П. Верджеріо и Перотти). Съ увлеченіемъ изучая форму древнихъ

писателей, гуманисты находили главный интересъ въ ихъ содержаніи, которое они критиковали съ разныхъ точекъ зрѣнія. Уже самое желаніе точно и правильно понять автора приводило къ критикѣ,—для этого нужно было не только хорошо изучить языкъ, но и возстановить подлинный текстъ сочиненія, дошедшаго въ одной или нѣсколькихъ искаженныхъ рукописяхъ – и гуманисты съ самаго начала движенія занимались этимъ дѣломъ, развивая на немъ наклонность къ критицизму. Съ этой эпохи ведутъ начало критическія изданія латинскихъ авторовъ и разнообразные комментаріи къ нимъ. Наконецъ, гуманисты впервые предъявили строго-научныя требованія къ переводамъ. Переводы на національный языкъ встрѣчаются рѣдко; но съ самаго начала движенія менѣе доступные греческіе писатели усердно переводятся на латинскій языкъ, причемъ раннимъ переводчикамъ приходилось преодолѣвать своеобразныя трудности. Такъ, средневѣковой латинскій Аристотель былъ не переводомъ, а передѣлкой, приспособленною къ современнымъ богословскимъ понятіямъ, и когда

Бруни впервые далъ точный переводъ его сочиненій, то ему пришлось выдержать горячую полемику съ богословами, которые, признавая точность перевода, объявляли, тѣмъ не менѣе, подлиннаго Аристотеля не настоящимъ, такъ что Бруни въ особомъ трактатѣ («De recta intereprtatione»), формулировалъ условія совершеннаго перевода. Гуманистическіе переводчики преслѣдовали еще одну цѣль, весьма характерную для раннихъ періодовъ движенія: стремясь придать наукѣ нравственную санкцію, гуманисты переводили древнихъ авторовъ съ цѣлью назиданія и поэтому особенно останавливались на Плутархѣ, обстоятельно разъясняя въ предисловіи дидактическій элементъ своей работы.

Уже въ чисто-филологическихъ работахъ обнаруживается связь научной дѣятельности гуманистовъ съ ихъ основнымъ настроеніемъ. Этою же связью опредѣляется степень ихъ активнаго интереса къ различнымъ отраслямъ знанія: чѣмъ ближе касается человѣка извѣстная наука, тѣмъ болѣе занимаетъ она гуманистовъ. Поэтому съ самаго начала движенія исторія становится лю-

бимымъ предметомъ ихъ научной дѣятельности; но первые гуманисты понимаютъ ее весьма односторонне: исторія для нихъ—аггрегатъ біографій, а ея цѣль—воспитаніе индивидуальныхъ добродѣтелей. Съ этой точки зрѣнія древняя исторія, богатая примѣрами личной доблести, представлялась особенно поучительной; уже Петрарка началъ писать римскую исторію въ біографіяхъ, и послѣдующіе гуманисты шли по его стопамъ. Такое узко-индивидуалистическое пониманіе исторіи имѣло и хорошую сторону; интересъ къ біографіи имѣлъ то послѣдствіе, что уже въ XV ст. этотъ отдѣлъ исторіографіи доведенъ до значительнаго совершенства (біографія послѣдняго Висконти, написанная Дечембріо). Вскорѣ взглядъ на исторію расширился, ея цѣль стала пониматься глубже: объектомъ исторіи признаютъ не только отдѣльнаго человѣка, но и государство, а ея назидательность видятъ въ замѣнѣ ею политическаго опыта. Предметомъ историческаго изученія становится не только античный міръ, но также средніе вѣка и болѣе близкое прошлое; въ томъ же направленіи дѣйствовало

концѣ концовъ благотворно подѣйствовали на развитіе научной юриспруденціи. Также косвенное, хотя и болѣе непосредственное, вліяніе имѣло гуманистическое движеніе на естественныя науки. Уже первые гуманисты обнаруживаютъ любовь къ природѣ и почти религіозное благоговѣніе передъ ея красотами, и эта черта проходитъ красною нитью черезъ все движеніе; но оно отразилось прежде всего и сильнѣе всего на искусствѣ и на поэзіи; затѣмъ развившаяся страсть къ путешествіямъ повліяла на развитіе географіи, о которой писали гуманисты уже въ XV вѣкѣ. («Описаніе Крита» Буондельмонти, «Italia illustrata» Біондо, «Космографія» Пикколомини); наконецъ, среди самихъ гуманистовъ появляются натуралисты, какъ А. Б. Альберти. На-ряду съ философіей и наукой, а иногда даже выше ихъ, гуманисты ставили поэзію, въ которой Петрарка и его ближайшіе послѣдователи видѣли моральное назиданіе въ аллегорической формѣ; поэтому всѣ гуманисты называли себя поэтами и весьма многіе изъ нихъ писали стихи. Поэтическія произведенія гуманистовъ распадают-

ся на двѣ категоріи: латинскія, составлявшія по формѣ подражаніе древнимъ, и итальянскія, продолжавшія средневѣковую литературную традицію. Воспроизводя всѣ формы античной поэзіи, отъ эпоса до драмы, гуманисты влагали въ нихъ новое содержаніе. Такъ, уже Петрарка, воспѣвавшій въ эпической поэмѣ «Африка» Сципіона Африканскаго, въ эклогахъ изображалъ современную дѣйствительность; позже гуманисты обрабатывали почти исключительно современныя темы; но поэзія по большей части совершенно отсутствуетъ въ ихъ произведеніяхъ, кромѣ музыки. Существеннѣе и важнѣе измѣненія, внесенныя ими въ національную литературу. Петрарка и Боккачіо не только оказали сильное вліяніе на развитіе итальянскаго стихосложенія и прозы, но измѣнили самое отношеніе къ сюжету. Интересъ къ человѣку развилъ наблюдательность къ своей и чужой психической жизни; лирика сдѣлалась точнымъ изображеніемъ внутренняго міра человѣка, а въ произведеніяхъ Боккачіо встрѣчаются первые образцы психологическаго романа. Въ концѣ движенія латинская по-

концѣ концовъ благотворно подѣйствовали на развитіе научной юриспруденціи. Также косвенное, хотя и болѣе непосредственное, вліяніе имѣло гуманистическое движеніе на естественныя науки. Уже первые гуманисты обнаруживаютъ любовь къ природѣ и почти религіозное благоговѣніе передъ ея красотами, и эта черта проходитъ красною нитью черезъ все движеніе; но оно отразилось прежде всего и сильнѣе всего на искусствѣ и на поэзіи; затѣмъ развившаяся страсть къ путешествіямъ повліяла на развитіе географіи, о которой писали гуманисты уже въ XV вѣкѣ. («Описаніе Крита» Буондельмонти, «Italia illustrata» Біондо, «Космографія» Пикколомини); наконецъ, среди самихъ гуманистовъ появляются натуралисты, какъ А. Б. Альберти. На-ряду съ философіей и наукой, а иногда даже выше ихъ, гуманисты ставили поэзію, въ которой Петрарка и его ближайшіе послѣдователи видѣли моральное назиданіе въ аллегорической формѣ; поэтому всѣ гуманисты называли себя поэтами и весьма многіе изъ нихъ писали стихи. Поэтическія произведенія гуманистовъ распадают-

ся на двѣ категоріи: латинскія, составлявшія по формѣ подражаніе древнимъ, и итальянскія, продолжавшія средневѣковую литературную традицію. Воспроизводя всѣ формы античной поэзіи, отъ эпоса до драмы, гуманисты влагали въ нихъ новое содержаніе. Такъ, уже Петрарка, воспѣвавшій въ эпической поэмѣ «Африка» Сципіона Африканскаго, въ эклогахъ изображалъ современную дѣйствительность; позже гуманисты обрабатывали почти исключительно современныя темы; но поэзія по большей части совершенно отсутствуетъ въ ихъ произведеніяхъ, кромѣ музыки. Существеннѣе и важнѣе измѣненія, внесенныя ими въ національную литературу. Петрарка и Боккаччіо не только оказали сильное вліяніе на развитіе итальянскаго стихосложенія и прозы, но измѣнили самое отношеніе къ сюжету. Интересъ къ человѣку развилъ наблюдательность къ своей и чужой психической жизни; лирика сдѣлалась точнымъ изображеніемъ внутренняго міра человѣка, а въ произведеніяхъ Боккаччіо встрѣчаются первые образцы психологическаго романа. Въ концѣ движенія латинская по-

эзія постепенно исчезаетъ, и въ произведеніяхъ Тассо и Аріосто итальянская поэзія по художественности приближается къ античнымъ образцамъ, вполнѣ сохраняя національный характеръ въ формѣ и содержаніи.

Перерабатывая унаслѣдованную культуру въ духѣ новыхъ индивидуальныхъ потребностей, гуманисты не оставались только теоретиками, но и практически проводили въ жизнь свои воззрѣнія. Свѣтскій ученый, кромѣ практическихъ врачей и юристовъ-практиковъ — исключительное явленіе въ средніе вѣка, и гуманистамъ, порвавшимъ съ монастыремъ, приходилось создавать себѣ новое общественное положеніе. Выходя, по большей части, изъ среднихъ и даже низшихъ классовъ городского населенія, они или принимали духовный санъ, чтобы имѣть какіе-нибудь доходы, оставаясь чисто свѣтскими людьми по жизни и убѣжденіямъ, или добивались университетскихъ каѳедръ, или открывали свои школы, или чаще и охотнѣе всего, поступали на службу къ частнымъ лицамъ, къ республиканскимъ правительствамъ, къ государямъ и въ папскую курію. Являясь вы-

разителями назрѣвшихъ общественныхъ потребностей, гуманисты скоро пріобрѣли широкое вліяніе, которымъ они пользовались для распространенія своихъ воззрѣній и вкусовъ. Средствомъ для этого служили публичныя рѣчи, переписка инвективы. Уже въ XIV ст. развился обычай сопровождать рѣчами дипломатическія сношенія и всѣ болѣе или менѣе важные акты внутренней жизни государства, что заставляло правительство приглашать на службу гуманистовъ. Позже появляется мода произносить рѣчи на домашнихъ торжествахъ, и гуманистъ являлся въ такихъ случаяхъ или почетнымъ гостемъ, или наемнымъ ораторомъ. Гуманистическія рѣчи не только защищали интересы мецената или прославляли его, но служили средствомъ распространенія въ обществѣ новыхъ взглядовъ и новыхъ вкусовъ. Обыкновенно эти образцы краснорѣчія собирались, перечитывались и имѣли значеніе философской, ученой и политической публицистики. Такое же значеніе имѣла гуманистическая эпистолографія. Уже Петрарка при жизни собралъ и издалъ свою частную пере-

писку; его примѣру слѣдовало большинство гуманистовъ. Личныя дѣла, кромѣ самыхъ интимныхъ, не исключались, потому что они могли служить средствомъ самовосхваленія въ благовидной формѣ; но главное содержаніе переписки составляла пропаганда гуманистическихъ воззрѣній, а иногда письма носятъ характеръ настоящей передовой статьи по политическому вопросу. Чтобы произвести болѣе сильное впечатлѣніе, гуманисты прибѣгали къ инвективѣ, т.-е., къ памфлету, а чаще къ пасквилю. Обыкновенно инвективы писались гуманистами другъ противъ друга; но иногда онѣ выходили за предѣлы личныхъ отношеній. Такъ Петрарка написалъ инвективу противъ одного французскаго кардинала, противодѣйствовавшаго возвращенію папъ изъ Авиньона въ Римъ; Верджеріо — противъ Малатесты, сбросившаго статую Виргилія, и противъ ростовщиковъ; Поджіо—противъ антипапы Феликса и Базельскаго собора; даже знаменитая критика Дара Константина, написанная Валлою, имѣла характеръ инвективы. Гуманисты создаютъ новый общественный классъ — свѣтскую интел-

лигенцію, а ихъ рѣчи, письма и инвективы служатъ органами руководимаго ими общественнаго мнѣнія и являются прототипомъ новой публицистики.

Несмотря на блестящій успѣхъ, гуманистическое движеніе не успѣло пріобрѣсти прочной почвы въ Италіи, вслѣдствіе недостатковъ, заключавшихся отчасти въ міросозерцаніи гуманистовъ, отчасти въ ихъ общественномъ положеніи. Совершивъ переворотъ въ воззрѣніяхъ образованнаго общества, гуманизмъ не былъ въ состояніи проникнуть въ массу, не сохранилъ для интеллигенціи связей съ народомъ, заключающихся въ религіи и патріотизмѣ, и остался безъ твердыхъ корней на поверхности итальянскаго общества. Съ другой стороны, религіозный индифферентизмъ и космополитическія тенденціи не надолго удовлетворили и образованные классы: гуманистамъ не удалось замѣнить средневѣковыхъ религіозно-моральныхъ ученій твердою этикой и прочной философскою доктриной, необходимость въ которыхъ чувствовалась особенно живо въ концѣ XV и въ XVI в., когда Италіи приходилось

испытывать тяжесть иноземнаго нашествія, а за Альпами началось могучее религіозное движеніе, нашедшее отголосокъ почти во всей Европѣ. Неустойчивость гуманистической морали рѣзко обнаружилась и на самихъ представителяхъ движенія. Реакція противъ аскетизма во имя потребностей человѣческой природы разнуздывала чувственность и въ практической жизни, и въ поэтическихъ произведеніяхъ, и даже въ моральныхъ теоріяхъ; стремленіе къ славѣ часто извращалось въ необузданное тщеславіе и самохвальство; развращающее положеніе на службѣ у меценатовъ заставляло кривить душой и писать по заказу. Въ силу всего этого гуманистическое движеніе заглохло въ Италіи къ концу XVI в., но созданный имъ культурный переворотъ не ограничился родиной гуманизма, а распространился за Альпы. Движеніе захватило Германію, Англію, Францію, Испанію и даже Польшу, причемъ въ каждой странѣ оно имѣло мѣстныя особенности.

Нѣмецкій гуманизмъ, сохраняя основныя черты движенія, отличается отъ итальянскаго прежде всего болѣе интенсивнымъ патріотизмомъ. Нѣмец-

кіе гуманисты считаютъ одной изъ главныхъ своихъ задачъ—«выгнать варварство изъ Германіи» и «вырвать науку у римлянъ». Съ этою цѣлью они усердно переводятъ классиковъ на родной языкъ, отыскиваютъ памятники нѣмецкой старины, основываютъ школы, учреждаютъ ученыя общества для изученія прошлаго, пишутъ историческія сочиненія, учебники и памфлеты въ патріотическомъ духѣ (труды Цельтеса, Вимпфелинга, Пиркгеймера, Бебеля и другихъ). Ихъ политическій идеалъ—единство Германіи—сходный въ основѣ съ стремленіями первыхъ итальянскихъ гуманистовъ, отличался большей опредѣленностью, находилъ больше сочувствія и пониманія въ нѣмецкой націи. Они хотѣли средневѣковаго императора сдѣлать политическимъ вождемъ націи и во имя этого боролись съ крупными феодалами, съ папою, съ духовенствомъ. Нѣмецкіе гуманисты, какъ Гуттенъ, могли стать во главѣ движенія, тогда какъ ихъ итальянскіе единомышленники, не имѣя опредѣленнаго представителя итальянскаго единства, служили силамъ, враждебнымъ объединенію. Другая особенность нѣмецкаго гуманизма—

среди религiознаго фанатизма, а въ Венгрiи и Польшѣ вызвало самостоятельное научное движенiе.

Внѣшняя исторiя гуманизма.—Первымъ гуманистомъ справедливо считаютъ Петрарку, хотя гуманистическiя идеи и интересы спорадически встрѣчаются гораздо раньше XIV столѣтiя. Родиной гуманизма была Италiя. Здѣсь культура стояла выше, чѣмъ въ остальной Европѣ, развитiе личности шло быстрѣе; живѣе, чѣмъ гдѣ либо, были древне-римскiя воспоминанiя. Наиболѣе ранними центрами движенiя сдѣлалась папская курiя, Неаполь, Флоренцiя и тираннiи Сѣверной Италiи. При космополитическомъ дворѣ авиньонскихъ папъ выступилъ Петрарка и нашелъ себѣ тамъ многочисленныхъ послѣдователей. Съ возвращенiемъ въ Римъ гуманистическiй элементъ въ курiи значительно усилился. При Бонифацiи IX на папскую службу вступаетъ Поджiо, при Иннокентiи VII—Бруни. Съ прекращенiемъ великаго раскола, папскiй дворъ сталъ однимъ изъ наиболѣе притягательныхъ центровъ для гуманистовъ, и папы охотно принимали ихъ на службу. Даже такiе папы, какъ Евгенiй IV, весьма мало

конца XV в. нѣтъ крупныхъ дѣятелей въ этомъ направленіи; позже слѣды переворота обнаруживаются въ искусствѣ, литературѣ и наукѣ, причемъ эти поздніе гуманисты, подобно нѣмецкимъ, стоятъ въ тѣсной связи съ національностью и церковнымъ движеніемъ. Произведенія Ронсара и Плейяды, «Дафнисъ и Хлоя» Аміо и въ особенности Рабле, подобно Тассо и Аріосто, являются болѣе результатомъ движенія, чѣмъ его проявленіемъ; то же самое въ наукѣ — Скалигеры, Казобонъ и Сомэзъ, Герсонъ, Дальи и Клеманжъ, а позже Де-Ту и Де-Безъ стоятъ въ связи съ церковнымъ движеніемъ. Въ Англіи гуманистическое движеніе развивалось слабо и медленно и было отодвинуто на задній планъ реформаціей. Только при Елизаветѣ обнаруживается болѣе значительное вліяніе гуманизма, и еще позже гуманистическій духъ проникаетъ въ нѣкоторыя протестантскія секты и одушевляетъ многія произведенія Мильтона. Въ Испаніи, Венгріи и Польшѣ гуманизмъ былъ заноснымъ явленіемъ, при чемъ на Пиренейскомъ полуостровѣ новое движеніе, ожививъ мѣстную литературу, заглохло

и религіознаго фанатизма, а въ Венгріи и Поль-
вызвало самостоятельное научное движеніе.
іѣшняя исторія гуманизма.—Первымъ гу-
стомъ справедливо считаютъ Петрарку, хотя
нистическія идеи и интересы спорадически
ѣчаются гораздо раньше XIV столѣтія. Ро-
ой гуманизма была Италія. Здѣсь культура
ла выше, чѣмъ въ остальной Европѣ, развитіе
ости шло быстрѣе; живѣе, чѣмъ гдѣ либо,
і древне-римскія воспоминанія. Наиболѣе
ими центрами движенія сдѣлалась папская
я, Неаполь, Флоренція и тиранніи Сѣверной
іи. При космополитическомъ дворѣ авиньон-
ъ папъ выступилъ Петрарка и нашелъ себѣ
многочисленныхъ послѣдователей. Съ воз-
іеніемъ въ Римъ гуманистическій элементъ
уріи значительно усилился. При Бонифаціи
іа папскую службу вступаетъ Поджіо, при
экентіи VII—Бруни. Съ прекращеніемъ ве-
го раскола, папскій дворъ сталъ однимъ изъ
олѣе притягательныхъ центровъ для гумани-
ъ, и папы охотно принимали ихъ на службу.
е такіе папы, какъ Евгеній IV, весьма мало

дворѣ Роберта, гдѣ развивался Боккаччіо, было нѣсколько гуманистовъ (Барбато ди Сульмоно, Діониджи Роберти и друг.); но процвѣтаніе неаполитанскаго гуманизма относится ко времени Альфонса Аррагонскаго, при дворѣ котораго находились Валла, Беккаделли, Фаціо, Манетти и его преемника Ферранте, когда Джіовіано Понтано основалъ тамъ гуманистическую академію. Преемникомъ Понтано въ академіи былъ Саннацаро; но паденіе движенія въ Неаполѣ началось вмѣстѣ съ французскимъ завоеваніемъ. Во Флоренціи гуманисты встрѣчаются уже между современниками Петрарки (кромѣ Баккаччіо—Нелли, старшій Костильонкіо и друг.) и во второй половинѣ XIV в. въ мѣстномъ Studio преподаютъ профессора въ новомъ духѣ (Бандини, Мальпагини, Ф. Виллани). Въ концѣ столѣтія, благодаря канцлеру Салютати, монаху Л. Марсильи и купцу Никколи, Флоренція становится настоящимъ разсадникомъ гуманизма; отсюда вышли весьма крупные дѣятели Возрожденія, какъ Поджіо, Бруни, Марсупини, Манетти и много другихъ; но большинство изъ нихъ ищутъ службы и меценатовъ

за предѣлами родного города и только подъ старость, добившись обезпеченія, дѣлаются канцлерами республики.

Съ установленіемъ во Флоренціи принципата Медичи гуманистическое движеніе получило мѣстныхъ меценатовъ: около Козимо сгруппировались ранніе гуманисты; при Лоренцо Великолѣпномъ, который покровительствовалъ представителямъ всѣхъ сторонъ Возрожденія, возникла гуманистическая академія въ духѣ Платона, гдѣ главную роль играли Ландини и Марсиліо Фичино. Позже успѣшная проповѣдь Саванароллы нанесла первый тяжелый ударъ флорентійскому гуманизму, а иноземныя завоеванія и католическая реакція положили конецъ его развитію.

Примѣру Флоренціи слѣдовали мелкія республики въ Тосканѣ. Такъ, изъ Ареццо вышло много гуманистовъ, но они не живутъ въ родномъ городѣ,—чаще всего поступаютъ на службу въ курію (Ринуччіо, Тортелли), а потомъ пересылаются во Флоренцію. Въ Сіенѣ гуманистическое движеніе обнаруживается весьма рано, и правительство старается привлечь въ мѣстный университетъ вид-

дворѣ Роберта, гдѣ развивался Боккаччіо, было нѣсколько гуманистовъ (Барбато ди Сульмоно, Діониджи Роберти и друг.); но процвѣтаніе неаполитанскаго гуманизма относится ко времени Альфонса Аррагонскаго, при дворѣ котораго находились Валла, Беккаделли, Фаціо, Манетти и его преемника Ферранте, когда Джіовіано Понтано основалъ тамъ гуманистическую академію. Преемникомъ Понтано въ академіи былъ Саннацаро; но паденіе движенія въ Неаполѣ началось вмѣстѣ съ французскимъ завоеваніемъ. Во Флоренціи гуманисты встрѣчаются уже между современниками Петрарки (кромѣ Баккаччіо—Нелли, старшій Костильонкіо и друг.) и во второй половинѣ XIV в. въ мѣстномъ Studio преподаютъ профессора въ новомъ духѣ (Бандини, Мальпагини, Ф. Виллани). Въ концѣ столѣтія, благодаря канцлеру Салютати, монаху Л. Марсильи и купцу Никколи, Флоренція становится настоящимъ разсадникомъ гуманизма; отсюда вышли весьма крупные дѣятели Возрожденія, какъ Поджіо, Бруни, Марсупини, Манетти и много другихъ; но большинство изъ нихъ ищутъ службы и меценатовъ

преподавали Барциццо, Хризолоръ, Валла и др. Въ Веронѣ слѣды гуманистическаго движенія обнаруживаются еще при Скалигерахъ, но печальная участь этого города, переходившаго подъ власть то одного, то другого изъ своихъ сосѣдей, помѣшала образованію здѣсь крупнаго гуманистическаго центра. Тѣмъ не менѣе изъ Вероны вышли знаменитый Гуарино и первая гуманистка Изотта Ногаролла. Падуя, благодаря Каррарамъ и тѣсной связи съ ними Петрарки, весьма рано сдѣлалась однимъ изъ наиболѣе крупныхъ гуманистическихъ центровъ. Въ мѣстномъ университетѣ преподавали Фр. Дзабарелло, ученикъ Петрарки Конвертино, П. П. Верджеріо; нѣкоторые изъ нихъ занимали, кромѣ того, мѣсто государственнаго канцлера. Съ начала XV в., когда Падуя перешла подъ власть Венеціи, мѣстный универ ситетъ сталъ настоящей гуманистическою семинаріей для республики. Властители Феррары, д'Эсте весьма рано начали покровительствовать гуманистамъ; но важную роль въ движеніи начинаетъ играть этотъ городъ только съ XV в., когда тамъ появляется Гуарино, давшій гумани-

ныхъ гуманистовъ (Biglio, Филельфо); но сіенскіе гуманисты покрупнѣе, какъ Э. С. Пикколомини, точно также ищутъ успѣха за предѣлами своей маленькой родины. Въ первое столѣтіе движенія гуманистическіе центры особенно часты въ Сѣв. Италіи. Въ Миланѣ гуманизмъ былъ насажденъ самимъ Петраркой, который, живя при дворѣ Дж. Висконти, основалъ здѣсь кружокъ (академію) изъ 30 членовъ. Изъ послѣдующихъ Висконти систематическимъ меценатомъ у гуманистовъ былъ Джангалеаццо, ясно сознававшій ихъ публицистическую силу; но ему удалось привлечь къ своему двору только одного крупнаго представителя гуманизма Лоски, который въ стихахъ и прозѣ защищалъ его интересы. Болѣе успѣха имѣлъ въ этомъ отношеніи Филиппо-Марія, при дворѣ котораго была масса крупныхъ гуманистовъ (Дечембріо, Бриппи, Да-Ро, Филельфо и др.). Меценатами были и Сфорца, въ особенности Франческо и Людовико Моро. При Висконти основанъ былъ университетъ въ Павіи, который при Джангалеаццо и особенно при Филиппо-Маріа сдѣлался проводникомъ гуманизма, такъ какъ тамъ

преподавали Барциццо, Хризолоръ, Валла и др. Въ Веронѣ слѣды гуманистическаго движенія обнаруживаются еще при Скалигерахъ, но печальная участь этого города, переходившаго подъ власть то одного, то другого изъ своихъ сосѣдей, помѣшала образованію здѣсь крупнаго гуманистическаго центра. Тѣмъ не менѣе изъ Вероны вышли знаменитый Гуарино и первая гуманистка Изотта Ногаролла. Падуя, благодаря Каррарамъ и тѣсной связи съ ними Петрарки, весьма рано сдѣлалась однимъ изъ наиболѣе крупныхъ гуманистическихъ центровъ. Въ мѣстномъ университетѣ преподавали Фр. Дзабарелло, ученикъ Петрарки Конвертино, П. П. Верджеріо; нѣкоторые изъ нихъ занимали, кромѣ того, мѣсто государственнаго канцлера. Съ начала XV в., когда Падуя перешла подъ власть Венеціи, мѣстный университетъ сталъ настоящей гуманистическою семинаріей для республики. Властители Феррары, д'Эсте весьма рано начали покровительствовать гуманистамъ; но важную роль въ движеніи начинаетъ играть этотъ городъ только съ XV в., когда тамъ появляется Гуарино, давшій гумани-

стическое образованіе Ліонелло д'Эсте и образовавшій цѣлую школу послѣдователей. Съ этихъ поръ до самаго конца эпохи Феррара изобилуетъ гуманистами, длинный рядъ которыхъ заканчивается великими національными поэтами—Баярдо, Аріосто и Тассо. Въ Мантуѣ слѣды гуманистическаго движенія замѣчаются уже въ XIV в.; но важное значеніе въ исторіи гуманизма пріобрѣтаетъ городъ только при Франческо II Гонзагѣ, когда Витторино да Фельтре основалъ здѣсь гуманистическую школу. Въ торговой Генуѣ гуманизмъ никогда не получалъ значительнаго развитія, а ея вѣчная соперница Венеція была захвачена врасплохъ движеніемъ сравнительно поздно. До XV ст. его слѣды замѣчаются только среди чиновниковъ республики, а также среди врачей и учителей; позже въ ряды гуманистовъ вступаютъ нѣкоторые представители венеціанской знати (Джустиніани, Барбаро и др.), но они не раздѣляютъ всѣхъ гуманистическихъ тенденцій и представляютъ собою консервативную партію въ новомъ движеніи. Хотя гуманизмъ по своему происхожденію былъ итальянскимъ движеніемъ,

тѣмъ не менѣе его тенденціи не заключали въ себѣ никакихъ узконаціональныхъ элементовъ. Среди дѣятелей Возрожденія было нѣсколько византійскихъ грековъ, которые въ XIV ст. являлись только учителями греческаго языка (Варлаамъ, Пилатъ), въ началѣ XV соединяли съ формальнымъ обученіемъ гуманистическія тенденціи (Хризолоръ, Аргиропулосъ и др), а послѣ Флорентійской уніи стали въ первыхъ рядахъ движенія (Виссаріонъ, Гемистосъ Платонъ и др.).

Въ Германію гуманистическое движеніе проникало изъ Италіи различными путями, и его вліяніе началось очень рано. Уже у Петрарки были друзья въ Германіи (канцлеръ Карлъ IV ІоганъНоймаркскій и др.); въ XV в. нѣмцы знакомятся съ движеніемъ троякимъ способомъ: на соборахъ Констанцскомъ и Базельскомъ, куда пріѣзжали изъ Италіи гуманистическіе прелаты и ихъ секретари изъ гуманистовъ; непосредственнымъ изученіемъ новой науки въ Италіи (Людеръ, Карохъ, Рейхлинъ и др.) и пропагандою итальянскихъ гуманистовъ въ Германіи. Послѣ Констанцскаго собора на службу къ императору Сигизмунду

поступилъ П. П. Верджеріо; но настоящимъ апостоломъ гуманизма въ Германіи былъ Энео Сильвіо Пикколомини, поступившій на службу къ Фридриху III послѣ Базельскаго собора. Подъ его вліяніемъ возникаетъ гуманистическое движеніе въ Вѣнѣ (Рудереръ, Зонненбергеръ и др.) и въ другихъ мѣстахъ тогдашней Германіи (Туссекъ, Рабштейнъ и др.). Съ конца XV ст. начинается расцвѣтъ нѣмецкаго гуманизма. Въ различныхъ пунктахъ Германіи появляются меценаты, собирающіе при своихъ дворахъ новыхъ ученыхъ и поэтовъ. Таковъ Альбрехтъ Майнцскій (при его дворѣ Eitelwolf von Stein, одно время Гуттенъ и др.), Фридрихъ Мудрый Саксонскій (при немъ Спалатинъ и др.) и Эбергардтъ Бородатый Вюртембергскій (у него Тюнгеръ и др.). Въ нѣкоторыхъ пунктахъ возникаютъ гуманистическія школы. Дрингенбергъ основалъ такую школу въ Шлеттштадтѣ, Гегіусъ — въ Девентерѣ, Рудольфъ фонъ-Лангенъ — въ Мюнстерѣ, и изъ этихъ разсадниковъ новаго просвѣщенія вышелъ цѣлый рядъ гуманистовъ. Труднѣе проникало движеніе въ университеты. Людеръ враждебно встрѣченъ былъ

въ Гейдельбергѣ и Лейпцигѣ, гдѣ не имѣлъ успѣха и Карохъ; позже въ Кельнѣ гуманистъ Генрихъ фонъ-Бушъ вынужденъ былъ вести ожесточенную борьбу съ защитникомъ старины, Ортуиномъ Граціемъ.

Но мало-по-малу гуманисты водворяются и въ университетахъ. Такъ, въ Эрфуртѣ, негостепріимно встрѣтившемъ Людера, позже появляются гуманистическіе профессора (Труфеттеръ, Муціанъ Руфъ и др.), а въ нѣкоторыхъ новыхъ университетахъ, возникшихъ въ эту эпоху: въ Базельскомъ, основанномъ Піемъ II, и въ Тюбингенскомъ, основанномъ Сикстомъ IV,—съ самаго начала преподаютъ гуманисты (въ Базелѣ Гейнлинъ и Лапидъ, въ Тюбингенѣ—Генрихъ Бебель). Наконецъ, во многихъ городахъ образуются самостоятельные гуманистическіе кружки, имѣвшіе широкое вліяніе. Такъ въ Страсбургѣ многіе гуманисты группировались около Вимфелинга (Себ. Брантъ и др.), въ Аугсбургѣ—около Пейтингера, въ Нюрнбергѣ - около Пиркгеймера. Члены нѣкоторыхъ кружковъ, а также отдѣльно дѣйствующіе гуманисты, составляли, кромѣ того, ученыя

общества (Sodalitates litterariae), изъ которыхъ особенно замѣчательны Дунайское (Куспиніанъ и друг.) и Рейнское (Пейтингеръ, Дальбургъ, Рейхлинъ и др.). Ученіе Лютера произвело расколъ среди гуманистовъ: одни безусловно его приняли (Меланхтонъ), другіе находили его слишкомъ радикальнымъ (Эразмъ), третьи—недостаточно рѣшительнымъ и послѣдовательнымъ (Гуттенъ). Кромѣ этого внутренняго распаденія, гуманизмъ и по другимъ причинамъ уступилъ мѣсто реформаціи: она шире и глубже захватила нѣмецкое общество, взволновала массы и повлекла за собою ожесточенную политическую и соціальную борьбу.

Въ Венгріи, куда достигало уже вліяніе Пикколомини, главными проводниками гуманизма были Витецъ, канцлеръ Матвѣя Корвина, и Янъ Понноній, оба получившие образованіе въ Италіи. Въ Англіи имѣлъ друзей Петрарка (Richard d'Angerville); Чосеръ и Лидгатъ были хорошо знакомы съ латинскими и итальянскими произведеніями первыхъ гуманистовъ; у Генри Бофора, еп. винчестерскаго, находился на службѣ Поджіо, съ

которымъ онъ познакомился въ Констанцѣ; герцогъ Глостеръ стоялъ въ сношеніяхъ со многими гуманистами; Дечембріо переводилъ для него Платона. Наконецъ, нѣсколько англичанъ изучали новую науку въ Италіи подъ руководствомъ гуманистовъ (Типтофтъ, Грей, Фри и др.); но до XVI ст. всѣ эти связи не имѣли значительныхъ результатовъ. То же самое можно сказать относительно Франціи. Хотя уже между французскими членами авиньонской куріи у Петрарки были почитатели (Талейранъ и др.) и даже противники, способные бороться съ нимъ одинаковымъ оружіемъ, хотя между Франціей и Италіей не прерывались постоянныя сношенія,—тѣмъ не менѣе вліяніе итальянскаго гуманизма было весьма слабо. Интересъ къ древности или носилъ формальный характеръ (Жанъ изъ Монтрейля), или онъ выразился религіозными потребностями (Клеманжъ и др.). Сорбонна была чужда гуманизму, и среди французскихъ королей до XVI в. не было меценатовъ въ новомъ духѣ. Въ Испаніи и Португаліи только спорадически встрѣчаются почитатели итальянскихъ гуманистовъ (Фернандо-дель-Діасъ

и др.), хотя Альфонсъ Аррагонской, завладѣвъ Неаполемъ, образовалъ при своемъ дворѣ гуманистическій кружокъ. Такимъ образомъ гуманизмъ, какъ самостоятельное движеніе, существовалъ только въ Италіи и Германіи; въ другихъ странахъ его вліяніе усиливается только въ XVI в., но оно дѣйствуетъ параллельно съ религіозными теченіями, и внѣшняя исторія гуманизма сливается съ исторіей реформаціоннаго движенія *).

---

*) Литература: Uespasiano da Bisticci: „Uite di numini illustri del secolo XV" (Фл. 1859); Voigt: „Die Wiederbelebung des classischen Alterthums oder das erste Jahrhundert des Humanismus" (3-е изд. Берл. 1894); Burckhardt: „Die Cultur der Renaissance in Italien" (4-е изд. Лпц. 1885); Symonds: „Renaissance in Italy" (Л. 1877—81); Guerzoni: „Il primo Rinascimento" (Верона 1878); Janitschek: „Die Geselschaft der Renaissance in Italien und die Kunst" (Штутгартъ 1879); Gebhart: „Les origines de la Renaissance en Italie" (П. 1879); его же: La Renaissance italienne et la philosophie de l'histoire (П. 1885); Geiger: „Renaissance u. Humanismus in Italien u. Deutschland" (Берл. 1882); Körting: „Die Anfänge der Renaissance-litteratur in Italien" (Лпц. 1884); Корелинъ: „Ранній итальянскій гуманизмъ и его исторіографія" (М. 1892).

Петрарка, какъ политикъ *).

I.

Изъ всѣхъ сферъ теоретической дѣятельности человѣка политическая мысль имѣетъ наиболѣе тѣсную связь со всѣми сторонами дѣйствительной жизни. Въ дѣйствительности коренятся ея начала: выходя положительно или отрицательно изъ существующаго порядка вещей, она стре-

*) Francisci Petrarcae: Epistolae de rebus familiaribus, libri XXIV, Variae, liber 1, et Appendix litterarum. Edit. Josephi Fracassetti, 3 vol. Florentiae 1859—63.—Francesco Petrarca: Lettere Senili volgarizzate da Guiseppe Fracasetti. Firenze. 1869.—Francisci Petrarchae: Ofiera, quae extant, omnia. Basileae 1554. per Sebastianum Henricpetri.—Petrarca: Scritti inediti publ. ed. illustr. da A. Hortis. Trieste 1874.—Petrarca: Rime sopro argomenti storici, morali e diversi ed. Carducci. Livorno, 1876.

мится привести его въ возможно полную гармонію съ религіозными и нравственными идеалами личности и, вслѣдствіе этого, въ одно и то же время отражаетъ и политическую дѣйствительность, и отношеніе къ ней отдѣльной личности со всѣми мотивами, обусловливающими это отношеніе. Съ другой стороны, теоретическая мысль въ области политики всегда имѣетъ тенденцію сдѣлаться практической программой, предписывать реформы и мѣропріятія и, по временамъ если не прямо вызываетъ событія, то, по крайней мѣрѣ, оказываетъ на нихъ сильное вліяніе и создаетъ для нихъ теоретическое оправданіе. Чтобы иллюстрировать творческую дѣятельность политической мысли, достаточно указать итальянскіе походы средневѣковыхъ императоровъ, или роль легистовъ въ исторіи французской королевской власти, или значеніе просвѣтительной литературы въ политической дѣятельности революціонныхъ собраній конца прошлаго вѣка. Такимъ образомъ она является не только историческимъ источникомъ для изученія дѣйствительности, но могущественнымъ ея факторомъ, безъ пони

анія котораго останутся непонятными и самыя обытія.

Съ этой точки зрѣнія политическіе взгляды тальянскаго Возрожденія представляютъ особенный интересъ. Въ эту эпоху въ Западной Европѣ происходила крупная ломка во всѣхъ сферахъ бщественной и индивидуальной жизни. Старая олитическая теорія о двухголовомъ единствѣ ристіанскаго міра никогда не стояла въ болѣе ѣзкомъ противорѣчіи съ дѣйствительностью, ѣмъ въ это время. Духовный глава завязъ во французскомъ городишкѣ. Жалкая игрушка въ укахъ лицъ, обладающихъ реальною силой, онъ рожалъ за Римъ въ Авиньонѣ и не смѣлъ веруться въ одичавшій Вѣчный городъ. Чтобы подотовить себѣ возвращеніе, папы наводнили Италію чужеземными войсками, которыя вскорѣ увеичили собою и безъ того огромное количество уземныхъ разбойничьихъ шаекъ, что наносило яжелый ударъ авторитету и духовной власти Христова намѣстника. Кромѣ этого, единствеными проявленіями папской дѣятельности были лобныя анаѳемы, надъ которыми повсюду смѣя-

лись, и вопіющіе пороки куріи, которые вызыв
всеобщее презрѣніе. Не менѣе далеко отъ и
ла стояли и свѣтскія главы христіанскаго м
Въ лучшемъ случаѣ они пользовались сво
универсальнымъ положеніемъ въ интересахъ
мильныхъ владѣній, а чаще всего торговали им
раторскими прерогативами, иногда вслѣдствіе
чальной необходимости собрать кое-какія ср
ства, чтобы покрыть издержки коронованія,
даже чтобы заплатить мяснику. По мѣрѣ осл
ленія папства и имперіи усиливалась національ
монархія съ абсолютною властью, которой п
надлежало непосредственное будущее. Но
концѣ XIV вѣка монархическій принципъ въ
нихъ государствахъ переживалъ тяжелый, х
и временный, кризисъ, въ другихъ еще не
вился окончательно. Во Франціи преемники
липпа IV и предшественники Людовика Х
влачили жалкое существованіе. Англія была оч
далека до могучаго, хотя и кратковремен
деспотизма Тюдоровъ и Стюартовъ. Въ Герм
происходила взаимная борьба всѣхъ полити
скихъ силъ, при чемъ будущая окончатель

побѣда князей едва обозначалась въ Золотой буллѣ Карла IV. Еще неопредѣленнѣе было политическое положеніе Италіи. Страна распадалась на массу мелкихъ областей съ двумя господствующими политическими формами: республиканской и монархической. Между этими многочисленными государствами происходила непрерывная борьба; такая же борьба шла внутри каждаго изъ нихъ, такъ что въ общемъ Италія находилась въ естественномъ состояніи, какъ его понималъ Гоббсъ: тамъ былъ homo homini lupus (человѣкъ человѣку волкъ); тамъ господствовало bellum omnium contra omnes. Но среди этого хаоса у лучшихъ людей не умирала старая вѣра въ возможность всемірнаго владычества Рима и появилась новая надежда на политическое объединеніе Италіи. Это была мечта, но мечта лестная для національнаго самолюбія и дорогая для патріотизма, какъ вѣрное средство установить политическій порядокъ и поднять народное благосостояніе. Не удивительно поэтому, что энтузіасты дѣлали попытки осуществить эту мечту и даже увлекали за собой подвижную, въ особен-

ности на югѣ, толпу. Но это были только м
нутные порывы, безпощадно разбиваемые дѣ
ствительностью. Не только всемірное господств
но и первый шагъ къ нему—политическое об
единеніе было отдаленною цѣлью, для достиж
нія которой нужно было пользоваться наличны
политическими силами. Но на какую изъ ни
можно было положиться? Городскія республи
находились въ несомнѣнномъ упадкѣ; но и м
нархіи не представляли гарантій прочности: он
были основаны на насиліи, насиліемъ держали
и не имѣли ни юридическаго ни, нравственна
авторитета въ обществѣ. Поэтому выборъ меж
обѣими силами представлялъ серьезныя затру
ненія. Аналогичное движеніе, особенно сильн
въ это время въ Италіи, происходило и въ с
ціальномъ строѣ. Средневѣковой феодализм
раздробившій западно-европейскіе народы на м
кроскопическія госу дарства sui generis, распада
ся на такое же огромное количество мелких
корпорацій. Населеніе феодальной сеньоріи, хо
тя немногочисленное, было очень разнообраз
по своимъ правамъ и обязанностямъ: горожа

лились на огромное количество цеховъ, въ соавъ которыхъ входили не только различные омышленники и ремесленники, но и немногіе едставители весьма бѣдной тогда научной и дожественной дѣятельности. Корпоративный хъ проникалъ все, господствовалъ даже въ таихъ индивидуальныхъ проявленіяхъ жизни, какъ елигія и поэзія. Каждый цехъ имѣлъ своего святого, каждое сословіе имѣло свою литературу. ъ рыцарской поэзіи враждебно относилось духовенство, городскіе фабльо осмѣивали и представителей церкви, и дворянскіе романы, а низшій лассъ воспѣвалъ только свое горе и свои радости и игнорировалъ литературу другихъ солосій. Такимъ образомъ вся—и матеріальная, и уховная – жизнь личности обусловливалась корорацiей, къ которой она принадлежала по рожденію. Самъ по себѣ человѣкъ не имѣлъ значеія: оно цѣликомъ зависѣло отъ его класса. Это ыло настоящее закрѣпощеніе личности, изъ коэраго былъ одинъ только выходъ—въ монахи, -е. отреченіе отъ жизни.

Въ XIV вѣкѣ въ особенности въ Италіи эти

мится привести его въ возможно полную гармонію съ религіозными и нравственными идеалами личности и, вслѣдствіе этого, въ одно и то же время отражаетъ и политическую дѣйствительность, и отношеніе къ ней отдѣльной личности со всѣми мотивами, обусловливающими это отношеніе. Съ другой стороны, теоретическая мысль въ области политики всегда имѣетъ тенденцію сдѣлаться практическою программой, предписывать реформы и мѣропріятія и, по временамъ, если не прямо вызываетъ событія, то, по крайней мѣрѣ, оказываетъ на нихъ сильное вліяніе и создаетъ для нихъ теоретическое оправданіе. Чтобы иллюстрировать творческую дѣятельность политической мысли, достаточно указать итальянскіе походы средневѣковыхъ императоровъ, или роль легистовъ въ исторіи французской королевской власти, или значеніе просвѣтительной литературы въ политической дѣятельности революціонныхъ собраній конца прошлаго вѣка. Такимъ образомъ она является не только историческимъ источникомъ для изученія дѣйствительности, но могущественнымъ ея факторомъ, безъ пони-

ія котораго останутся непонятными и самыя
ытія.

:ъ этой точки зрѣнія политическіе взгляды
льянскаго Возрожденія представляютъ особен-
: интересъ. Въ эту эпоху въ Западной Евро-
происходила крупная ломка во всѣхъ сферахъ
цественной и индивидуальной жизни. Старая
итическая теорія о двухголовомъ единствѣ
стіанскаго міра никогда не стояла въ болѣе
комъ противорѣчіи съ дѣйствительностью,
.ъ въ это время. Духовный глава завязъ во
інцузскомъ городишкѣ. Жалкая игрушка въ
ахъ лицъ, обладающихъ реальною силой, онъ
жалъ за Римъ въ Авиньонѣ и не смѣлъ вер-
ься въ одичавшій Вѣчный городъ. Чтобы под-
эвить себѣ возвращеніе, папы наводнили Ита-
чужеземными войсками, которыя вскорѣ уве-
или собою и безъ того огромное количество
эмныхъ разбойничьихъ шаекъ, что наносило
келый ударъ авторитету и духовной власти
істова намѣстника. Кромѣ этого, единствен-
іи проявленіями папской дѣятельности были
бныя анаѳемы, надъ которыми повсюду смѣя-

ности на югѣ, толпу. Но это были только минутные порывы, безпощадно разбиваемые дѣйствительностью. Не только всемірное господство, но и первый шагъ къ нему—политическое объединеніе было отдаленною цѣлью, для достиженія которой нужно было пользоваться наличными политическими силами. Но на какую изъ нихъ можно было положиться? Городскія республики находились въ несомнѣнномъ упадкѣ; но и монархіи не представляли гарантій прочности: онѣ были основаны на насиліи, насиліемъ держались и не имѣли ни юридическаго ни, нравственнаго авторитета въ обществѣ. Поэтому выборъ между обѣими силами представлялъ серьезныя затрудненія. Аналогичное движеніе, особенно сильное въ это время въ Италіи, происходило и въ соціальномъ строѣ. Средневѣковой феодализмъ, раздробившій западно-европейскіе народы на микроскопическія государства sui generis, распадался на такое же огромное количество мелкихъ корпорацій. Населеніе феодальной сеньоріи, хотя бы немногочисленное, было очень разнообразно по своимъ правамъ и обязанностямъ; горожане

дѣлились на огромное количество цеховъ, въ составъ которыхъ входили не только различные промышленники и ремесленники, но и немногіе представители весьма бѣдной тогда научной и художественной дѣятельности. Корпоративный духъ проникалъ все, господствовалъ даже въ такихъ индивидуальныхъ проявленіяхъ жизни, какъ религія и поэзія. Каждый цехъ имѣлъ своего святого, каждое сословіе имѣло свою литературу. Къ рыцарской поэзіи враждебно относилось духовенство, городскіе фабльо осмѣивали и представителей церкви, и дворянскіе романы, а низшій классъ воспѣвалъ только свое горе и свои радости и игнорировалъ литературу другихъ сословій. Такимъ образомъ вся—и матеріальная, и духовная -- жизнь личности обусловливалась корпораціей, къ которой она принадлежала по рожденію. Самъ по себѣ человѣкъ не имѣлъ значенія: оно цѣликомъ зависѣло отъ его класса. Это было настоящее закрѣпощеніе личности, изъ котораго былъ одинъ только выходъ—въ монахи, т.-е. отреченіе отъ жизни.

Въ XIV вѣкѣ въ особенности въ Италіи эти

средневѣковые устои расшатались. Личность, духовный ростъ и развитіе которой такъ же органически необходимы, какъ ростъ и развитіе физическіе, переросла ранѣе созданныя ею культурныя формы. Мысль и чувство отказались повиноваться церковному авторитету, появилось свѣтское искусство, показались первые признаки самостоятельной науки. Въ то же время начались удачныя попытки перебираться черезъ соціальныя перегородки: крестьяне начинаютъ предводительствовать войсками, ремесленники занимаются наукой, банкиры захватываютъ государственную власть и разночинцы входятъ въ придворный штатъ государей, среди которыхъ точно также бывали политическіе проходимцы. И эти попытки личности восторжествовать надъ устарѣвшимъ порядкомъ вещей встрѣтили сочувствіе даже со стороны представителей тѣхъ общественныхъ классовъ, которые были заинтересованы въ его сохраненіи. Лучшею иллюстраціей такого отношенія можетъ служить всеобщій почетъ, которымъ былъ окруженъ Петрарка.

Петрарка былъ сынъ флорентійскаго нотаріуса,

изгнаннаго изъ родного города и подвергшагося конфискаціи имущества,—слѣдовательно, происхожденіе не давало надежды на почести. Не оправдывало подобныхъ ожиданій и его собственное положеніе въ обществѣ. Онъ былъ священникъ и, какъ духовная особа, не внушалъ большого уваженія: въ весьма поэтическихъ стихотвореніяхъ онъ воспѣвалъ свою несчастную любовь къ замужней женщинѣ и открыто жилъ съ другою, отъ которой имѣлъ дѣтей, что одинаково не подобало его сану. Единственнымъ основаніемъ его славы была молва о его поэтическомъ талантѣ и выдающейся учености, и эти чисто-индивидуальныя свойства оцѣнивались обществомъ чрезвычайно и даже черезчуръ высоко.

Самымъ могущественнымъ государемъ того времени въ Италіи былъ Робертъ Неаполитанскій. Передъ нимъ дрожали папы; благодаря его вліянію, императоры попадали въ самое критическое положеніе, и съ его стороны Петрарка былъ осыпанъ почестями. Передъ своимъ поэтическимъ коронованіемъ первый гуманистъ выразилъ желаніе подвергнуться экзамену короля, чтобы оправ-

дать свои лавры передъ цѣлымъ міромъ, и старый Робертъ въ теченіе трехъ дней съ полудня до вечера экзаменовалъ поэта. Результаты этого экзамена въ высшей степени характерны. Король уговаривалъ Петрарку короноваться въ Неаполѣ и остаться при его дворѣ; несмотря на всю щекотливость отказа, поэтъ настаивалъ на своемъ желаніи получить лавры на Капитоліи. Тогда Робертъ, не будучи въ состояніи по старости лично присутствовать на торжествѣ, послалъ въ Римъ своего представителя и написалъ римскому сенату посланіе, въ которомъ до небесъ превозносилъ ищущаго лавровъ Петрарку. На прощаніи король поцѣловалъ поэта и далъ ему свою пурпуровую мантію, какъ наиболѣе подходящій для коронованія костюмъ. Это былъ единственный подарокъ Роберта, другіе казались неприличны для поэта, котораго королевскій пурпуръ ставилъ наравнѣ съ монархомъ. Передъ такимъ почетомъ могущественнѣйшаго изъ государей Италіи блѣднѣли почести, которыми осыпали Петрарку второстепенные властители: Корреджи, Висконти и Каррара.

Еще характернѣе отношеніе къ первому гуманисту республиканскихъ правительствъ. Господствовавшіе тамъ представители правящихъ классовъ обнаруживали преклоненіе предъ человѣкомъ, успѣхъ котораго былъ проявленіемъ упадка того самаго строя, на которомъ они держались. Республиканская Флоренція, изгнавшая отца Петрарки, приглашала къ себѣ поэта-монархиста крайне лестною государственною грамотой и съ нарушеніемъ всѣхъ обычаевъ возвратила ему конфискованныя имущества, предварительно выкупивши ихъ на государственныя средства у частныхъ владѣльцевъ. Аристократическая Венеція государственнымъ актомъ признала, что демократъ Петрарка «обладаетъ теперь такою славой во всей вселенной, что, насколько запомнятъ люди, между христіанами не было ни одного моралиста, ни одного поэта, который могъ бы съ нимъ сравняться». Не удивительно поэтому, что мелкія республики считали одно посѣщеніе Петрарки для себя небывалою честью.

Отъ правительства не отставали представители отдѣльныхъ классовъ. Достаточно перелистовать

обширную переписку Петрарки, чтобы составить себѣ представленіе, какое огромное количество почитателей имѣлъ онъ въ различныхъ слояхъ средневѣковаго общества. Одинъ графъ приглашаетъ его въ свои владѣнія, чтобы «имѣть счастіе коснуться его священныхъ ногъ». Докторъ правъ изъ Пармы называетъ его въ своемъ стихотвореніи «солнцемъ, затмевающимъ другія звѣзды», вторымъ Гомеромъ, который возвратитъ золотой вѣкъ. Даже августинскій монахъ-эремитъ увлекается общимъ восторгомъ и заявляетъ, что при одной мысли о Петраркѣ онъ забываетъ этотъ міръ и дѣлается совсѣмъ другимъ человѣкомъ. Еще сильнѣе очарованіе въ тѣхъ классахъ, которымъ индивидуализмъ открывалъ широкіе горизонты, пролагалъ новые пути къ недоступнымъ прежде сферамъ дѣятельности. Школьные учителя обоготворяли Петрарку. Одинъ изъ нихъ, слѣпой старикъ изъ южной Италіи, хотѣлъ навѣстить его въ Неаполѣ; но, не заставъ его въ этомъ городѣ, пѣшкомъ прошелъ до самой Пармы, опираясь на плечо единственнаго сына, чтобы коснуться поэта и услыхать звукъ его голоса. Благо-

эвѣніе передъ первымъ гуманистомъ проникало аже и въ городское населеніе. Въ Бергамо, око- э Милана, жилъ одинъ старый ювелиръ. По- чакомившись съ сочиненіями Петрарки, онъ рѣ- іился просить поэта посѣтить его жилище. Пе- эарка исполнилъ его просьбу и получилъ въ ергамо чисто-королевскій пріемъ. Власти и по- этные жители города устроили ему торжествен- ую встрѣчу, а очарованный хозяинъ убралъ весь омъ Петрарки, отдѣлалъ золотомъ всю отведен- ую ему комнату и устроилъ пурпуровое ложе. Увлеченные общимъ потокомъ, сами предста- ітели средневѣковаго строя, папа и императоръ, :ыпали Петрарку почестями. Авиньонскіе папы,— ихъ Петрарка пережилъ 5, — обезпечили его эедства выгодными синекурами, не разъ предла- іли ему видное и доходное мѣсто апостольскаго :кретаря и есть извѣстіе, что пѣвца Лауры и гца по меньшей мѣрѣ двоихъ незаконныхъ дѣ- :й хотѣли сдѣлать кардиналомъ римской церкви такимъ образомъ открыть путь къ папскому пре- голу. Такія награды вовсе не соотвѣтствовали от- эшенію Петрарки къ папству. Въ стихотворені-

тебя, который былъ для меня ножомъ острымъ и смертельною раной, а также императорское изображеніе весьма старой работы. Еслибъ оно могло говорить, или ты могъ посмотрѣть на него, то оно удержало бы тебя отъ этого безславнаго, чтобы не сказать—позорнаго, пути. Будь здоровъ, Цезарь, и подумай, чтó ты оставляешь и къ чему стремишься». Несмотря на все это, Карлъ IV продолжалъ посылать дерзкому писателю подарки и приглашать его къ себѣ въ Богемію.

Этотъ ошеломляющій почетъ представляется нѣсколько загадочнымъ и для современнаго изслѣдователя. Какъ поэтъ, Петрарка занимаетъ сравнительно очень не выдающееся мѣсто въ исторіи всемірной литературы; да и не итальянская поэзія составляла источникъ его славы у современниковъ. Африка, его главная латинская поэма, осталась неоконченной; большинство его эклогъ были непонятны публикѣ. Его краснорѣчіе весьма сомнительной цѣны: въ его рѣчахъ гораздо больше грамматическихъ ошибокъ, чѣмъ изящества. Прозаическія сочиненія перваго гуманиста имѣютъ, конечно, огромное культурное

наченіе; но ихъ главная важность не въ содер-
каніи, а въ индивидуалистической тенденціи,
оторая пробивается чрезъ средневѣковое бла-
очестіе. По объему знаній Петрарка не многимъ
ревосходилъ своихъ современниковъ; и, кромѣ
ого, его главное ученое сочиненіе *De viris il-
ustribus* (о знаменитыхъ людяхъ) осталось не-
конченнымъ, да и другіе трактаты вышли уже
ъ самый разгаръ его славы. Остается его страсть
ъ изученію древности: она была, дѣйствительно,
аразительна; но самое ея существованіе у Петрар-
и и импонирующее вліяніе на современниковъ
бъясняются тѣмъ, что въ античной литературѣ
ычитывали свои чувства, находили идеи, оправ-
ывающія современное настроеніе. Единственное
бъясненіе огромной, притомъ не оправдываемой
фактами, популярности Петрарки заключается въ
олусознательномъ чувствѣ симпатіи къ чело-
ѣку, стремившемуся разрушить стѣснявшія лич-
ое развитіе корпоративныя перегородки и нис-
провергнуть внѣшній авторитетъ, давившій и мысль,
чувство, и волю отдѣльной личности. Почести
Петраркѣ были выраженіемъ инстинктивнаго со-

чувствія первому борцу индивидуализма со стороны общества съ вполнѣ развившимися уже индивидуалистическими потребностями. Вотъ почему безсознательно раздувалась репутація Петрарки, вотъ почему лавры на Капитоліи даны были ему въ кредитъ, только на основаніи слуховъ объ имѣющемъ появиться великомъ произведеніи, незначительные отрывки изъ котораго были извѣстны только неаполитанскому королю.

При такомъ торжествѣ индивидуальныхъ стремленій среди разрушающихся старыхъ и нарождающихся новыхъ общественныхъ порядковъ политическая мысль представляетъ особенный интересъ. Ея творческая дѣятельность вызывается самымъ положеніемъ дѣлъ; ея вліяніе особенно сильно чувствуется въ тотъ моментъ, когда слагаются новыя учрежденія. Съ другой стороны, для цѣлесообразной политической программы она должна опираться на тѣ наличныя общественныя силы, которыя считаются въ данное время наиболѣе жизненными. Съ этой точки зрѣнія трудно найти болѣе характернаго для своей эпохи политическаго мыслителя, чѣмъ былъ Петрарка.

II.

Въ XIV вѣкѣ жили два болѣе крупныхъ дѣятеля въ этой сферѣ, которые занимаютъ видное мѣсто во всемiрной исторiи политическихъ ученiй: это соотечественники Петрарки — Данте Алигьери и Марсилiй Падуанскiй. Но великiй поэтъ остается на средневѣковой почвѣ и въ политическихъ теорiяхъ, какъ въ своей безсмертной поэмѣ. Его трактатъ о монархiи представляетъ собою такую же лебединую пѣснь въ области политическихъ идеаловъ, какъ *Божественная Комедiя* вообще въ сферѣ средневѣковаго мiросозерцанiя. Марсилiй Падуанскiй — новый мыслитель; онъ требуетъ секуляризацiи государства, но полагаетъ въ основу своей программы идею народовластiя въ то время, когда повсюду развивался деспотизмъ. Данте возводитъ въ идеалъ отжившую мечту о средневѣковой имперiи; Марсилiй мечталъ о порядкахъ, для осуществленiя которыхъ далеко еще не наступило время. Одинъ былъ слишкомъ старъ, другой — слишкомъ молодъ для своей эпохи; но оба одинаково были

мечтательными теоретиками, оба игнорирова
современность и оба мало имѣли на нее вліяні
Совсѣмъ другимъ характеромъ отличался П
трарка.

Петрарка былъ родоначальникомъ гуманизм
стоялъ во главѣ того теченія, которое уже
XIV вѣкѣ охватило всю Италію и позже пр
никло далеко за ея предѣлы. Онъ былъ, слѣд
вательно, настоящимъ сыномъ своего вѣка, и
тиннымъ представителемъ реальныхъ потребн
стей современнаго общества, радовался его р
достями, страдалъ его горемъ. Съ дѣйствител
ностью связанъ былъ Петрарка и самымъ хара
теромъ стремленій, которыя раздѣляли и его с
временники. Онъ былъ гуманистъ въ тѣсном
смыслѣ этого слова, т.-е. индивидуалистъ само
чистой воды. Критеріумомъ всего существующ
го была для него личность. Въ философіи о
отрицалъ метафизику и признавалъ только м
раль, т.-е. ту ея сторону, которая имѣетъ неп
средственное отношеніе къ чело ѣку. Точно та
же относился онъ и къ положительному знані
по его мнѣнію, главнымъ объектомъ науки до

слѣ торжества едва избѣжалъ ограбленія и плѣна вооруженной шайки почти у самыхъ воротъ Рима, долженъ былъ вернуться въ городъ и взять съ собою вооруженныхъ провожатыхъ. Общественные безпорядки и позже не разъ разстраивали его планы. Въ 1349 году два друга Петрарки, жившаго тогда въ Пармѣ, посѣтили его по дорогѣ изъ Авиньона во Флоренцію и не застали его дома. Между тѣмъ, у поэта возникъ планъ устроить дружеское общежитіе, нѣчто вродѣ гуманистическаго монастыря, и для его осуществленія онъ особенно разсчитывалъ именно на этихъ друзей. Поэтому, изложивши очень обстоятельно свой проектъ въ письмѣ, онъ немедленно отправилъ повара догонять друзей, но вернувшійся посланный сообщилъ, что въ Аппенинахъ на нихъ напали разбойники, и одинъ успѣлъ спастись бѣгствомъ, а другой былъ убитъ. Даже свобода передвиженія была крайне затруднена политическими неурядицами, что было особенно тяжело для Петрарки, такъ какъ путешествія доставляли ему огромное наслажденіе. Въ 1362 году онъ хотѣлъ посѣтить Авиньонъ послѣ

нія. «Я предпочелъ бы лучше обойтись безъ вождя, чѣмъ быть принужденнымъ во всемъ слѣдовать за нимъ»,—пишетъ онъ одному изъ своихъ друзей (XXII, 2). Его щепетильность доходитъ до того, что онъ боится подражать даже стилю классиковъ, хотя и пишетъ на латинскомъ языкѣ. По его мнѣнію (и это мнѣніе имъ впервые было формулировано въ новое время), стиль долженъ быть индивидуаленъ, какъ походка, жестъ, выраженіе лица. «Я предпочитаю свой стиль,—пишетъ онъ,—хотя бы необработанный и ужасный, чѣмъ чужой изящный отъ изысканныхъ украшеній». И этому-то индивидуалисту не разъ приходилось убѣдиться на себѣ, и иногда въ высшей степени оскорбительно, что на его родинѣ не обезпечена даже личная безопасность. Повсемѣстные разбои и бродячія шайки наемныхъ войскъ, результатъ господствовавшей тогда анархіи, не разъ давали себя чувствовать Петраркѣ, не разъ разрушали его планы. По винѣ разбойниковъ, опоздалъ на торжественное коронованіе поэта въ Капитоліи представитель неаполитанскаго короля; самъ Петрарка почти тотчасъ по-

слѣ торжества едва избѣжалъ ограбленія и плѣна вооруженной шайки почти у самыхъ воротъ Рима, долженъ былъ вернуться въ городъ и взять съ собою вооруженныхъ провожатыхъ. Общественные безпорядки и позже не разъ разстраивали его планы. Въ 1349 году два друга Петрарки, жившаго тогда въ Пармѣ, посѣтили его по дорогѣ изъ Авиньона во Флоренцію и не застали его дома. Между тѣмъ, у поэта возникъ планъ устроить дружеское общежитіе, нѣчто вродѣ гуманистическаго монастыря, и для его осуществленія онъ особенно разсчитывалъ именно на этихъ друзей. Поэтому, изложивши очень обстоятельно свой проектъ въ письмѣ, онъ немедленно отправилъ повара догонять друзей, но вернувшійся посланный сообщилъ, что въ Аппенинахъ на нихъ напали разбойники, и одинъ успѣлъ спастись бѣгствомъ, а другой былъ убитъ. Даже свобода передвиженія была крайне затруднена политическими неурядицами, что было особенно тяжело для Петрарки, такъ какъ путешествія доставляли ему огромное наслажденіе. Въ 1362 году онъ хотѣлъ посѣтить Авиньонъ послѣ

десятилѣтняго пребыванія въ Италіи и долженъ былъ вернуться назадъ, потому что всѣ дороги были заняты вооруженными шайками. По этой же причинѣ онъ долженъ былъ отказаться отъ намѣренія побывать при дворѣ Карла IV. Подобные факты не могли не наталкивать Петрарку на размышленія о печальномъ положеніи современной дѣйствительности. А кромѣ того, еще по двумъ причинамъ, онъ хотѣлъ быть не только зрителемъ, но и актеромъ итальянской политики: во-первыхъ, вслѣдствіе горячей любви къ родинѣ и, во-вторыхъ, въ силу глубокой вѣры въ могущество личности въ дѣлѣ устройства политическаго порядка.

Въ исторіи итальянскаго Возрожденія былъ довольно продолжительный періодъ политическаго и національнаго индифферентизма: это—та эпоха, когда предшественники новой интеллигенціи боролись за свое личное экономическое и общественное положеніе. Но это случилось позже, когда продолжительная борьба за существованіе атрофировала любовь къ родинѣ. Родоначальникъ гуманистовъ былъ искренній патріотъ. Въ

говорю это,— заключаетъ поэтъ,—не изъ презрѣнія и не изъ ненависти къ кому-нибудь, а только ради истины». Убѣждая сеньоровъ позаботиться объ устраненіи этихъ бѣдствій, Петрарка настоятельно совѣтуетъ имъ подумать и о родинѣ. «Развѣ не этой земли коснулся я впервые? Развѣ не здѣсь то гнѣздо, гдѣ я съ такою любовью былъ воспитанъ? Развѣ не это моя родина, на которой покоятся всѣ мои упованія, любящая и благодѣтельная мать, охраняющая прахъ моихъ родителей? Боже мой! вотъ тѣ мысли, которыя должны руководить вами. Взгляните съ сожалѣніемъ на слезы страдающаго народа, который на васъ послѣ Бога возлагаетъ свои надежды. Обнаружьте только какой-нибудь признакъ любви къ нему, и добродѣтель возьмется за оружіе противъ неистовства и быстро одержитъ побѣду. Въ душѣ итальянцевъ не умерла еще античная доблесть». Напомнивъ ради этой цѣли сеньорамъ о загробной жизни, Петрарка заключаетъ канцону восклицаніемъ: «I'vo gridando pace, pace, pace! (Я призываю, миръ, миръ и миръ)! Итакъ, внутренніе раздоры властителей, крово-

чѣмъ тамъ много чужеземныхъ шаекъ? Зачѣмъ зеленыя поля обагряются варварскою кровью?» Властители напрасно полагаются на такихъ солдатъ, напрасно ищутъ «любви и вѣрности въ продажномъ сердцѣ,—чѣмъ у кого больше такого народа, тѣмъ болѣе окруженъ онъ врагами». «Природа, — продолжаетъ Петрарка,— хорошо позаботилась о насъ, поставивши Альпы преградою между нами и нѣмецкою свирѣпостію, но, ослѣпленные страстями, мы сами привили заразу къ здоровому тѣлу». По поводу этихъ «дикихъ звѣрей», «народа безъ закона», поэтъ припоминаетъ славное прошлое, когда Марій и Цезарь наносили нѣмцамъ тяжкія пораженія. Теперь все наоборотъ, и «это случилось благодаря вамъ,—снова обращается Петрарка къ современнымъ властителямъ. — Ваши раздоры испортили наилучшую часть міра. По какому предопредѣленію, по какому соображенію и за какую вину ненавидите вы бѣднаго сосѣда, разграбляете его истощенное и разстроенное состояніе, ищете солдатъ и содѣйствуете тому, чтобъ они проливали кровь и продавали за золото свою душу?» «Я

говорю это,— заключаетъ поэтъ,—не изъ презрѣнія и не изъ ненависти къ кому-нибудь, а только ради истины». Убѣждая сеньоровъ позаботиться объ устраненіи этихъ бѣдствій, Петрарка настоятельно совѣтуетъ имъ подумать и о родинѣ. «Развѣ не этой земли коснулся я впервые? Развѣ не здѣсь то гнѣздо, гдѣ я съ такою любовью былъ воспитанъ? Развѣ не это моя родина, на которой покоятся всѣ мои упованія, любящая и благодѣтельная мать, охраняющая прахъ моихъ родителей? Боже мой! вотъ тѣ мысли, которыя должны руководить вами. Взгляните съ сожалѣніемъ на слезы страдающаго народа, который на васъ послѣ Бога возлагаетъ свои надежды. Обнаружьте только какой-нибудь признакъ любви къ нему, и добродѣтель возьмется за оружіе противъ неистовства и быстро одержитъ побѣду. Въ душѣ итальянцевъ не умерла еще античная доблесть». Напомнивъ ради этой цѣли сеньорамъ о загробной жизни, Петрарка заключаетъ канцону восклицаніемъ: «I'vo gridando pace, pace, pace! (Я призываю, миръ, миръ и миръ)! Итакъ, внутренніе раздоры властителей, крово-

пролитныя войны и шайки наемныхъ чужеземцевъ—вотъ главныя бѣдствія, отъ которыхъ страдаетъ столь любимая поэтомъ родина. Этотъ патріотизмъ и подобныя же жалобы мы найдемъ и въ его латинскихъ сочиненіяхъ. Въ обширной перепискѣ Петрарки цѣлая масса писемъ посвящена изображенію современной дѣйствительности. Чтобы составить себѣ представленіе объ общемъ характерѣ и тонѣ этихъ писемъ, достаточно привести нѣсколько примѣровъ. Петрарка относится къ тогдашнему положенію Италіи съ крайнимъ пессимизмомъ. «Знай,—пишетъ онъ къ одному другу,—что едва ли было что нибудь печальнѣе и бѣдственнѣе нашего времени. Одно меня утѣшаетъ, что если должно было родиться, если было рѣшительно необходимо, чтобы неумолимая Клото толкнула насъ за несчастный порогъ этой жизни и если не суждено было увидѣть свѣтъ раньше, то меньшее зло быть рожденнымъ теперь, чѣмъ послѣ» (XX, 1). Въ другомъ мѣстѣ онъ выражается еще рѣзче: «Что бы ни доводили до нашего свѣдѣнія трудъ историковъ и вопль трагедій,—говоритъ онъ,—все

это ниже того, что мы видимъ своими глазами. Преступленіе, которое у нихъ считалось достойнымъ сцены, у насъ сдѣлалось ходячимъ порокомъ» (Ep. sine titulis III). Главнѣйшія бѣдствія, которыя угнетаютъ Италію, Петрарка характеризуетъ такъ: «власть погребена, свобода подавлена и никогда не кончаются войны» (XXII, 14). Въ одномъ письмѣ онъ подробнѣе характеризуетъ положеніе дѣлъ. Въ Пизѣ и Сіенѣ народный бунтъ, революція въ Болоньи, «плачъ въ Римѣ, Неаполь боится, что его прозвище Terra laboris будетъ вполнѣ соотвѣтствовать положенію дѣлъ», въ Сициліи съ страшною ненавистью кипитъ борьба партій, Мантуя среди затрудненій проводитъ безсонныя ночи, въ Феррарѣ господствуетъ ужасъ, «Верону, какъ несчастнаго Актеона, рвутъ собственныя собаки», «Аквилейя и Тридентъ открыты для непрерывныхъ варварскихъ набѣговъ и, наконецъ, къ величайшему позору, шайки разбойниковъ бродятъ по Италіи, такъ что она изъ госпожи провинцій сдѣлалась провинціей рабовъ» (XIX, 9). «Кто бы ни разсказалъ о теперешнемъ положеніи дѣлъ по-

томкамъ, если только останутся потомки,—говоритъ онъ,—все равно, разсказъ покажется басней» (XI, 7). Такое тягостное состоянiе Италiи внушаетъ Петраркѣ глубокое огорченiе. «Повсюду причина къ скорби,—говоритъ онъ въ томъ же письмѣ,—и каждое настоящее зло служитъ признакомъ будущаго, еще болѣе тяжкаго». По поводу землетрясенiя въ Римѣ онъ пишетъ: «Меня страшно тревожитъ общее положенiе политическихъ дѣлъ и движенiя не столько земли, сколько людей внушаютъ мнѣ печальныя предсказанiя не для Рима только, но и для всей Италiи».

Такая горячая любовь къ родинѣ, такое болѣзненное сознанiе ея бѣдствiй должны были вызывать у патрiота попытки къ улучшенiю положенiя отечества, къ устраненiю терзающихъ его золъ. Петрарка чувствовалъ эту обязанность. «Благосостоянiе всей моей родины и нашей общей матери,—пишетъ онъ одному другу,— находится въ опасности, и тотъ не сынъ, кого не трогаютъ обиды, причиняемыя любящей матери» (XI, 16). Но если патрiотизмъ побуждалъ къ

политической дѣятельности и давалъ для нея общую программу, то взглядъ на значеніе личности въ обществѣ указывалъ для нея средства и внушалъ вѣру въ возможность благопріятныхъ результатовъ.

Несмотря на обширныя ламентаціи о слабости человѣческой природы, которыми переполнены философскіе трактаты Петрарки, несмотря на эти слабые отзвуки умирающаго аскетизма, онъ высоко цѣнилъ разумъ человѣка. Въ трактатѣ De remediis utriusque fortunae (о средствахъ противъ счастья и несчастья) онъ доказываетъ, между прочимъ, что тѣло – тюрьма, а заключающійся въ ней духъ—образъ и подобіе Божіе, перлъ созданія и царь природы. Могущественный разумъ человѣка долженъ и можетъ господствовать надъ самимъ собою и надъ другими. Прилагая эту точку зрѣнія къ политическимъ отношеніямъ, Петрарка приходилъ къ вѣрѣ во всемогущество личности въ этой сферѣ и къ глубокому убѣжденію въ цѣлительность и вліяніе человѣческаго слова. Въ исторіи онъ не видѣлъ ничего, кромѣ личности Задумавъ изобразить судьбы античнаго

Рима, древнюю исторію своей родины, какъ понимали и теперь понимаютъ эту эпоху итальянцы, Петрарка написалъ рядъ біографій знаменитыхъ людей отъ Ромула до Цезаря. Характерно, что, несмотря на страстную любовь къ литературѣ и философіи, онъ не внесъ въ эту книгу ни одного писателя. Тамъ фигурируютъ исключительно полководцы и государственные дѣятели, что стоитъ въ связи съ его общимъ взглядомъ на политическую жизнь. Въ этомъ отношеніи Петрарка стоитъ на античной точкѣ зрѣнія. Отговаривая отъ монашества одного изъ своихъ друзей, онъ пишетъ ему: «Изъ Цицерона извѣстно небесное изреченіе моего Сципіона: что всѣмъ тѣмъ, которые сохранили или усилили родину или помогли ей, обезпечено опредѣленное мѣсто на небѣ, гдѣ они, блаженные, будутъ наслаждаться вѣчною жизнью; а также и слѣдующее: для верховнаго Бога, — говоритъ Цицеронъ,—который управляетъ всѣмъ міромъ, нѣтъ ничего болѣе пріятнаго изъ того, что совершается на землѣ, какъ совѣты и собранія людей съ общественнымъ правомъ, которыя называются государства-

ı» (III, 12). Приведя эту цитату въ другомъ
ѣстѣ, Петрарка замѣчаетъ: «хотя это говоритъ
язычникъ, но его мнѣніе не противно христіан-
:ой истинѣ и религіи». Но непосредственное
іастіе въ государственныхъ совѣтахъ и собра-
яхъ не соотвѣтствовало его вкусамъ; поэто-
/ онъ нашелъ другой путь служить своей ро-
ıнѣ. Если люди,— думаетъ Петрарка,— созда-
гъ общественные порядки, то они же ихъ
ıзстраиваютъ. Изображая въ одномъ письмѣ
›временныя бѣдствія, онъ говоритъ: «Все это
: могло случиться безъ согласія рода человѣ-
:скаго; поэтому я съ гнѣвомъ и негодованіемъ
ıлакиваю не столько свою, сколько обще-
венную скорбь» (XIX, 9). Людскія заблужде-
я и страсти—источникъ политическихъ бѣдъ;
ı нихъ и рѣшилъ Петрарка дѣйствовать своимъ
:торитетнымъ словомъ и *сдѣлался первымъ пу-
:ицистомъ, какого знаетъ новая исторія*. Онъ глу-
›ко вѣровалъ въ могущественное вліяніе чело-
ѣческаго слова. «Часто простое слово бывало
ıаготворно для благоденствія государствъ,—го-
›ритъ онъ, — и не авторъ этого слова, а само

оно въ состояніи привести въ движеніе ум... могущественно развивая свою скрытую си... (Senil. VII, 1). Поэтому всѣ его сочиненія имѣю... болѣе или менѣе публицистическій характер... онъ морализируетъ въ историческихъ произ... деніяхъ, проповѣдуетъ въ философскихъ тра... татахъ, пишетъ политическіе памфлеты и ... ляется настоящимъ журналистомъ въ свое... репискѣ. Письма Петрарки рѣдко имѣютъ ... ко личный или дѣловой характеръ,—въ бо... ствѣ случаевъ, это или нравственныя по... или историческія справки, или политич... екты, или докладныя записки, или ... редовыя статьи. Въ послѣднемъ случ... ставился иногда на удачу, или пис... валось къ неизвѣстно... получалъ названіе «писе... семъ всегда снима... странялись въ общ... доходили ... ихъ ...

...авй, глава міра,
... сомнѣнія, глава
... сказать это, и весь
... нельно этого не
... нить свидѣтелями
... вопросъ заключает-
... это теоретическое
... ниму то положеніе,
... алъ. Прошлое завѣ-
... господствовалъ во
... при античныхъ им-
... та мечта осуществля-
... и въ этомъ направле-
... средневѣковые импе-
... лся на каждомъ
... омъ мірѣ у него
... й политической
... лучше—республи-
... ошо знаю,—гово-
...—насколько болѣе
... подъ управленіемъ
... ю одного, тѣмъ не
... нѣе, что многіе великіе

тингъ *), наконецъ, видитъ въ немъ политическаго идеалиста, путавшагося въ своихъ собственныхъ противорѣчіяхъ. Причина этого разногласія обусловливается *разнообразіемъ политическихъ стремленій Петрарки въ разное время жизни и характеромъ его дѣятельности*. Какъ публицистъ, писавшій въ интересѣ минуты, онъ впадалъ иногда въ противорѣчія, которыя находятъ, однако, объясненіе и примиреніе въ общей цѣли его стремленій.

Политическій идеалъ Петрарки составляли три главныя послѣдовательныя по времени стремленія: всемірное господство Рима, объединеніе Италіи и установленіе въ ней мира и порядка.

Несмотря на печальное положеніе священнаго города, несмотря на то, что тамъ «господствовалъ плачъ», Петрарка вмѣстѣ съ соотечественниками твердо вѣрилъ, что Риму принадлежитъ право господства надъ міромъ, и былъ глубоко убѣжденъ въ возможности его осуществленія: «Пусть сердятся и ворчатъ думающіе иначе;—говорилъ онъ въ

---

*) Körting: Petrarca's Leben und Werke. Leipzig. 1878, p. 313 и слѣд.

одномъ письмѣ, — Римъ, все таки, глава міра, грязный и запустѣлый, онъ, безъ сомнѣнія, глава всѣхъ странъ. Я одинъ могу сказать это, и весь міръ согласится, а если добровольно этого не признаетъ, то его можно убѣдить свидѣтелями и документами» (XI, 7). Весь вопросъ заключается въ томъ, какъ осуществить это теоретическое главенство, какъ возвратить Риму то положеніе, которое онъ нѣкогда занималъ. Прошлое завѣщало четыре рѣшенія: Римъ господствовалъ во время старой республики и при античныхъ императорахъ; по временамъ эта мечта осуществлялась при папахъ и попытки въ этомъ направленіи дѣлали и нѣкоторые средневѣковые императоры. Петрарка останавливался на каждомъ изъ этихъ рѣшеній. Въ античномъ мірѣ у него нѣтъ симпатій къ опредѣленной политической формѣ: онъ не рѣшаетъ, что лучше—республика или монархія: «хотя я хорошо знаю,—говоритъ онъ въ одномъ письмѣ,—насколько болѣе возросло Римское государство подъ управленіемъ многихъ, чѣмъ подъ властью одного, тѣмъ не менѣе мнѣ извѣстно также, что многіе великіе

люди считали счастливѣйшимъ государство, когда оно находится подъ властью одного справедливаго монарха» (III, 7).

Но то былъ античный міръ. Несмотря на всю любовь къ древности, Петрарка никогда не увлекался до того, чтобы не чувствовать печальной разницы между прошлымъ и настоящимъ. Сравнительно съ древностью, современность то ему кажется достойною смѣха, то вызываетъ въ немъ жгучую тоску. «Вѣрь мнѣ,—пишетъ Петрарка одному изъ друзей,—если бы жилъ съ нами старый Крассъ, онъ часто смѣялся бы, и Демокритъ, сравнивши эпохи, не отказался бы отъ своего неумѣстнаго тогда смѣха» (XI, 9). Въ другомъ письмѣ Петрарка, сравнивая современное позорное войско съ побѣдоносною римскою арміей, приходитъ къ печальному общему выводу, что народы возвышаются и приходятъ въ упадокъ въ зависимости отъ нравовъ. «Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго,—говоритъ Петрарка,—что у насъ губительныя войны, уничтоженъ миръ, добродѣтель въ изгнаніи и государство находится въ жалкомъ рабствѣ» (XXII, 14). При такой

точкѣ зрѣнія было совершенно естественно, что Петрарка не переносилъ на современный народъ того уваженія, которое онъ питалъ къ древнимъ римлянамъ. Но ему казалось, особенно въ началѣ политической дѣятельности, что можно перевоспитать и современную массу. «Британцы,— говоритъ онъ въ только что приведенномъ письмѣ, — которыхъ называютъ англами, считались трусливѣйшими изъ варваровъ; а теперь этотъ воинственнѣйшій народъ совершенно разбилъ галловъ, долго пользовавшихся военною славой». Перемѣны возможны, и самымъ лучшимъ воспитательнымъ средствомъ Петрарка считалъ оживленіе античныхъ воспоминаній. «Теперь кто болѣе невѣжественъ въ римскихъ дѣлахъ, чѣмъ сами римляне,—пишетъ онъ,—и кто можетъ сомнѣваться, что если Римъ начнетъ познавать самого себя, то древняя доблесть воскреснетъ?» (VI, 2). Трудно было найти болѣе пріятное для Петрарки дѣло, какъ оживлять такимъ путемъ античную доблесть. Онъ былъ неутомимъ въ пропагандѣ страстно имъ любимой древности. Какъ ученый, онъ вызывалъ образы древнихъ

въ своихъ историческихъ произведеніяхъ; какъ поэтъ, онъ прославлялъ Римъ въ своей *Африкѣ*; какъ моралистъ, онъ рекомендовалъ изученіе античныхъ писателей и указывалъ предѣлы, до которыхъ можно увлекаться ими безъ вреда для религіи, и съ неутомимымъ усердіемъ распространялъ эти идеи, какъ публицистъ. На каждой страницѣ его писемъ встрѣчается или античное воспоминаніе, или эпизодъ изъ римской исторіи, или цитата изъ древняго автора. Кромѣ того, есть цѣлый рядъ писемъ исключительно такого содержанія. Для ихъ характеристики достаточно привести нѣсколько примѣровъ. Одно письмо излагаетъ разговоръ, который велъ Петрарка съ кард. Колонной во время ихъ общей прогулки по Риму. Рѣчь идетъ объ изученіи древней литературы и перечисляются античныя воспоминанія, связанныя съ Римомъ; письмо, очевидно, предназначалось исключительно для публики, потому что оно адресовано тому же Колоннѣ. Особенно любитъ Петрарка пользоваться древностью для опредѣленной политической цѣли. Весьма характерны въ этомъ отношеніи два

занятіемъ было бродить по городу и собирать старыя надписи; но сдѣлаться археологомъ онъ не могъ. Во-первыхъ, онъ былъ большой мечтатель и желалъ прославиться; во-вторыхъ, онъ былъ горячій патріотъ и живо чувствовалъ тяжесть современнаго положенія, когда въ Римѣ и его области хозяйничало дворянство, половина котораго разбойничала ради наживы, другая для удовлетворенія не лучшихъ страстей. Кола на самомъ себѣ испыталъ результаты этого режима: одинъ дворянинъ совершенно безнаказанно убилъ его родственника. Поэтому его изученіе получило особый оттѣнокъ, онъ все спрашивалъ: «гдѣ теперь эти древніе римляне? Куда дѣвалась ихъ высокая справедливость? Еслибъ я могъ перенестись въ то время, когда жили эти люди!» Но объ этомъ можно было только мечтать, поэтому Кола рѣшилъ перенести въ современность давно пережитую эпоху, что казалось ему возможнѣе. Къ исполненію столь заманчиваго плана онъ приступалъ постепенно. Энтузіазмъ къ старинѣ и живое сочувствіе къ современнымъ невзгодамъ сдѣлали его краснорѣчивымъ ораторомъ. На него

еслибъ ты былъ живъ, я тебѣ разсказалъ бы это!» Съ подобными же восклицаніями обращается онъ къ Камиллу, Сципіону, Павлу Эмилію, Марію, Помпею, Цезарю, Августу, Флавіямъ, Траяну и даже Ѳеодосію и заключаетъ письмо горячею молитвой объ избавленіи къ самому Христу (XXIII, 1).

Глубокая вѣра Петрарки въ цѣлебность античныхъ воспоминаній совершенно неожиданно получила фактическое подтвержденіе, въ его глазахъ безусловно убѣдительное. Это случилось въ 1347 году, когда блестящимъ метеоромъ промелькнула на политическомъ горизонтѣ странная фигура запоздавшаго трибуна Кола ди Ріенцо. Сынъ кабатчика и прачки, Кола провелъ дѣтство и первую молодость въ деревнѣ, «какъ мужикъ между мужиками», по его собственному выраженію. Только 20 лѣтъ вернулся онъ въ Римъ; самоучкою нахватавшись кое-какихъ свѣдѣній, онъ посѣщалъ университетъ и особенно пристрастился къ римскимъ писателямъ, которые познакомили его съ блестящимъ прошлымъ его родины. Кола горячо полюбилъ эту старину: его обычнымъ

занятіемъ было бродить по городу и собирать старыя надписи; но сдѣлаться археологомъ онъ не могъ. Во-первыхъ, онъ былъ большой мечтатель и желалъ прославиться; во-вторыхъ, онъ былъ горячій патріотъ и живо чувствовалъ тяжесть современнаго положенія, когда въ Римѣ и его области хозяйничало дворянство, половина котораго разбойничала ради наживы, другая для удовлетворенія не лучшихъ страстей. Кола на самомъ себѣ испыталъ результаты этого режима: одинъ дворянинъ совершенно безнаказанно убилъ его родственника. Поэтому его изученіе получило особый оттѣнокъ, онъ все спрашивалъ: «гдѣ теперь эти древніе римляне? Куда дѣвалась ихъ высокая справедливость? Еслибъ я могъ перенестись въ то время, когда жили эти люди!» Но объ этомъ можно было только мечтать, поэтому Кола рѣшилъ перенести въ современность давно пережитую эпоху, что казалось ему возможнѣе. Къ исполненію столь заманчиваго плана онъ приступалъ постепенно. Энтузіазмъ къ старинѣ и живое сочувствіе къ современнымъ невзгодамъ сдѣлали его краснорѣчивымъ ораторомъ. На него

обратили вниманіе и дали ему мѣсто городскаго нотаріуса. Служебное положеніе представляло возможность лучше знать возмутительныя продѣлки знати, и краснорѣчіе Кола становилось все популярнѣе. Городъ послалъ его въ Авиньонъ звать домой Климента VI, и самъ папа обратилъ благосклонное вниманіе на восторженнаго нотаріуса. Популярность Кола росла, и вернувшись въ Римъ и занявши прежнюю должность, онъ съ кружкомъ друзей сталъ подготовлять революцію. Средства для возбужденія толпы употреблялись имъ чрезвычайно странныя: онъ выставлялъ гдѣ-нибудь на видномъ мѣстѣ картину, гдѣ аллегорически изображалось тяжелое положеніе города, или прибивалъ къ дверямъ церкви лаконическую надпись: «въ скоромъ времени Римъ вернется къ своему древнему хорошему состоянію». Господствующая аристократія не могла не знать объ этихъ продѣлкахъ, но не обращала на нихъ вниманія. Молодой энтузіастъ съ вѣчно мечтательною улыбкой на устахъ казался ей совсѣмъ не опаснымъ дурачкомъ. Между тѣмъ, Кола подготовлялъ болѣе внушительную демон-

страцію. Онъ нашелъ отрывокъ изъ lex regia, которымъ сенатъ передавалъ imperium Веспасіану, приказалъ вдѣлать надпись въ стѣну Латеранскаго собора и нарисовать тутъ же самую сцену, о которой говорится въ текстѣ. Затѣмъ онъ объявилъ публичное объясненіе надписи, и въ соборъ явилась масса народа и огромное количество знати. Кола, въ полу-римской тогѣ и съ бѣлою нѣмецкою шляпой, на которой были изображены мечи и короны, произнесъ зажигательную рѣчь о прежнемъ величіи Рима и его теперешнемъ упадкѣ. Бароны забавлялись, и одинъ изъ нихъ пригласилъ оратора на обѣдъ, чтобы позабавить своихъ гостей его краснорѣчіемъ. Кола исполнилъ это желаніе, и гости разражались веселымъ хохотомъ, когда онъ, указывая то на одного, то на другого изъ присутствующихъ, говорилъ: «еслибъ я былъ императоромъ, то вотъ этого приказалъ бы повѣсить, а того обезглавить». Между тѣмъ, заговоръ созрѣлъ, и революція, въ началѣ безкровная, произошла спокойно и неожиданно: въ полночь 19 мая 1347 года Кола, выслушавши мессу, двинулся на Капитолій съ четырьмя зна-

менами, напоминавшими крестный ходъ, и приказалъ прочесть торжествующему народу декреты, вводившіе наиболѣе необходимыя реформы. Созванный вслѣдъ за тѣмъ парламентъ утвердилъ эти законы, и Кола принялъ слѣдующій титулъ: «Николай, волею всемилостиваго Господа Іисуса Христа, строгій и милостивый, трибунъ свободы, мира и справедливости и освободитель священной Римской республики». Новый трибунъ смирилъ бароновъ и на первое время установилъ хорошее правительство; но онъ не удовольствовался достигнутымъ успѣхомъ и задумалъ объединить Италію. Тотчасъ послѣ переворота была выпущена новая монета съ надписью: «Римъ—глава міра», повсюду быди разосланы послы, приглашавшіе всѣ государства прислать къ 1 августа въ Римъ депутатовъ въ національный парламентъ. Успѣхъ и этой мѣры превзошелъ всѣ ожиданія: самъ папа прислалъ трибуну подарокъ, почти всѣ государства—лестныя письма, а нѣкоторыя—и депутатовъ. Между тѣмъ, фантазія трибуна все болѣе разыгрывалась. Еще до прибытія депутатовъ онъ объявилъ отмѣненными всѣ права и приви-

легіи, когда-либо данныя римскимъ народомъ, и передъ открытіемъ парламента возвелъ себя въ рыцарское званіе. Это была очень странная церемонія. Въ сопровожденіи высшаго духовенства Кола отправился въ баптистеріумъ Латеранскаго собора, тамъ погрузился въ ту самую купель, въ которой, по легендѣ, крестился Константинъ Великій, и затѣмъ, облекшись въ бѣлыя одежды, провелъ ночь на устроенномъ тамъ же пурпуровомъ ложѣ. Послѣ этого онъ прибавилъ къ своему титулу новые эпитеты: «рыцарь Николай, кандидатъ Св. Духа, другъ вселенной, tribunus augustus», и вызывалъ къ своему трибуналу Людовика Баварскаго, Карла IV и всѣхъ курфюрстовъ. Затѣмъ депутаты надѣли золотыя кольца въ знакъ обрученія съ Римомъ, и Италія была объявлена объединенной, повсюду были разосланы послы объявить, что трибунъ рѣшилъ дать вселенной новое устройство. При такихъ возвышенныхъ стремленіяхъ Кола короновался шестью коронами, и ему вручены были скипетръ и держава. Сумасбродныя требованія честолюбиваго энтузіаста оставались, конечно, фантазіею,

хотя венгерскій король и Іоанна Неаполитанская и предоставили свой споръ на его рѣшеніе. Тѣмъ не менѣе, его положеніе въ Римѣ было твердо и возстаніе дворянства было подавлено, причемъ были избиты почти всѣ представители дома Колонна, одной изъ знаменитѣйшихъ фамилій въ Римѣ.

Трудно представить себѣ тотъ восторгъ, съ которымъ отнесся Петрарка къ смѣлому трибуну. Кандидатъ Св. Духа въ римской тогѣ былъ настоящимъ олицетвореніемъ надеждъ Петрарки, мечтавшаго о возстановленіи на христіанской почвѣ античнаго міра. Стремленія трибуна и поэта были одинаковы; предполагаютъ даже, что почести, оказанныя на Капитоліи Петраркѣ, создали Кола ди Ріенцо, и что заступничество поэта спасло трибуна въ началѣ его карьеры, когда онъ въ качествѣ римскаго посла вызвалъ обвиненіями знати негодованіе итальянскихъ прелатовъ Климента VI. Фракассетти, авторитетный издатель переписки Петрарки, доказываетъ съ большою вѣроятностью, что Кола заранѣе открылъ свои намѣренія поэту. По крайней мѣрѣ, на это ука-

зываетъ одно изъ его писемъ, адресованное просто другу и не внесенное авторомъ въ предназначенный для большой публики сборникъ. Дѣйствительно, письмо носитъ интимный характеръ. Петрарка сообщаетъ другу свое впечатлѣніе отъ одной ихъ политической бесѣды: «Воспоминаніе о священнѣйшемъ и серьезнѣйшемъ разговорѣ, который ты имѣлъ со мною третьяго дня передъ дверьми древняго святого храма, бросаетъ меня въ жаръ, и мнѣ кажется, что я слушалъ Бога, а не человѣка. Ты такъ божественно оплакивалъ настоящее положеніе, правильнѣе говоря—упадокъ и разрушеніе республики, своимъ *краснорѣчіемъ* такъ глубоко вкладывалъ пальцы въ наши раны, что всякій разъ, какъ твои слова приходятъ мнѣ на память, скорбь возвращается въ душу и слезы подступаютъ къ глазамъ». При воспоминаніи Петрарка плачетъ, но это слезы «мужскія», которыя внушаютъ смѣлость и вызываютъ на содѣйствіе. Онъ переживаетъ тяжелыя муки колебанія и сомнѣнія: «Я говорю себѣ,— пишетъ онъ,—о, еслибы когда-нибудь... еслибы въ мое время это случилось! Если бы мнѣ быть

участникомъ столь блестящаго дѣла и столь великой славы!» Восторженное письмо (Ap. 2) заканчивается горячею молитвой къ Богу о помощи. Кромѣ Кола, трудно найти другое лицо среди друзей Петрарки, которое могло бы возбудить въ немъ подобныя надежды.

Съ этихъ поръ между политическимъ писателемъ и революціонеромъ началась интимная переписка (она до насъ не дошла, но на нее намекаютъ позднѣйшія письма Петрарки (Var. 38), которая еще болѣе укрѣпила установившуюся связь, и когда произошла революція, Петрарка торжественнымъ посланіемъ выразилъ свое сочувствіе совершившемуся факту. Это было восторженное поздравленіе, адресованное Кола и римскому народу и торжественно прочитанное трибуномъ въ парламентѣ. Обширное письмо начинается восхваленіемъ вновь пріобрѣтенной свободы и горячимъ убѣжденіемъ защищать и охранять ее до послѣдней капли крови. Главная опасность свободѣ грозитъ со стороны знати, на которую Петрарка обрушивается съ необычайною страстностью. Это жалкіе пришельцы, на-

силіемъ поработившіе граждан. Ихъ господство не имѣетъ никакого основанія: по происхожденію—они варвары, по доблестямъ—нѣтъ беднѣе ихъ никого въ мірѣ; они богаты, но богатство награблено этими разбойниками. Затѣмъ онъ прославляетъ трибуна, называя его третьимъ Брутомъ, превосходящимъ заслугами двухъ первыхъ, и снова убѣждаетъ народъ поддержать его дѣло противъ кровожаднаго дворянства. Съ такимъ же совѣтомъ обращается онъ и къ самому трибуну, который превзошелъ своими подвигами древнихъ героевъ. «Благоденствуй, Камиллъ, нашъ Брутъ, нашъ Ромулъ!—восклицаетъ Петрарка.—Благоденствуй, виновникъ римской свободы, римскаго мира, римской тишины!» Онъ предостерегаетъ его противъ знати, по отношенію къ которой «всякая жестокость гуманна и всякое сострадание безчеловѣчно», и рекомендуетъ благочестіе и литературныя занятія въ свободное время. Обращаясь затѣмъ къ народу, онъ убѣждаетъ его самоотверженно защищать трибуна и напоминаетъ ему о подвигахъ Децiевъ, Коклеса и другихъ героевъ, пожертвовавшихъ жизнью

Предостереженіе не спасло Кола: послѣ его семимѣсячнаго правленія въ Римѣ водворились прежніе порядки.

Ни одно современное событіе не имѣло столь сильнаго вліянія на Петрарку, какъ римская революція. Изъ-за нея онъ порвалъ связи съ Орсини и Колонна; послѣдній разрывъ былъ особенно тяжелъ для него. Колонны осыпали его благодѣяніями: благодаря поддержкѣ этой знаменитой фамиліи, Петрарка выдвинулся въ Авиньонѣ и добился матеріальнаго обезпеченія; съ однимъ изъ ея членовъ, кардиналомъ Джіованни, онъ былъ товарищемъ по школѣ и близкимъ другомъ въ теченіе цѣлыхъ 20-ти лѣтъ. Переворотъ Кола, который былъ направленъ противъ аристократіи и во время котораго погибли почти всѣ Колонны, сдѣлалъ невозможнымъ дальнѣйшія дружественныя связи. Выражая сочувствіе революціонеру, Петрарка горячо нападалъ на знать и особенно на Колоннъ и Орсини, какъ самыхъ видныхъ ея представителей. Дружба была болѣе невозможна, поэтъ счелъ нужнымъ покинуть даже свой поэтическій уголокъ около Авиньона и переселиться

въ Италію. Этотъ разрывъ произошелъ не безъ глубокой внутренней борьбы. Въ эклогѣ, озаглавленной *Разлука* (Divortium), Петрарка въ обычной аллегорической формѣ изображаетъ внутреннее страданіе, происходящее отъ столкновенія личной привязанности съ патріотизмомъ. Въ одномъ изъ писемъ онъ еще разъ возвращается къ этой темѣ и говоритъ, что «во всемъ мірѣ не было аристократической фамиліи, которая была бы ему дороже», чѣмъ Колонны; «но еще дороже мнѣ общественное дѣло,—дороже Римъ, дороже Италія, дороже спокойствіе и безопасность хорошихъ людей» (XI, 16). Естественно, что бѣгство Кола, о которомъ Петрарка узналъ уже въ Пармѣ на пути въ Римъ, подвергло его въ крайнее отчаяніе. Въ написанномъ въ это время поэтическомъ письмѣ онъ обнаруживаетъ крайній пессимизмъ: «Вмѣстѣ со всѣмъ человѣческимъ родомъ я чувствую скорбь;—пишетъ онъ,—и быстро стремлюсь къ смерти, безстрашно и съ большою готовностью, чтобъ освободиться изъ этой тюрьмы» (Ep. II).

Тѣмъ не менѣе паденіе трибуна не только не

примирило Петрарку съ Колоннами, но еще болѣе ожесточило его противъ знати.

Петрарка не могъ высоко цѣнить родовой аристократіи уже вслѣдствіе общаго характера своего міросозерцанія. Какъ индивидуалистъ и моралистъ, онъ не придавалъ особой цѣны случайности рожденія. Въ трактатѣ *De remediis* онъ проводитъ ту мысль, что «только добродѣтель облагораживаетъ». «Развѣ не на самомъ грязномъ навозѣ выростаютъ веселыя нивы?»—спрашиваетъ онъ и доказываетъ, что въ низкомъ званіи тѣмъ блистательнѣе сіяніе добродѣтели. Рѣзкій тонъ противъ аристократіи, который онъ усвоилъ себѣ въ публицистической защитѣ римской революціи, Петрарка сохранилъ и послѣ паденія трибуна.

Когда Кола, въ качествѣ плѣнника, приведенъ былъ въ Авиньонъ, Петрарка обвиняетъ его, что онъ не сумѣлъ сдѣлать дворянство «изъ враговъ гражданами или изъ опасныхъ враговъ презрѣнными» и что не обращалъ достаточнаго вниманія на его совѣты (XIII, 16). Еще рѣшительнѣе выражаетъ онъ ту же мысль въ двухъ письмахъ къ четыремъ кардиналамъ, которымъ папа по-

ручилъ водворить порядокъ въ Римѣ послѣ паденія трибуна. Молчать въ такомъ вопросѣ Петрарка считаетъ «не только постыднымъ для себя, но безчеловѣчнымъ и неблагодарнымъ»; не будучи въ въ состояніи «дѣломъ защищать свободу, онъ торопится прійти къ ней на помощь словомъ» и требуетъ, чтобы, по новой конституціи, аристократія была совершенно исключена изъ управленія и чтобы сенатъ состоялъ исключительно изъ представителей городского населенія. Аргументація остается та же самая, что и прежде: аристократія,—это Тарквиніи Гордые на Капитоліи», «чужеземцы», которые подчинили своему игу исконныхъ гражданъ. По прежнему Петрарка отрицаетъ ихъ знатность и богатство, какъ основаніе для власти, по прежнему сводитъ всѣ ихъ стремленія къ алчному грабежу. Политическая вражда къ аристократіи до такой степени охватила все существо Петрарки, что совершенно вытѣснила изъ его сердца старыя привязанности. Когда во время переворота были истреблены почти всѣ члены фамиліи Колонна, онъ ради приличія написалъ своему старому другу, карди-

Предостереженіе не спасло Кола: послѣ его семимѣсячнаго правленія въ Римѣ водворились прежніе порядки.

Ни одно современное событіе не имѣло столь сильнаго вліянія на Петрарку, какъ римская революція. Изъ-за нея онъ порвалъ связи съ Орсини и Колонна; послѣдній разрывъ былъ особенно тяжелъ для него. Колонны осыпали его благодѣяніями: благодаря поддержкѣ этой знаменитой фамиліи, Петрарка выдвинулся въ Авиньонѣ и добился матеріальнаго обезпеченія; съ однимъ изъ ея членовъ, кардиналомъ Джіованни, онъ былъ товарищемъ по школѣ и близкимъ другомъ въ теченіе цѣлыхъ 20-ти лѣтъ. Переворотъ Кола, который былъ направленъ противъ аристократіи и во время котораго погибли почти всѣ Колонны, сдѣлалъ невозможнымъ дальнѣйшія дружественныя связи. Выражая сочувствіе революціонеру, Петрарка горячо нападалъ на знать и особенно на Колоннъ и Орсини, какъ самыхъ видныхъ ея представителей. Дружба была болѣе невозможна, поэтъ счелъ нужнымъ покинуть даже свой поэтическій уголокъ около Авиньона и переселиться

позади себя предѣлы человѣческой жизни». Еще безсердечнѣе другое утѣшеніе, которое послѣ смерти кардинала Петрарка отправилъ отцу его, старому Стефано Колонна, пережившему всѣхъ сыновей. Для характеристики этого длиннаго посланія достаточно привести его первыя строки: «О, жалкій старикъ! — пишетъ Петрарка.—О, крайне живучая голова! Какимъ грѣхомъ оскорбилъ ты небо? За что наказанъ ты столь продолжительною жизнью?» и т. д. Подробно и краснорѣчиво описываются тѣ блага, которыя онъ нѣкогда имѣлъ и которыхъ потомъ лишился. У поэта, который умѣлъ чувствовать и нѣжную любовь, и искреннюю дружбу, и умѣлъ краснорѣчиво выражать эти чувства, при страшномъ несчастіи прежнихъ друзей не нашлось ничего, кромѣ бездушной риторики. До такой степени овладѣла имъ ненависть къ знати, которую онъ считалъ величайшимъ бѣдствіемъ для своей родины.

Другимъ результатомъ римской революціи было глубокое презрѣніе Петрарки къ республиканскому режиму, основанному на демократическомъ началѣ. Отвергая родовую аристократію, Петрарка

и позднѣйшіе гуманисты были демократами только въ соціальномъ отношеніи. Отчаянные враги сословныхъ привилегій, они преклонялись передъ аристократіей ума и таланта, глубоко презирали современную толпу и были далеки отъ идеи народовластія. По ихъ политическому символу вѣры, власть должна пренадлежать лучшему, все равно, какими бы средствами она ни была достигнута. Но Петрарка къ такой точкѣ зрѣнія пришелъ не сразу. Послѣ перваго паденія трибуна онъ сохранилъ еще вѣру въ римскій народъ, какъ это видно изъ его проекта приведеннаго нами устройства священнаго города. Когда надъ бывшимъ трибуномъ былъ назначенъ судъ въ Авиньонѣ, Петрарка въ длинной и страстной статьѣ подъ формою письма къ римскому народу апеллируетъ къ своему адресату и требуетъ его вмѣшательства. Онъ не скрываетъ печальной слабости средствъ у современныхъ римскихъ гражданъ, но «вѣрьте мнѣ,—пишетъ онъ,—если въ васъ осталась хотя капля прежней крови, вы обладаете не малымъ величіемъ и весьма значительнымъ авторитетомъ». Желаніе Петрарки исполнилось: рим-

яне прислали депутацію, Кола былъ освобожденъ, хотя и не въ силу этого вмѣшательства. Болѣе того, прежній трибунъ былъ назначенъ сенаторомъ и, опираясь на папскій авторитетъ, сдѣлался столь невыносимымъ тиранномъ, что былъ убитъ тѣмъ самымъ народомъ, который нѣкогда ходатайствовалъ объ его освобожденіи. Петрарка хранилъ глубокое молчаніе о всѣхъ этихъ событіяхъ, но въ позднѣйшемъ трактатѣ «о мудрости» писалъ: «Толпа съ полнымъ правомъ имѣетъ обыкновеніе называть безумными мудрецовъ и мудрыми безумцевъ, потому что ложь считаетъ истиной, а истину ложью. Нѣтъ ничего болѣе далекаго отъ истины, чѣмъ народное мнѣніе». А въ трактатѣ *De remediis* выражался еще рѣзче: «Я сказалъ и повторяю: все, что думаетъ толпа, вздорно, что говоритъ—ложно, что одобряетъ—дурно, что предписываетъ — постыдно, что дѣлаетъ—глупо».

Возненавидѣвши знать и разочаровавшись въ римскомъ народѣ, Петрарка вынесъ изъ неудавшейся революціи вѣру въ возможность реставрировать прежнее величіе Рима и глубокое убѣж-

деніе, что эту задачу можетъ выполнить отдѣльная личность. Причину неудачи попытки Кола онъ видѣлъ въ его индивидуальныхъ недостаткахъ. Онъ обвиняетъ его въ разрушеніи собственнаго дѣла, а не въ замыслѣ несбыточнаго предпріятія: «онъ виновенъ,—не разъ говоритъ Петрарка,—въ пренебреженіи, а не въ защитѣ свободы, въ томъ, что онъ покинулъ Капитолій, а не въ томъ, что занялъ его». Самую же попытку трибуна Петрарка ставилъ такъ высоко, что сохранилъ къ нему симпатіи, несмотря на всѣ его неудачи. Въ трактатѣ *De remediis* онъ называетъ его человѣкомъ, обладавшимъ «геніальными и великими, хотя и не постоянными начинаніями», и сожалѣетъ о его погибели. Для успѣха этого дѣла нуженъ былъ только другой человѣкъ съ бо̀льшими силами, чѣмъ Кола, и Петрарка думалъ найти его въ Карлѣ IV.

IV.

Отношеніе Петрарки къ попыткѣ неудавшагося трибуна показываетъ, что онъ не былъ такимъ гибеллиномъ, какимъ хотятъ его представ-

вить нѣкоторые итальянскіе изслѣдователи. Петрарка признаетъ всякую власть, которая можетъ возвысить Римъ, на какой бы основѣ она ни покоилась. Правда, античная имперія представляется ему осуществленіемъ золотого вѣка, эпохой всеобщаго благоденствія: недаромъ же тогда родился Христосъ, царь «мира и справедливости». Но тѣ времена прошли: въ вѣчность Рима и его могущество Петрарка не вѣритъ и называетъ утверждавшаго это Виргилія «ложнымъ оракуломъ ложнаго бога». «Все родившееся распадается, все могучее старѣетъ»,—говоритъ онъ, и Римъ не составляетъ въ этомъ отношеніи исключенія. Одни народы возвышаются, другіе падаютъ; «непостоянная фортуна,—пишетъ Петрарка римскому народу,—въ непрерывномъ движеніи вращаетъ свое колесо и будетъ перебрасывать непрочное могущество изъ племени въ племя»; онъ признаетъ далѣе, что по отношенію къ Риму фортуна «воспользовалась уже своимъ правомъ»: «Я признаю,—говоритъ онъ римлянамъ,—что истощены ваши средства, хорошо знаю, что уменьшилось ваше могущество», и совѣтуетъ имъ тре-

бовать падшаго трибуна на свой судъ, не основанiи всемiрнаго господства, но по обще праву: Кола если виновенъ, то только проти Рима,—римляне и должны его судить.

Кого бы ни называлъ Петрарка въ канцо *Italia mia* «пустымъ словомъ безъ содержан (un nome vano senza soggetto), нѣмцевъ вооб или имперiю, несомнѣнно, что средневѣковы императоровъ онъ совершенно игнорируетъ. У верждая, что прежнiй блескъ Рима можетъ б возстановленъ, онъ опирается не на полити скую доктрину, а на психологическое воззрѣн что въ устроенiи общественныхъ порядковъ лы человѣка безграничны, и на недавнiй реа ный фактъ блестящаго успѣха трибуна, въ к торомъ онъ думалъ найти подтвержденiе сво взгляда. «Припомните,—писалъ онъ римлянамъ въ какомъ состоянiи были ваши дѣла и ск великую и неожиданную надежду не только Римѣ, но и во всей Италiи возбудили мудро и дѣятельность одного человѣка. Итальянсi имя и римская слава получили новый блес среди враговъ господствовалъ страхъ и смуı

ніе, среди друзей—радость. Народы находились въ напряженномъ ожиданіи, и въ общественномъ настроеніи повсюду произошла рѣзкая перемѣна». «Еслибы трибунъ продолжалъ такъ, какъ началъ,—заключаетъ Петрарка, – то можно было бы думать, что совершается дѣло скорѣе божественное, чѣмъ человѣческое. И на самомъ дѣлѣ все, что хорошо дѣлаетъ человѣкъ, есть дѣло божественное» (Ар. 1). Такого «хорошо дѣйствующаго человѣка» онъ и думалъ найти въ нѣмецкомъ императорѣ.

Карлъ IV привлекъ вниманіе Петрарки не столько своимъ положеніемъ, сколько личными свойствами. Онъ былъ воспитанъ въ Италіи, чувствовалъ нѣкоторый интересъ къ наукѣ, что имѣло большое значеніе въ глазахъ ученаго патріота. Кромѣ того, императоръ, въ бытность свою въ Авиньонѣ, лестно замѣтившій Лауру, пользовался и личными симпатіями ея пѣвца. Вслѣдствіе всего этого Петрарка увѣровалъ, что Карлъ IV можетъ быть преемникомъ Кола ди Ріенцо, и сталъ усиленно приглашать его въ Римъ обширными посланіями. Весьма характерно для насту-

пающаго періода, что императоръ немедленно отвѣтилъ на открытое письмо представителя общественнаго мнѣнія; но отвѣтъ запоздалъ на цѣлыхъ 3 года; Петрарка написалъ еще одно письмо и только въ третьемъ подвергъ критикѣ возраженія Карла IV. Эта въ высшей степени интересная литературная полемика публициста съ императоромъ живо характеризуетъ Петрарку, какъ политическаго писателя. Трезвый и практическій Карлъ рисуетъ въ своемъ отвѣтѣ бѣдственное положеніе Италіи и видитъ въ немъ главное препятствіе для возстановленія старой имперіи. Петрарка ядовито замѣчаетъ на это, что онъ «вынужденъ болѣе удивляться и болѣе хвалить въ Карлѣ талантъ писателя, чѣмъ мужество императора», и обстоятельно развиваетъ свою индивидуалистическую точку зрѣнія. Римъ переживалъ при нашествіи галловъ, при Ганнибалѣ не менѣе трудныя времена, но «надъ чѣмъ смѣялись предки, то мы оплакиваемъ». Глубокихъ существенныхъ перемѣнъ Петрарка не допускаетъ. «Вѣрь мнѣ, Цезарь,—пишетъ онъ,—міръ тотъ же самый, что и былъ: то же солнце, тѣ

же стихіи, уменьшилась только доблесть». Еслибы живы были прежніе римляне, еслибы живъ былъ Цезарь, они безъ труда возстановили бы имперію; «теперь путь ровный и легкій, но недостаетъ путника: теперь роскошь и бездѣятельность получили широкое господство, трусость овладѣла вселенной и тотчасъ уступитъ вооруженному Цезарю, даже болѣе того — приметъ его сторону». Для доказательства этого положенія Петрарка ссылается на Кола ди Ріенцо. «Недавно,—говоритъ онъ,—борцомъ за римскую свободу явился нѣкто изъ низкаго плебса; не римскій царь, не консулъ, не патрицій и едва ли хорошо извѣстный римскій гражданинъ, безъ титуловъ, безъ знаменитыхъ предковъ, неизвѣстный до того времени даже и своими доблестями. И уже пошла за нимъ постепенно вся Италія, уже пришла въ движеніе вся Европа и цѣлый міръ. Чего же еще нужно? *Мы это не вычитали, а видѣли*». «Осторожный Карлъ цитируетъ изъ Саллюстія слова: «ты не знаешь, сколь огромный звѣрь имперія»—и приписываетъ ихъ Августу, вмѣсто Тиберія. Петрарка, поправивъ ошибку,

пающаго періода, что императоръ немедленно отвѣтилъ на открытое письмо представителя общественнаго мнѣнія; но отвѣтъ запоздалъ на цѣлыхъ 3 года; Петрарка написалъ еще одно письмо и только въ третьемъ подвергъ критикѣ возраженія Карла IV. Эта въ высшей степени интересная литературная полемика публициста съ императоромъ живо характеризуетъ Петрарку, какъ политическаго писателя. Трезвый и практическій Карлъ рисуетъ въ своемъ отвѣтѣ бѣдственное положеніе Италіи и видитъ въ немъ главное препятствіе для возстановленія старой имперіи. Петрарка ядовито замѣчаетъ на это, что онъ «вынужденъ болѣе удивляться и болѣе хвалить въ Карлѣ талантъ писателя, чѣмъ мужество императора», и обстоятельно развиваетъ свою индивидуалистическую точку зрѣнія. Римъ переживалъ при нашествіи галловъ, при Ганнибалѣ не менѣе трудныя времена, но «надъ чѣмъ смѣялись предки, то мы оплакиваемъ». Глубокихъ существенныхъ перемѣнъ Петрарка не допускаетъ. «Вѣрь мнѣ, Цезарь,—пишетъ онъ,—міръ тотъ же самый, что и былъ: то же солнце, тѣ

же стихіи, уменьшилась только доблесть». Еслибы живы были прежніе римляне, еслибы живъ былъ Цезарь, они безъ труда возстановили бы имперію; «теперь путь ровный и легкій, но недостаетъ путника: теперь роскошь и бездѣятельность получили широкое господство, трусость овладѣла вселенной и тотчасъ уступитъ вооруженному Цезарю, даже болѣе того — приметъ его сторону». Для доказательства этого положенія Петрарка ссылается на Кола ди Ріенцо. «Недавно, — говоритъ онъ, — борцомъ за римскую свободу явился нѣкто изъ низкаго плебса; не римскій царь, не консулъ, не патрицій и едва ли хорошо извѣстный римскій гражданинъ, безъ титуловъ, безъ знаменитыхъ предковъ, неизвѣстный до того времени даже и своими доблестями. И уже пошла за нимъ постепенно вся Италія, уже пришла въ движеніе вся Европа и цѣлый міръ. Чего же еще нужно? *Мы это не вычитали, а видѣли*». «Осторожный Карлъ цитируетъ изъ Саллюстія слова: «ты не знаешь, сколь огромный звѣрь имперія» — и приписываетъ ихъ Августу, вмѣсто Тиберія. Петрарка, поправивъ ошибку,

пающаго періода, что императоръ немедленно отвѣтилъ на открытое письмо представителя общественнаго мнѣнія; но отвѣтъ запоздалъ на цѣлыхъ 3 года; Петрарка написалъ еще одно письмо и только въ третьемъ подвергъ критикѣ возраженія Карла IV. Эта въ высшей степени интересная литературная полемика публициста съ императоромъ живо характеризуетъ Петрарку, какъ политическаго писателя. Трезвый и практическій Карлъ рисуетъ въ своемъ отвѣтѣ бѣдственное положеніе Италіи и видитъ въ немъ главное препятствіе для возстановленія старой имперіи. Петрарка ядовито замѣчаетъ на это, что онъ «вынужденъ болѣе удивляться и болѣе хвалить въ Карлѣ талантъ писателя, чѣмъ мужество императора», и обстоятельно развиваетъ свою индивидуалистическую точку зрѣнія. Римъ переживалъ при нашествіи галловъ, при Ганниба[illegible]
не менѣе трудныя времена, но «надъ чѣм[illegible]
ялись предки, то мы оплакиваемъ» [illegible]
существенныхъ перемѣнъ Пет[illegible]
етъ. «Вѣрь мнѣ, Це[illegible]
тотъ же самый, чт[illegible]

же стихіи, уменьшилась только доблесть». Еслибы живы были прежніе римляне, еслибы живъ былъ Цезарь, они безъ труда возстановили бы имперію; «теперь путь ровный и легкій, но недостаетъ путника: теперь роскошь и бездѣятельность получили широкое господство, трусость овладѣла вселенной и тотчасъ уступитъ вооруженному Цезарю, даже болѣе того — приметъ его сторону». Для доказательства этого положенія Петрарка ссылается на Кола ди Ріенцо. «Недавно, — говоритъ онъ, — борцомъ за римскую свободу явился нѣкто изъ низкаго плебса; не римскій царь, не консулъ, не патрицій и едва ли хорошо извѣстный римскій гражданинъ, безъ титуловъ, безъ знаменитыхъ предковъ, неизвѣстный до того времени даже и своими доблестями. И уже пошла за нимъ постепенно вся Италія, уже пришла въ движеніе вся Европа и цѣлый міръ. Чего же еще нужно? *Мы это не вычитали, а видѣли*». «Осторожный Карлъ цитируетъ изъ Саллюстія слова: «ты не знаешь, сколь огромный звѣрь имперія» — и приписываетъ ихъ Августу, вмѣсто Тиберія. Петрарка, поправивъ ошибку,

отвѣчаетъ: «животное огромное, но съ нимъ можно справиться. Осмѣлься, дѣйствуй, возьми въ руки поводья, вскочи на подобающее тебѣ сѣдло. Если боишься, оно найдетъ другаго сѣдока». Въ такомъ же духѣ отвѣчаетъ онъ на осторожное замѣчаніе Карла, что, по совѣту медиковъ, къ желѣзу слѣдуетъ прибѣгать послѣ всего. Петрарка думаетъ, что время для этого уже наступило: испытано все: слова, просьбы, угрозы и ласка. Теперь остается только стать на колѣни передъ врагами имперіи. «Чего же ждешь? чтобъ По потекъ къ своему источнику?» Этого никогда не случится, но съ рѣкою «утекаютъ и годы, а съ годами – силы». Напомнивъ далѣе, что императоръ долженъ исполнять обязанности своего сана или отказаться отъ него, Петрарка вполнѣ соглашается съ тою мрачною характеристикой, которую даетъ Карлъ современной дѣйствительности въ Италіи. Дѣйствительно, свобода уничтожена, Италія томится въ рабствѣ, о мирѣ позабыли народы, ad avaritiae lupanar prostituta justitia, но императоръ долженъ и можетъ устранить всѣ эти бѣдствія. Въ заключеніе Петрарка

указываетъ Карлу IV средство, какъ устранить главное препятствіе—бѣдность. «Что общаго имѣетъ бѣдность съ Цезаремъ?—пишетъ онъ.—Многихъ бѣдность втолкнула въ войну, многимъ внушала храбрость, въ особенности если противникъ богатъ. *Несомнѣнно, война доставляетъ богатство сильнымъ людямъ*» (XVIII, 1). Въ этомъ послѣднемъ совѣтѣ, а также въ побужденіи прибѣгнуть къ желѣзу, впервые проявляется тотъ принципъ, послѣдовательное развитіе котораго составляетъ политика Макіавелли. Пѣвецъ мира и итальянскій патріотъ побуждаетъ нѣмца вооруженнымъ грабежомъ обогатиться на счетъ родины. При печальной дѣйствительности Петрарка не могъ найти хорошихъ средствъ для достиженія высокаго политическаго идеала, и чѣмъ больше знакомился онъ съ окружающею средой, тѣмъ рельефнѣе выступаетъ зараждающійся макіавеллизмъ въ его политикѣ.

Карлъ IV пришелъ въ Италію, и Петрарка привѣтствовалъ его прибытіе, какъ начало новой эры (XIX, 12); но онъ вернулся назадъ, нисколько не измѣнивъ положенія Рима, и мы видѣли,

какимъ письмомъ напутствовалъ Петрарка удаляющагося императора. Тѣмъ не менѣе, одного опыта было недостаточно: прошло еще 7 лѣтъ, и Петрарка, забывъ неудачу, пытается еще разъ воодушевить императора (XXIII, 2, 15, 21); прошло еще 7 лѣтъ, Карлъ IV совершилъ свой второй, еще болѣе позорный походъ въ Римъ, и Петрарка утратилъ вѣру въ цѣлебность этого средства. «Было нѣкогда время,—пишетъ онъ въ трактатѣ *De remediis*,—когда императоры могли надѣяться на имперію и народы—на императора, теперь же имперія—тягость для ея главы, а ея глава—гибель для народа» (I, 116).

Итакъ, по отношенію къ вопросу о всемірномъ владычествѣ Рима, Петрарка былъ скорѣе плохой практическій политикъ, чѣмъ мечтательный поэтъ; его ошибка происходила отъ плохого пониманія дѣйствительности, а не отъ лишняго довѣрія къ фантастичной теоріи; онъ преувеличивалъ реальныя силы людей, а не могущество политическихъ мечтаній. Его исходнымъ пунктомъ была дѣйствительность, реальный человѣкъ съ его потребностями, вслѣдствіе этого

онъ былъ чуждъ политическаго доктринерства. Какъ публицистъ, а не философъ въ политикѣ, Петрарка пошелъ на всякія сдѣлки съ жизнью, такъ что его можно назвать оппортюнистомъ въ политикѣ, если позволительно употребить новое выраженіе для тогдашнихъ отношеній. Особенно рѣзко проявляется это въ его отношеніи къ папству.

Петрарка искренно считалъ себя настоящимъ католикомъ и подъ старость въ особенности старался сдѣлаться образцовымъ сыномъ средневѣковой церкви. Онъ считалъ папу намѣстникомъ Христа, сочинялъ гимны Богородицѣ, продолжалъ производить разныя аскетическія упражненія и построилъ даже на свой счетъ капеллу. Но, въ качествѣ нравственнаго философа и благочестиваго христіанина, онъ неутомимо громилъ пороки высшаго духовенства. Въ «Письмахъ безъ адреса» онъ самого папу называетъ «церковнымъ Діонисіемъ», который «мучитъ и грабитъ наши Сиракузы». «Вижу,—говоритъ онъ,—какъ обманувшая мужа Семирамида тіарой покрываетъ чело, искусно отводитъ глаза присутствующимъ и,

загрязненная нечистыми объятіями, издѣвается надъ мужами». Тѣмъ не менѣе, Петрарка не разъ и очень усердно приглашалъ папу вернуться въ Римъ. Въ молодости онъ въ двухъ поэтическихъ посланіяхъ звалъ на родину Бенедикта XI, подъ старость онъ адресовалъ ради этой же цѣли Урбану V огромное письмо, составляющее нѣсколько печатныхъ листовъ (Sen. VII, 1), въ теченіе всей своей жизни боролся противъ тѣхъ членовъ куріи, которые предпочитали Авиньонъ Риму, и никогда не обнаруживалъ большей страстности, какъ въ полемикѣ по этому вопросу. Кромѣ обычныхъ писемъ съ адресомъ и безъ адреса, Петрарка написалъ по этому поводу такъ-называемую инвективу, т.-е. формальную полемическую статью противъ одного французскаго кардинала, горячность которой переходитъ всякія границы приличія. Но, приглашая папу въ Римъ, Петрарка далеко не былъ убѣжденнымъ гвельфомъ. Онъ рѣзко упрекаетъ Иннокентія VI за то, что онъ позволилъ Карлу IV остаться въ Римѣ только одинъ день (De vita solitar. operp., 269), хотя, въ то же время, убѣж-

денъ, что «никакая власть не терпитъ сотоварища» и что «двухголовое животное—чудовищно» (XX, 2). Призывая папу въ Римъ, онъ желаетъ добиться хоть чего-нибудь для родины. Если столица папы и не сдѣлается главой міра, то, по крайней мѣрѣ, освободится отъ анархіи, получитъ нѣкоторый блескъ. Въ письмѣ къ Урбану V онъ указываетъ именно на эту цѣль: «какой консулъ управляетъ теперь Римомъ? Какой полководецъ его защищаетъ? Какіе совѣтники засѣдаютъ въ немъ?» Въ другомъ письмѣ по тому же адресу онъ подробно перечисляетъ улучшенія, въ которыхъ нуждается столица (Sen. IX, 2). Но, не будучи гвельфомъ, Петрарка, какъ патріотъ-публицистъ новаго закала, не стѣсняется ради достиженія цѣли поступаться своими теоретическими воззрѣніями. Когда Урбанъ V переѣхалъ въ Римъ, онъ написалъ ему восторженное привѣтствіе, въ которомъ встрѣчается, между прочимъ, такое мѣсто: «Твой Римъ дѣйствительно растерзанъ и опустошенъ; но онъ городъ священный, знаменитѣйшій славою небесныхъ и земныхъ дѣяній, мать городовъ, глава міра, скала

вѣры, гдѣ ты предметъ почтенія для вѣрныхъ и ужаса для невѣрныхъ. За бѣдствіе, въ которомъ онъ теперь находится, онъ достоинъ не того, чтобы ты его покинулъ, но чтобы съ ревностью, соотвѣтствующею его заслугамъ, постарался его возстановить. Основанный Ромуломъ, освобожденный Брутомъ, возобновленный Камилломъ, отъ нихъ ведетъ онъ славу своего земнаго величія. Но его духовная власть была установлена Петромъ, усилена Сильвестромъ, облагорожена Григоріемъ, и я вижу, что тебѣ самъ собою представляется случай сравняться съ ними славою. Ты можешь заслужить, что память и неподкупный судъ потомства сравняютъ тебя не съ однимъ или другимъ изъ нихъ, но со всѣми вмѣстѣ, потому что ты предназначенъ возстановить разрушенныя основанія, ростъ и украшеніе, которыми они ихъ одарили» (Sen. IX, 1). Въ этой тирадѣ Петрарка съ еще большею осторожностью предлагаетъ папѣ ту самую роль языческихъ героевъ, которую раньше онъ навязывалъ Карлу IV и за которую еще раньше апплодировалъ запоздавшему трибуну. Но разнесся

слухъ, вскорѣ оправдавшійся, что Урбанъ V намѣревается снова переселиться въ Авиньонъ; тогда встревоженный публицистъ счелъ необходимымъ превратиться въ настоящаго гвельфа. Въ новомъ письмѣ къ папѣ онъ заставляетъ Римъ произнести трогательную рѣчь, въ которой священный городъ говоритъ, между прочимъ, Урбану: «у тебя ключи отъ царствія небеснаго и тебѣ принадлежатъ обѣ власти» (Var. 3).

Убѣждая отдѣльныхъ личностей возстановить на землѣ или, по крайней мѣрѣ, въ Италіи миръ и спокойствіе, Петрарка старался воспользоваться для этого и другими средствами. Какъ публицистъ, онъ обладалъ очень грандіозными планами и чрезвычайно широкимъ интересомъ къ политической дѣятельности. Такъ, онъ имѣетъ мечту о завоеваніи не только Іерусалима, но и Константинополя (De vita solitar. II, 4, 3 и 5). Эту цѣль ставитъ онъ и генуэзцамъ, убѣждая ихъ прекратить войну съ Венеціей (XIV, 5), и Урбану V, умоляя его переселиться въ Римъ (Sen. VII, 1). Столѣтняя война при началѣ привлекла къ себѣ вниманіе Петрарки, симпатіи котораго всегда оста-

вались на сторонѣ Франціи. Въ интересномъ письмѣ къ Гумберту II, послѣднему владѣтелю Дофинэ, поборникъ мира для Италіи восхваляетъ военную доблесть и смерть на ратномъ полѣ, чтобы побудить французскаго вассала выйти изъ нейтралитета (III, 10). Но съ особеннымъ интересомъ наблюдаетъ онъ за итальянскими событіями. Всякое болѣе или менѣе крупное явленіе въ современной жизни отмѣчено въ перепискѣ Петрарки, и въ наиболѣе важное онъ считаетъ долгомъ вмѣшаться въ качествѣ непрошеннаго совѣтника, т.-е. какъ публицистъ. Его неизмѣнною точкой зрѣнія въ этихъ вопросахъ служитъ интересъ мира и порядка въ Италіи. Особенно живое участіе принималъ Петрарка въ кровопролитной войнѣ между Венеціей и Генуей, которая закончилась подчиненіемъ послѣдняго города миланскому тиранну. Еще прежде чѣмъ начались военныя дѣйствія, Петрарка попытался удержать отъ нихъ венеціанскаго дожа Андр. Дандоло. Въ длинномъ письмѣ (XI, 8) онъ, «какъ итальянецъ, излагаетъ итальянскія жалобы», сущность которыхъ сводится къ тому, что отъ этой борьбы

пострадаетъ вся Италія. Теперь обѣ республики могутъ быть названы «свѣточами» родины; вслѣдствіе войны «одинъ изъ нихъ погаснетъ, другой потемнѣетъ».«Несомнѣнно,—говоритъ Петрака,—что мы погибнемъ, раненные нашими собственными руками, что, ограбленные вами, мы потеряемъ и репутацію и власть на морѣ, пріобрѣтенную столь многими трудами». Но особенно возмущаетъ Петрарку слухъ, что Венеція обратилась за помощью противъ врага къ аррагонскому королю. «Итакъ, итальянцами для уничтоженія итальянцевъ призываются варварскіе короли!—восклицаетъ онъ.—Откуда же можетъ ожидать помощи несчастная Италія, если сыновья ея, мало того, что сами терзаютъ достойную уваженія мать, призываютъ еще чужеземцевъ для открытаго матереубійства?» Письмо, конечно, не достигло своей цѣли; но, какъ публицистъ, Петрарка могъ считать себя лично удовлетвореннымъ: Дандоло послалъ ему лестный отвѣтъ, въ которомъ доказывалъ, что поведеніе генуэзцевъ дѣлаетъ войну неизбѣжной. Военныя дѣйствія начались, и венеціанцы, несмотря на союзъ съ Кантакузеномъ и Петромъ IV

Аррагонскимъ, потерпѣли жестокое пораженіе въ февралѣ 1352 г., хотя и генуэзцамъ побѣда обошлась очень дорого. Съ чуткостью настоящаго публициста Петрарка обратился послѣ этого съ длиннымъ посланіемъ къ дожу и совѣту Генуэзской республики (XIV, 5). Упомянувъ о письмѣ къ Дандоло, онъ признаетъ свою неудачу, которая удержала его тогда отъ подобнаго обращенія къ Генуѣ. «Я считалъ несвоевременнымъ,— пишетъ онъ,—отговаривать вооруженныхъ и стоящихъ въ строю отвлекать отъ оружія». Теперь другое дѣло: «не только знаменитымъ мужамъ и народамъ, но даже благороднымъ животнымъ достаточно побѣдить, и только подлымъ доставляетъ удовольствіе дальнѣйшее свирѣпство, только въ нихъ кровожадность не уничтожается побѣдою». Основною точкой зрѣнія и въ этомъ письмѣ остаются интересы родины. Судьба Византіи его мало трогаетъ. «Что касается фальшивыхъ и неподвижныхъ грековъ, которые сами по себѣ ни на что не рѣшаются, то я ихъ не только не сожалѣю, но даже очень радъ ихъ пораженію и желаю, чтобъ эта позорная имперія, эта обитель

ужденій была разрушена вашими руками, если
ко Христосъ изберетъ васъ мстителями за
ы и отъ васъ потребуетъ мщенія, которое
ыдно откладываетъ весь католическій народъ.
ечно же сочувствую я только итальянцамъ».
арка напоминаетъ далѣе, что ихъ против-
тоже итальянцы, и убѣждаетъ ихъ, вмѣсто
мной борьбы, сообща направить оружіе про-
невѣрныхъ и завоевать Святую Землю. Кромѣ
, онъ обращаетъ вниманіе Генуи на ея внут-
ія смуты и предостерегаетъ отъ заключаю-
ся въ нихъ опасности. «Я не обладаю про-
скимъ духомъ,—пишетъ онъ,—и не предска-
ю будущаго по теченію звѣздъ; но, насколь-
огу догадываться о будущемъ, принимая въ
раженіе прошлое, доблесть и счастье сдѣла-
васъ непобѣдимыми во внѣшнихъ войнахъ;
ко своего врага, только гражданскаго меча
слѣдуетъ бояться». Исходя изъ этой точки
ія, онъ старательно убѣждаетъ генуэзцевъ
олжать войну, начатую съ аррагонскимъ ко-
мъ, потому что «эта война благочестивая,
ведливая, святая и менѣе всего итальянская»

(XIV, 6). Гунуэзцы не послушались совѣта Петрарки и потерпѣли жестокое пораженіе, которое вызвало новое посланіе (XVII, 3), преисполненное различными утѣшеніями.

V.

Но любовь къ родинѣ и глубокій интересъ къ общественнымъ дѣламъ заставляли Петрарку принимать болѣе близкое участіе въ политикѣ, чѣмъ допускала одна только публицистическая дѣятельность. Отвергнувъ выгодную службу при куріи и лестное предложеніе занять каѳедру во Флоренціи, изгнавшей его отца, отказавшись отъ столь любимаго уединенія, Петрарка сдѣлался усерднымъ слугой миланскихъ тиранновъ. Ради этого ему пришлось пожертвовать многими убѣжденіями и впасть въ крайне непріятныя противорѣчія. Но онъ сдѣлалъ это вслѣдствіе глубокой вѣры въ спасительность для Италіи монархическаго режима.

Петрарка не былъ монархистомъ-теоретикомъ. Изъ знакомства съ римскою исторіей онъ вынесъ

деніе, что политическія формы не имѣютъ ютнаго значенія. Не разъ прославляя ан-ю имперію, когда это нужно было въ публи-ческихъ цѣляхъ, Петрарка приводилъ гену-ъ такіе аргументы за продолженіе войны рагонскимъ королемъ: «Не страшитесь цар-имени; часто мрачно внутри то, что бле-извнѣ; наказывать гордость царей — гораздо царской власти; у васъ нѣтъ царя, но вы аете царскою душой. Римъ былъ малъ, пока царя, и сдѣлался безграничнымъ, какъ толь-лишился; подъ властью царя онъ находил-рабствѣ, безъ царей — повелѣвалъ. Напа-на царя: скиптры не даютъ и не отнимаютъ дѣтели» (XIV, 6). По личнымъ наклон-иъ Петрарка склонялся даже къ республикѣ, для него и не оставались незамѣтными ея я стороны.

снувшійся индивидуализмъ вызвалъ въ немъ, прочимъ, и любовь къ свободѣ. «Я считаю иъ, — говоритъ онъ, — если можно жить на дѣ, никому не вредя, ничему не подчиня-ромѣ законовъ любви. Я назвалъ это про-

сто благомъ, хотя это есть благо величайшее, лучше котораго нѣтъ ничего въ человѣческой жизни». Высоко цѣня свободу въ индивидуальной жизни, Петрарка считаетъ естественнымъ стремленіе къ ней и въ государствѣ. «Нечего негодовать и удивляться, — пишетъ онъ римскому трибуну,—если какой-нибудь народъ или даже всякій народъ, какъ мы видимъ, хотѣлъ освободиться отъ римскаго ига, справедливѣйшаго и пріятнѣйшаго изъ всѣхъ. Стремленіе къ свободѣ прирождено душѣ смертныхъ, часто даже неразумное и необузданное; часто стыдясь повиноваться лучшимъ, дурно управляютъ тѣ, которые могли бы хорошо подчиняться» (App. I). Но разъ общественная свобода пріобрѣтена, она является величайшимъ благомъ въ государствѣ. «Свобода среди васъ, — пишетъ онъ римскому народу и трибуну,—и нѣтъ ничего ея пріятнѣе и желаннѣе. Поэтому, если съ свободою вернулся и здравый смыслъ, то пусть каждый изъ васъ думаетъ, что ее слѣдуетъ покинуть только вмѣстѣ съ жизнью, потому что жизнь безъ нея—насмѣшка надъ жизнью» (Var.. XLVIII). Разсуждая теоре-

тически, Петрарка находилъ монархію трудно совмѣстимою со свободой. Въ трактатѣ *De remediis* онъ говоритъ, между прочимъ: «Нѣтъ болѣе тяжкаго общественнаго бремени, чѣмъ монархія... Что иное монархіи, какъ не древнія тиранніи? Отъ времени не дѣлается хорошимъ то, что дурно по природѣ» (II, 78). Въ другомъ мѣстѣ того же трактата онъ говоритъ, что «быть правителемъ и защитникомъ государства—самое угодное Богу изъ всѣхъ дѣлъ человѣческихъ»; но «хорошій царь—общественный рабъ»; если же онъ превращается въ господина, то «кто не назоветъ самымъ дурнымъ человѣкомъ того, кто отнимаетъ у своихъ гражданъ самое лучшее, что у нихъ есть,—свободу, высшее и преимущественнѣйшее благо жизни? Это видъ тиранновъ, которыхъ чернь называетъ господами и которые въ дѣйствительности—палачи» (I, 85). Петрарка хорошо понималъ далѣе, что современные государи Италіи совсѣмъ не соотвѣтствуютъ его идеалу о хорошемъ монархѣ. «Наши князья и герцоги,—говоритъ онъ въ трактатѣ *объ уединеніи* (De vita solitaria), — надменнѣйшіе изъ людей; въ спальнѣ они храбрѣе

львовъ, на полѣ трусливѣе оленей; они позорятъ мужское лицо женскою душой: они смѣлы только въ роскоши и въ ненависти къ добродѣтели; они преслѣдуютъ и презираютъ тѣхъ, кому не могутъ подражать и кого должны бы были уважать или, по крайней мѣрѣ, молча преклоняться. Не удивительно, если примѣры добродѣтели тягостны для ея враговъ» (Ор., 271). Нравственные недостатки имѣли особую важность въ глазахъ такого исключительнаго моралиста, какъ Петрарка, который дѣлилъ людей только на добродѣтельныхъ и порочныхъ. Тѣмъ не менѣе, онъ отказался отъ своихъ индивидуалистическихъ стремленій и пожертвовалъ своими философскими убѣжденіями ради того, что считалъ высшимъ благомъ своей родины,—ради ея политическаго объединенія или, по крайней мѣрѣ, ради установленія внутренняго порядка.

Какъ ни высоко цѣнилъ Петрарка вліяніе публицистической пропаганды, онъ слишкомъ хорошо зналъ дѣйствительность, чтобы игнорировать ея болѣе реальныя силы. Для осуществленія его идеаловъ въ Италіи на лицо были двѣ по-

литическія формы,—городскія республики и тираннiи. Петрарка не возлагалъ никакихъ надеждъ на республики. Въ письмѣ къ римскому народу онъ говоритъ, между прочимъ: «Всякое двухголовое животное—чудовищно; насколько же болѣе ужасно и чудовищно-дико животное съ тысячью различныхъ головъ, которыя кусаютъ другъ друга и находятся во взаимной борьбѣ? Не подлежитъ сомнѣнію, что если головъ много, то все-таки должна быть одна такая, которая всѣхъ обуздывала бы и надъ всѣми начальствовала бы, чтобы прочный миръ господствовалъ во всемъ тѣлѣ. Безчисленными опытами и авторитетомъ ученѣйшихъ людей съ несомнѣнностью доказано, что и на небѣ, и на землѣ принципатъ всегда былъ наилучшимъ единствомъ» (Ap. 1). Этому взгляду Петрарка оставался вѣренъ и въ жизни. Когда Флоренція предложила ему почетное и выгодное мѣсто, онъ вѣжливо, но рѣшительно отказался, къ величайшему изумленію своихъ друзей и въ особенности демократически настроеннаго Боккаччіо. Совершенно иначе относится Петрарка къ современной монархіи. «Хотя я хорошо знаю,—говоритъ

онъ въ одномъ письмѣ,—насколько болѣе возросъ Римъ подъ властью многихъ, чѣмъ подъ владычествомъ одного, но мнѣ извѣстно также, что многіе и великіе люди считали счастливѣйшимъ состояніе государства подъ властью одного справедливаго князя. Что касается современнаго положенія нашихъ дѣлъ, то, при столь непримиримомъ разногласіи умовъ, не остается никакого сомнѣнія, что для собранія и возтановленія итальянскихъ силъ, которыя разсѣяло продожительное неистовство гражданскихъ войнъ, лучше всего подходитъ монархія. Зная это, я считаю царскую руку необходимой противъ нашихъ болѣзней» (III, 7). Чтобъ оказать посильное содѣйствіе этому исцѣленію, Петрарка сдѣлался оффиціознымъ публицистомъ и оффиціальнымъ ораторомъ итальянскихъ тиранновъ.

Болѣе всего надеждъ возлагалъ Петрарка на Роберта Неаполитанскаго; но смерть этого государя и послѣдовавшіе за ней безпорядки заставили его искать другого избавителя родины отъ удручавшихъ ее золъ. Наиболѣе подходящимъ для этого человѣкомъ казался ему Джіованни

Висконти, архіепископъ миланскій. Въ 1353 году Петрарка, восхвалявшій самаго могущественнаго гвельфа, вступилъ въ свиту самаго сильнаго гибеллина и въ теченіе 8 лѣтъ самымъ усерднымъ образомъ защищалъ интересы его дома.

Дж. Висконти, несмотря на свой духовный санъ, былъ такимъ княземъ, котораго одобрилъ бы Макіавелли и который могъ возбуждать самыя пылкія надежды Петрарки. Сынъ «великаго» Маттео, основателя могущества Висконти, Джіованни обладалъ всѣми свойствами крупнаго тиранна еще не успѣвшей выродиться династіи. Умѣренно жестокій и безгранично коварный, онъ умѣлъ сдерживать личные порывы, понималъ людей и умѣлъ подчинять ихъ себѣ; дѣйствуя осторожно, но рѣшительно, онъ пользовался всѣми средствами для достиженія своей цѣли, которая всегда прикрывалась самыми благородными и возвышенными словами. Джіованни пріобрѣлъ, прежде всего, трудное искусство ладить со своими собственными родственниками. Его племянникъ Аццо убилъ его брата Марко, но съ большою любовью относился къ другому дядѣ. Въ 1339 г. сдѣлавшись на-

слѣдникомъ вмѣстѣ съ другимъ братомъ, Люккино, обширныхъ владѣній Висконти, Джіованни отказался отъ своей части въ его пользу: Люккино былъ превосходный правитель и находился въ ссорѣ съ церковью, а Джіованни нужно было получить титулъ отъ папы, не отказываясь отъ фамильной политики. Онъ получилъ санъ кардинала отъ антипапы Николая V, но при помощи племянника ему удалось вымѣнять за этотъ титулъ епископство; а во время управленія брата онъ купилъ въ Авиньонѣ санъ архіепископа миланскаго. Это было не лишнее основаніе для шаткой тиранніи, которая въ 1349 перешла въ его руки, когда Люккино отравила его жена, чтобъ избавиться отъ подобной же участи. Джіованни принадлежало теперь 16 крупныхъ городовъ въ Сѣверной Италіи; чтобы подчинить остальное, архіепископъ сдѣлался гибеллиномъ и, прежде всего, купилъ папскую Болонью у захватившаго тамъ власть тиранна. Климентъ VI попытался прибѣгнуть къ оружію, но его армія потерпѣла пораженіе; тогда папа прислалъ въ Миланъ легата съ требованіемъ, чтобы Висконти отказался или

отъ духовнаго сана, или отъ свѣтской власти. Въ отвѣтъ на это архіепископъ разыгралъ характерный фарсъ, который съ виду походилъ на серьезное представленіе. По его предложенію, легатъ вторично сообщилъ ему свое порученіе при духовенствѣ и народѣ въ ближайшее воскресенье въ соборѣ, послѣ торжественнаго богослуженія, совершеннаго самимъ тиранномъ, и Висконти, взявши въ одну руку крестъ, а въ другую мечъ, объявилъ папскому посланному: «вотъ мое оружіе духовное и свѣтское: однимъ я буду защищать другое». Затѣмъ онъ обѣщалъ легату лично явиться въ Авиньонъ для переговоровъ съ папой и предварительно послалъ туда одного изъ секретарей, который занялъ для своего господина всѣ свободныя помѣщенія въ городѣ и окрестностяхъ и началъ заготовлять огромное количество провіантовъ. Постановка на сцену 2-го акта комедіи обошлась автору въ 40.000 флориновъ, но эффектъ вышелъ поразительный. Испуганный папа, узнавши отъ уполномоченнаго Висконти, что въ свитѣ его повелителя будетъ находиться, кромѣ миланской знати, 6.000 пѣхоты и 12.000 кава-

лерiи, попросилъ архiепископа не утруждать себя далекимъ путешествiемъ и немедленно отправилъ въ Миланъ депутатовъ для переговоровъ, которые окончательно запродали Болонью за 100,000 флориновъ *). Между тѣмъ, папскiй легатъ пытался основать лигу противъ Висконти, усиленiе котораго грозило всей Италiи, но потерпѣлъ полную неудачу. Тиранны сѣверной Италiи были слишкомъ слабы, и, кромѣ того, почти въ каждой фамилiи Висконти имѣлъ сторонниковъ; въ Неаполѣ происходили страшныя смуты; оставалась одна гвельфская Флоренцiя; противъ нея и началъ дѣйствовать теперь Висконти. Его планъ былъ задуманъ и выполненъ съ макiавеллистическою ловкостью и коварствомъ. Партiи гвельфовъ и гибеллиновъ давно уже утратили въ Италiи свое прежнее значенiе: объ осуществленiи средневѣковыхъ мечтанiй никто не думалъ; но старымъ знаменемъ было чрезвычайно удобно пользоваться и для другихъ цѣлей. Особенно выгодно оно было для тиранновъ, которые находили въ немъ

*) *Corio,* Istorie Milanesi, Parte III, p. 224.

кое-какое оправданіе для внутреннихъ и внѣшнихъ захватовъ: въ гвельфскихъ республикахъ они захватывали власть во имя имперіи, мнимые интересы которой составляли такой же удобный поводъ вмѣшаться въ дѣла и овладѣть сосѣднимъ городомъ. Висконти возвелъ эту политику въ систему: чтобы подготовить себѣ временныхъ союзниковъ для покоренія Тосканы и Романьи, онъ оказывалъ поддержку всякому злодѣю, который прикидывался гибеллиномъ, чтобы сдѣлаться тиранномъ. Для этого онъ содержалъ наемныя войска, жалованье которымъ добывалось грабежомъ и .насиліемъ. Такъ, подъ предлогомъ заговора, онъ приказалъ арестовать того тиранна, у котораго купилъ Болонью, и отнялъ заплаченную ему сумму. Флорентійцы, наконецъ, поняли опасность, хотѣли нанять солдатъ, но встрѣтили неожиданное затрудненіе: начальники бродячихъ шаекъ боялись Висконти, какъ самаго выгоднаго патрона и какъ самаго страшнаго врага. Но попытка архіепископа захватить Тоскану на этотъ разъ не удалась: на сѣверѣ ему подчинилась Генуя, и это пріобрѣтеніе могло вовлечь его въ

войну съ Венеціей. Въ это время вступилъ на его службу Петрарка.

Союзъ моралиста и поклонника свободы съ коварнѣйшимъ изъ тиранновъ произвелъ удручающее впечатлѣніе на его друзей и въ осебенности на республикански настроеннаго Боккаччіо. Со всѣхъ сторонъ посыпались запросы, и Петрарка чувствовалъ себя въ крайне затруднительномъ положеніи. Открыть истину онъ не могъ, потому что окончательную цѣль своихъ стремленій скрывалъ самъ Висконти; найти благовидную причину было трудно, потому что онъ не хотѣлъ служить ни республиканской Флоренціи, ни папскому Авиньону. Поэтому многочисленныя отвѣтныя письма Петрарки производятъ крайне невыгодное для него впечатлѣніе: онъ или уклоняется отъ прямого отвѣта, ссылаясь въ длинномъ письмѣ на недостатокъ времени (XVI, 11), или отдѣлывается отъ порицаній извѣстной басней о крестьянинѣ и ослѣ (XVI, 13), или путается въ противорѣчіяхъ. Въ письмѣ къ неизвѣстному (Var. V) онъ говоритъ, что это произошло случайно, что онъ «не могъ отказать величайшему

изъ итальянцевъ»; въ другомъ (XVII, 10), объясняя свое поведеніе, онъ обстоятельно, съ обширными цитатами изъ бл. Августина и ап. Павла, доказываетъ, что человѣкъ часто поступаетъ противъ своей воли. Между тѣмъ изъ другихъ писемъ слѣдуетъ, что это не было ни случайностью, ни неожиданностью. Говоря о своемъ рѣшеніи, Петрарка напоминаетъ Боккаччіо одинъ давнишній разговоръ, когда они порѣшили, «что при теперешнемъ положеніи дѣлъ Италіи и Европы нигдѣ, кромѣ Милана, нѣтъ мѣста не только болѣе безопаснаго и удобнаго для занятій, но и вообще болѣе подходящаго» (Var. 25). Въ другомъ письмѣ по этому же поводу Петрарка выражается еще категоричнѣе: «мнѣ не подъ стать дѣлать ничего такого, для чего нельзя было бы найти достаточнаго основанія», только онъ не желаетъ открывать своихъ побужденій. «Толпа видитъ иногда, что я дѣлаю, — пишетъ онъ,— а что думаю, не видитъ; поэтому лучшая моя сторона и даже весь я остаюсь ей неизвѣстенъ». Убѣждая своихъ друзей, что Висконти уговорилъ его остаться въ Миланѣ только въ качествѣ укра-

шенія своего двора, Петрарка на дѣлѣ становится самымъ усерднымъ слугою тиранна. Когда распространились первые слухи о подчиненіи ему Генуи, Петрарка, не служившій еще тогда въ Миланѣ, былъ огорченъ до глубины души, по его собственному признанію (XVII, 3), но, сдѣлавшись оффиціознымъ публицистомъ архіепископа, онъ сразу измѣнилъ тонъ. Въ слѣдующемъ письмѣ тому же генуэзскому другу (XVII, 4) онъ сочувственно описываетъ торжественное врученіе власти надъ Генуей Висконти, причемъ рѣчь тиранна растрогала его до слезъ. Онъ увѣряетъ далѣе своего адресата, что «величайшій мужъ» весьма сочувствуетъ бѣдствіямъ Генуи и что при такомъ положеніи дѣлъ бывшей республикѣ остается только радоваться. Въ концѣ письма на всякій случай Петрарка прибавилъ еще два утѣшенія: во-первыхъ, что, по мнѣнію мудрыхъ людей, «наилучшее состояніе государства—это находиться подъ справедливою властью одного лица», и, во-вторыхъ, что, главнымъ образомъ, слѣдуетъ заботиться не о плотской, а о духовной родинѣ, въ доказательство чего приведена длинная ци-

тата изъ бл. Августина. Съ другой стороны, Петрарка продолжалъ съ новою страстностью и еще съ большею рѣзкостью нападать на Венецію за упорство въ войнѣ съ Генуей, хотя ей покровительствуетъ такой человѣкъ, «въ которомъ не знаешь, чему болѣе удивляться, добродѣтели или счастью, мужеству или гуманности» (XVIII, 16). По порученію Висконти, Петрарка вмѣшался въ эту войну и въ качествѣ оффиціальнаго лица: архіепископъ отправилъ его посломъ въ Венецію, чтобы добиться отъ нея мира съ его новою провинціей. Въ произнесенной по этому случаю рѣчи передъ дожемъ и совѣтомъ Петрарка, ссылаясь на прежнія письма, еще разъ повторяетъ приведенные тамъ аргументы противъ войны; въ ней находится также и характеристика его новаго господина. Онъ выставляетъ на видъ его добродѣтели и справедливость, съ которою онъ управляетъ своими владѣніями. Онъ старается убѣдить Венецію, что задача миланскаго тиранна—установить миръ если не на землѣ, то, по крайней мѣрѣ, въ Италіи, и примѣняетъ къ нему слова Виргилія, обращенныя къ римскому народу.

Tu regere imperio populos, Romane, momento
Haec tibi erunt artes pacique imponere morem(VI, 851).

(Помни, римлянинъ, что ты съ верховною властію управляешь народами и установляешь миръ,— это и должно быть твоимъ искусствомъ). Эта точка зрѣнія была оффиціальной при дворѣ Висконти. Современный историкъ Виллани сохранилъ текстъ рѣчи, которую произнесъ одинъ изъ генераловъ Висконти флорентинцамъ, на которыхъ готовился сдѣлать нападеніе. «Архіепископъ миланскій,—говорилъ генералъ,—государь могущественный, благодѣтельный и милостивый. Безъ необходимости онъ не заставляетъ страдать никого. Повсюду, куда простирается его власть, онъ приноситъ миръ и согласіе и болѣе, чѣмъ какой-либо другой государь, онъ любитъ и поддерживаетъ миръ и справедливость. Сюда послалъ онъ насъ не съ дурными намѣреніями,— напротивъ, чтобы возстановить единство и миръ, чтобъ уничтожить несогласія и тайную вражду, которыя раздѣляютъ народы Тосканы. Ему извѣстны раздоры, козни партій, которыя производятъ смуты во Флоренціи и разрушаютъ другія

общины этой страны. Онъ послалъ насъ сюда, чтобы затушить раздоры и своими совѣтами и покровительствомъ установить у васъ болѣе мудрое правительство. Онъ принялъ неизмѣнное рѣшеніе исправить злоупотребленія во всѣхъ городахъ Тосканы; если онъ не будетъ въ состояніи достигнуть своей цѣли мягкостью и убѣжденіемъ, то ему удастся это благодаря оружію. Онъ приказалъ намъ подвести его армію къ воротамъ вашего города, поражать васъ огнемъ и мечомъ, отдавать на разграбленіе ваше достояніе до тѣхъ поръ, пока вы ради вашей же собственной выгоды не преклонитесь передъ его волей» (II, 8). Рѣчь миланскаго генерала была какъ бы продиктована Петраркой,—до такой степени ея содержаніе совпадаетъ съ его политическими статьями. Охотно вѣришь въ исполненіе того, чего желаешь, и патріотъ-моралистъ ради осуществленія завѣтныхъ мечтаній прощалъ архіепископу-гибеллину, что тотъ наводнилъ родину чужеземными шайками и развращалъ церковь, истративъ 200.000 флориновъ на подкупъ папской любовницы и ея клевретовъ.

Но въ первый же годъ службы Петрарки умеръ Джіованни Висконти, и его положеніе при миланскомъ дворѣ сдѣлалось еще болѣе фальшивымъ. Три племянника архіепископа, получившіе въ наслѣдство его владѣнія, не унаслѣдовали его талантовъ и значительно превосходили его пороками. Они начали съ того, что двое младшихъ отравили старшаго, потому что его нравственная распущенность казалась невозможной даже такимъ извергамъ, какъ Галеаццо и Бернабò Висконти. Тѣмъ не менѣе, Петрарка не легко разставался съ своими иллюзіями и усердно служилъ новымъ тираннамъ. При вступленіи ихъ во власть онъ произносилъ торжественную рѣчь народу, которая, впрочемъ, была въ самомъ началѣ прервана астрологомъ, заявившимъ, что наступилъ самый благопріятный моментъ для обряда. Когда у Бернабò родился сынъ, Петрарка держалъ его у купели и написалъ по этому поводу стихотвореніе (Ep. Poet. III, 29). Въ это время явился, наконецъ, въ Италію Карлъ IV, котораго давно уже звала Венеція вмѣстѣ съ сѣверными тираннами, чтобы съ его помощью укро-

ъ возрастающее могущество Висконти. Но иматоръ не нашелъ выгоднымъ бороться съ моцественнымъ Миланомъ; онъ пригласилъ къ ѣ въ Мантую Петрарку, который присутствоъ при заключенiи Карломъ мирнаго договора его патрoнами. Висконти были такъ довольны еденiемъ своего придворнаго оратора, что чеъ годъ отправили его въ Прагу оффицiальıъ посломъ къ императору. Съ такою же болѣе іетною, чѣмъ важною миссiей Петрарка былъ ланъ и въ Парижъ съ поздравленiемъ освокденнаго отъ плѣна короля, дочь котораго еаццо купилъ въ жены своему сыну. Но мискiе тиранны пользовались перомъ Петрарки не невинныхъ только поздравительныхъ рѣчей, фиціозный публицистъ долженъ былъ защиъ также ихъ политическiе интересы.

ородъ Навара, долгое время страдавшiй подъ мъ Висконти, перешелъ на сторону маркиза нферратскаго, какъ только представился удобı случай. Но Галеаццо силой оружiя снова адѣлъ имъ и, при вступленiи, поручилъ Петкѣ произнести приличную случаю рѣчь. По-

рученіе было выполнено, какъ подобало придворному оратору. Петрарка говорилъ на текстъ изъ псалма, примѣшивая къ схоластическому толкованію цитаты изъ классиковъ. Вся его рѣчь была проникнута безцеремонною лестью побѣдителямъ: у Петрарки хватило духа упрекать народъ въ вѣроломствѣ и неблагодарности къ Висконти, мнимыми благодѣяніями которыхъ онъ будто бы долго пользовался, и восхвалять великое милосердіе тиранна. Еще съ большею рѣзкостью проявляется макіавеллизмъ Петрарки въ письмѣ къ Буссолари.

Монахъ августинецъ Джакопо Буссолари былъ однимъ изъ представителей того теченія, которое въ концѣ XV вѣка создало Саванароллу. Онъ былъ посланъ своимъ начальствомъ проповѣдовать на время поста въ Павію. Обладая увлекательнымъ и страстнымъ краснорѣчіемъ, Буссолари безпощадно громилъ пороки высшихъ слоевъ общества и въ особенности представителей фамиліи Беккаріа, тогдашнихъ тиранновъ Павіи. Беккаріа были враждебны Висконти, и Петрарка молчалъ. Висконти, занятые другими дѣ-

лами, не обратили даже особеннаго вниманія, когда граждане, подъ предводительствомъ монаха, отбили отъ Павіи ихъ отрядъ, посланный противъ Беккаріа.

Между тѣмъ Буссолари продолжалъ громить тиранновъ вообще, и когда Беккаріа сдѣлали неудачную попытку убить проповѣдника, онъ произвелъ революцію и выгналъ тиранновъ. Тогда они примирились съ Висконти, и Петрарка, по ихъ приказанію, написалъ длинное писимо Буссолари (XIX, 18).

Это посланіе чрезвычайно характерно по странной смѣси искренности и лицемѣрія. Его основная мысль та, что Буссолари нарушилъ миръ, величайшее благо для государства, и такимъ образомъ причинилъ зло родинѣ. Это та точка зрѣнія, которая опредѣляла всю политическую дѣятельность Петрарки; но онъ сознательно искажаетъ побужденія монаха и старательно умалчиваетъ объ интересахъ Висконти, не пытается даже убѣдить противника, что миланскіе тиранны— истинные представители мира. Петрарка скрываетъ дѣйствительнаго иниціатора письма и отъ

своего имени упрекает Буссолари, что онъ, «не заботясь о совѣсти» и «удовлетворяясь славою пустого краснорѣчія», навлекает бѣды на родину. «Еслибы ты не умѣлъ или не могъ говорить, не страдала бы и не скорбѣла бы Италія. Итакъ, въ языкѣ твоемъ заключается корень общественнаго бѣдствія, и еслибы ты любилъ Бога, ближняго, родину, то тебѣ слѣдовало бы, откусивши языкъ зубами, выбросить его вонъ, чтобъ онъ лучше принесъ пользу воронамъ и собакамъ, чѣмъ вредилъ людямъ». Петрарка былъ другомъ Буссолари и не могъ не знать его характера и не понимать его стремленій; поэтому его обвиненія являются злобною публицистическою гиперболой, которая хорошо обрисовываетъ политическіе пріемы предшественника Макіавелли.

Несмотря на все усердіе, съ которымъ Висконти продолжали дѣло своего могущественнаго предшественника, ихъ власть потерпѣла значительный ущербъ. Двѣ значительныхъ области, Болонья и Генуя, отпали; тиранны Сѣверной Италіи, встревоженные усиленіемъ Висконти, образовали противъ нихъ лигу. Мечты Петрарки объ

итальянскомъ національномъ королѣ исчезали все болѣе и болѣе.

Въ начатомъ въ это время сочиненіи *De remediis* замѣтно обнаруживается пессимистическій взглядъ на общественную дѣятельность вообще и въ особенности на политическіе порядки Италіи и на ея будущее. Лѣтомъ 1361 г. въ Миланѣ появилась чума, и Петрарка навсегда оставилъ этотъ городъ.

Неудача Висконти нанесла третій по счету и самый сильный ударъ политическимъ надеждамъ Петрарки. Имъ овладѣло настоящее отчаяніе за родину и глубокое разочарованіе въ своей дѣятельности, и онъ рѣшился не только бросить политику, но и оставить Италію. «Я сытъ по горло этими итальянскими дѣлами,—говоритъ онъ въ одномъ изъ старческихъ писемъ (Senil. I, 1).— Мнѣ наскучили непрерывные перевороты въ Италіи и я хотѣлъ бы быть внѣ ея какъ можно скорѣе»,—говоритъ онъ въ другомъ письмѣ, относящемся къ этому же времени (Senil. I, 3). Но тогдашнее положеніе дѣлъ помѣшало ему исполнить это намѣреніе. Сначала направился онъ во

Францію, но всѣ пути были заняты вооруженными шайками; затѣмъ онъ порѣшилъ принять предложеніе Карла IV и переселиться въ Прагу, но дороги оказались непроѣздными по той же причинѣ. Тогда онъ поселился въ Венеціи, гдѣ было, по крайней мѣрѣ, спокойно, и предался исключительно научнымъ и литературнымъ занятіямъ, снова отклонивши еще разъ предложенное ему мѣсто папскаго секретаря. Но политическій интересъ, несмотря на всѣ разочарованія, все еще сохранялся въ Петраркѣ. Когда Венеція пригласила противъ возмутившихся кандіотовъ извѣстнаго кондотьера Люккино дель Верме, Петрарка посвятилъ ему очень ученый трактатъ *Объ обязанности и добродѣтеляхъ полководца*, гдѣ онъ предлагаетъ ему разные полезные совѣты, вычитанные у древнихъ авторовъ. Къ этому же времени относится наиболѣе ревностная агитація его за возвращеніе въ Римъ папскаго престола. Въ послѣдніе годы жизни Петрарка еще разъ послужилъ своимъ перомъ тиранну. Это былъ властитель Падуи, Франческо ди Каррара. Купивши себѣ виллу въ его владѣніяхъ, Петрарка былъ

лично заинтересованъ въ ихъ благосостоянiи. Между тѣмъ, Каррара велъ войну съ Венецiей, во время которой дача Петрарки не разъ подвергалась большой опасности; поэтому онъ охотно принялъ миссiю сопровождать сына тиранна въ Венецiю и пустить въ ходъ все свое краснорѣчiе, чтобы вымолить миръ у могущественной республики. Ему же посвятилъ Петрарка обширный трактатъ *О наилучшемъ управленiи государствомъ* (Sen. XIV, I), написанный имъ за годъ до смерти.

Это произведенiе можетъ быть названо политическимъ духовнымъ завѣщанiемъ перваго публициста. Несмотря на то, что въ немъ очень много говорится о добродѣтели, что по временамъ оно переходитъ въ моральную проповѣдь, авторъ, въ сущности, проводитъ ту же точку зрѣнiя, которую впослѣдствiи обстоятельно развилъ со второстепенными поправками Макiавелли. Самый тонъ письма вполнѣ подходитъ къ прежнему придворному Висконти. Франческо ди Каррара былъ одинъ изъ самыхъ обыкновенныхъ тиранновъ, а Петрарка называетъ его «образцомъ

государей» и увѣряетъ, что «онъ слышалъ своими ушами, какъ сосѣдніе народы громкимъ голосомъ выражали желаніе находиться подъ его властью и завидовали его подданнымъ», потому что граждане подъ его управленіемъ были «свободны и безопасны». Превознося далѣе всякую политическую дѣятельность и по преимуществу управленіе государствомъ, Петрарка совѣтуетъ государю, прежде всего, пріобрѣсти популярность. Любовь болѣе прочная основа власти, чѣмъ страхъ, и чтобы пріобрѣсти ее, нужно относиться къ подданнымъ какъ къ дѣтямъ. Но при ближайшемъ разсмотрѣніи этого вопроса оказывается, что, несмотря на пространныя разсужденія о важности и прелести взаимной любви между государемъ и подданными, она имѣетъ весьма ограниченное значеніе. Въ сущности Петрарка былъ весьма близокъ къ Макіавелли, который утверждалъ, что государь долженъ больше полагаться на страхъ, чѣмъ на любовь подданыхъ, и долженъ воздерживаться только отъ ненужныхъ жестокостей. То же самое говорилъ и Петрарка. Любить государя должны только хорошіе

граждане, а дурные, т.-е. недовольные, должны бояться. Только тѣ граждане, по его мнѣнію, должны «видѣть въ государѣ самаго любимаго отца, у которыхъ на сердцѣ миръ и спокойствіе родины»; по отношенію къ другимъ позволительны всякія средства. «Отложи въ сторону,—пишетъ Петрарка,—оружіе солдатъ, стражу, барабаны и трубы и пользуйся всѣмъ этимъ только противъ непріятеля: для твоихъ гражданъ достаточно любви». «А подъ именемъ гражданъ я разумѣю тѣхъ,—продолжаетъ онъ,—которымъ дорого сохраненіе государства, а не тѣхъ, которые ежедневно дѣлаютъ попытки произвести переворотъ и измѣнить его судьбы; это, по моему мнѣнію, не граждане, а на нихъ слѣдуетъ смотрѣть какъ на бунтовщиковъ и общественныхъ враговъ». Другими словами, Петрарка рекомендуетъ не наводить страха на союзника, что и Макіавелли называлъ безсмысленною жестокостью.

Затѣмъ онъ переходитъ къ средствамъ для пріобрѣтенія популярности и требуетъ, прежде всего, справедливости и милосердія, причемъ такъ усиленно предостерегаетъ отъ «излишней снисхо-

дительности и необдуманной слабости», что весь совѣтъ сводится къ шаблонной, въ такихъ случаяхъ, фразѣ. Важнымъ пособіемъ для достиженія этой цѣли Петрарка считаетъ благодѣянія, и его аргументація при этомъ отличается совершенно утилитарнымъ характеромъ. «Если нельзя оказывать благодѣянія каждому въ отдѣльности,— говоритъ онъ,—покажи себя благодѣтельнымъ правителемъ. *Рѣдко бываетъ, чтобы кто-нибудь питалъ любовь къ тому, кто не подаетъ надежды на личное или общественное благодѣяніе*». Ради достиженія такой любви, Петрарка рекомендуетъ далѣе цѣлый рядъ улучшеній, въ которыхъ особенно нуждалась тогдашняя Падуя: реставрація храмовъ и стѣнъ, исправленіе городскихъ улицъ и осушеніе болотъ. Характерно для эпохи, что, аргументируя необходимость всѣхъ этихъ мѣръ, Петрарка часто и охотно становится на точку зрѣнія личнаго комфорта и эстетическихъ требованій. Его возмущаетъ, что, проѣзжая по грязнымъ и неровнымъ улицамъ, «дьявольскія» телѣги нарушаютъ «покой обывателей» и «мѣшаютъ мысли, направленной на что-нибудь доброе». Съ

величайшимъ негодованіемъ и весьма обстоятельно доказываетъ онъ далѣе необходимость запретить жителямъ выпускать на улицу свиней. Онъ припоминаетъ для этого древности Падуи, ея святыни, говоритъ, что свиньи скандализируютъ иностранцевъ, пугаютъ лошадей, которыя сбрасываютъ всадниковъ, и требуетъ наказаній для тѣхъ, кто «обращаетъ въ свинятникъ благороднѣйшую Падую». Петрарка указываетъ и средства для производства всѣхъ этихъ работъ: расходы нужно отнести на счетъ городской коммуны и «такимъ образомъ, безъ новыхъ налоговъ, безъ ущерба для казны и безъ личныхъ издержекъ, можно сдѣлать все, что нужно». Онъ понимаетъ, что такое отношеніе къ городскимъ средствамъ можетъ повести къ злоупотребленію со стороны правителя и сочувственно разсказываетъ, какъ Августъ на смертномъ одрѣ послалъ свой отчетъ сенату. Петрарка готовъ признать, что «въ этомъ заключается исполненіе личнаго долга, пренебрегать которымъ нельзя безъ оскорбленія добродѣтели». «Но какая же важность въ томъ,—продолжаетъ онъ,—что ты не долженъ

отдавать отчета другому, если тебѣ приходится отдавать его себѣ самому и своей совѣсти, угрызенія которой дѣлаютъ твою жизнь печальной и несчастной?»

Весьма важнымъ дѣломъ для правителя является, по мнѣнію Петрарки, экономическое удовлетвореніе массъ. «Довольство народа,— пишетъ онъ,—зависитъ не столько отъ положенія людей, сколько отъ удовлетворенія ихъ физическихъ потребностей: отъ этого происходитъ не только общественное довольство, но и спокойствіе правителей». Въ силу этого, онъ рекомендуетъ особенную осторожность при введеніи новыхъ налоговъ. Государь долженъ постараться убѣдить народъ въ необходимости новой подати, показать, что онъ налагаетъ ее «противъ воли» и «съ болью въ сердцѣ», и дать «что-нибудь отъ себя», показать, такимъ образомъ, что, стоя во главѣ народа, онъ «признаетъ себя его частью». Петрарка считаетъ нужнымъ также предостеречь государя отъ излишняго обремененія народа податными тягостями. Это не только опасно, но и неблагоразумно: сосредоточеніе въ однѣхъ ру-

кахъ массы богатства развиваетъ въ государѣ гибельную для него скупость и, кромѣ того, богатства остаются инертною массой, тогда какъ, расходуясь частными лицами, они становятся полезными для государства. «Кто не видитъ,—спрашиваетъ Петрарка,—что богатство народовъ есть богатство государей?»—и этимъ вопросомъ обнаруживаетъ гораздо болѣе глубокій взглядъ на государство, чѣмъ Макіавелли, державшійся противоположной точки зрѣнія на этотъ предметъ.

Далѣе Петрарка предостерегаетъ государей отъ различныхъ пороковъ—жадности, скупости, излишней жестокости, неблагодарности, побуждаетъ ихъ къ добродѣтели, къ дружбѣ, къ скромности и показываетъ, что̀ есть истинное смиреніе. Въ этой части своего трактата онъ является моралистомъ, а не политикомъ, и даетъ такіе совѣты государю, исполненіе которыхъ возвыситъ его личность, не вредя положенію. Но въ концѣ трактата онъ становится еще разъ на чисто-политическую точку зрѣнія. Онъ требуетъ, чтобы государь никогда не поручалъ управленія

государствомъ своимъ приближеннымъ. Въ этомъ проявилась ненависть къ знати, общая у него съ Макіавелли, хотя и не особенно рѣзко, потому что дворянство въ Падуѣ не представляло значительной политической силы. Онъ требуетъ также, чтобы благородные не пользовались привилегіями, и весьма осторожно рекомендуетъ не особенно стѣсняться ихъ имуществомъ. «Благодѣтельствуй наиболѣе бѣднымъ,—пишетъ онъ,— и не только изъ своего имущества, но также показывай себя щедрымъ для нихъ въ тѣхъ средствахъ, которыя ты безъ несправедливости можешь взять у богатыхъ». Въ заключеніе Петрарка ставитъ правителю,—правда, почти мимоходомъ,—новую задачу, которой не знало средневѣковое государство: заботу о наукѣ. Онъ требуетъ покровительства ученымъ всѣхъ спеціальностей, потому что они доставляютъ пользу государству и славу государю, но не доказываетъ, въ чемъ заключается ихъ государственная польза, а просто ссылается на примѣръ древнихъ. Наконецъ, Петраркѣ не совершенно чужда идея о воспитательной задачѣ государства, только тог-

дашнее положеніе дѣлъ не позволяло и мечтать о ея скоромъ исполненіи. «У меня было намѣреніе,—пишетъ онъ,—здѣсь въ концѣ письма посовѣтовать тебѣ исправить нравы народа; но считая теперь это дѣломъ невозможнымъ, видя, что для его исполненія всегда тщетно прилагалась сила законовъ и царей, я оставляю эту мысль».

Таковы были политическія воззрѣнія перваго публициста новой исторіи. Петрарка былъ настоящимъ предшественникомъ Макіавелли. Онъ неуклонно держался дѣйствительности, старался быть практичнымъ, отказывался отъ самыхъ задушевныхъ мечтаній, чтобы добиться осуществленія того, что было необходимо и что казалось возможнымъ. Онъ любилъ свободу и служилъ деспотизму, чтобъ избавиться отъ анархіи; онъ цѣнилъ людей по ихъ нравственному уровню и отказывался отъ эстетической точки зрѣнія по отношенію къ государямъ, потому что думалъ достигнуть такимъ путемъ бóльшаго блага, общаго блага. Въ этомъ положеніи было много трагизма. Петрарка любилъ родину, видѣлъ ея

бѣдствія, понималъ, что старыя силы отжили свой вѣкъ, и тщательно искалъ новыхъ въ современной средѣ. Самою жизненною изъ этихъ послѣднихъ была тираннія; но она отталкивала жестокимъ деспотизмомъ и звѣрскими пороками, и Петрарка не сразу вступилъ съ нею въ союзъ. Апостолъ индивидуализма слишкомъ высоко ставилъ могущество отдѣльной личности; отсюда его пылкія надежды на Кола ди Ріенцо и на Карла IV. Только горькія разочарованія привели его ко двору Висконти и заставили пожертвовать многимъ, что было дорого, но и эти жертвы не привели ни къ чему. Политическая дѣятельность Петрарки закончилась полною неудачей, тѣмъ не менѣе она имѣетъ историческое значеніе. Петрарка былъ первымъ представителемъ практической политики, ему принадлежитъ первая попытка создать искусство управленія путемъ раціональнаго пользованія наличными силами даннаго времени. Макіавелли былъ только его продолжателемъ, который талантомъ, смѣлостью и систематичностью затмилъ своего предшественника. Еще важнѣе значеніе Петрарки, какъ пуб-

циста. Вмѣстѣ съ нимъ, въ историческую жизнь одитъ новый факторъ, невѣдомый предшествующему періоду. Петрарка былъ первымъ выразиемъ только-что народившагося свѣтскаго обственнаго мнѣнія, той идеальной силы, могущество которой съ каждымъ годомъ возрастаетъ цивилизованной Европѣ.

Первая гуманистка.

Культурная работа личности всегда преслѣдовала и всегда будетъ преслѣдовать двѣ цѣли: во-первыхъ, подчинить себѣ природу, заставить служить своимъ интересамъ стихійныя силы и, во-вторыхъ, добиться наилучшаго положенія въ обществѣ, доставить себѣ возможность наиболѣе широкаго развитія лучшихъ свойствъ своей природы, наиболѣе полнаго удовлетворенія своихъ законныхъ потребностей, насколько позволяетъ это справедливость, т.-е насколько личное стремленіе не мѣшаетъ таковымъ же стремленіямъ другихъ лицъ. Оба направленія этой культурной работы во многихъ отношеніяхъ представляютъ значительное сходство. Въ борьбѣ съ природой человѣкъ безсиленъ произвести даже самое незначительное количество новой матеріи, не въ состояніи

создать никакой силы. Вся его дѣятельность въ этой сферѣ сводится только къ комбинаціи существующихъ элементовъ, только къ умѣнью воспользоваться наличными силами природы. И въ общественной средѣ человѣку приходится въ огромномъ большинствѣ случаевъ имѣть дѣло уже съ прочно сложившимися формами и съ готовыми силами. Чтобы добиться успѣшныхъ результатовъ, и здѣсь необходимо умѣнье пользоваться общественными теченіями, умѣнье комбинировать съ ними индивидуальныя цѣли. Далѣе, въ обоихъ направленіяхъ, прежде всего, необходимо знаніе среды, пониманіе сравнительной силы отдѣльныхъ ея факторовъ; наконецъ, во всякой борьбѣ приходится преодолѣвать людскія суевѣрія, предразсудки, косность. Но борьба за права личности съ сложившимися общественными формами и установившимися общественными воззрѣніями представляетъ гораздо болѣе трудностей, чѣмъ борьба съ природой. Прежде всего, изученіе среды въ первомъ случаѣ несравненно труднѣе, чѣмъ во второмъ, какъ въ этомъ легко убѣдиться простымъ сравненіемъ современнаго состоянія такъ-

называемыхъ нравственныхъ и политическихъ наукъ, съ одной стороны, и естественныхъ—съ другой. Кромѣ того, чтобы подчинить себѣ стихіи, достаточно познать неизмѣнные законы, ими управляющіе, и для борьбы съ природой человѣкъ легко находитъ себѣ союзниковъ, такъ какъ общія выгоды отъ побѣды надъ ней понятны для огромнаго большинства. При иныхъ условіяхъ происходитъ борьба за права въ обществѣ. Всякія попытки личности расширить свои права и возвысить свое положеніе нарушаютъ сложившіяся отношенія, затрогиваютъ интересы правящихъ классовъ или сословій, — интересы, освященные иногда религіей и всегда обычаемъ и закономъ. Конечно, и у новаторовъ есть естественные союзники, но они дѣйствуютъ не дружно, разъединенно; болѣе того, очень часто обездоленные апатично переносятъ свою участь и даже поддерживаютъ привилегированныхъ, потому что новыя потребности, составляющія основное побужденіе къ расширенію правъ, появляются не у всѣхъ одновременно. Поэтому главною задачей новаторовъ является доказательство *правоты* ихъ стрем-

леній и требованій, фактическое и наглядное подтвержденіе законности расширенія ихъ правъ, а главнымъ средствомъ для этой цѣли—общественныя заслуги въ той или другой формѣ. Такого рода доказательства подрываютъ нравственную основу привилегій и такимъ путемъ сразу достигаютъ двухъ цѣлей: поднимаютъ самосознаніе обездоленныхъ и убѣждаютъ привилегированныхъ въ необходимости уступокъ. Но въ обычное спокойное время борьба за права идетъ съ крайне медленнымъ успѣхомъ; гораздо успѣшнѣе дѣйствуютъ новаторы, когда въ обществѣ возникаютъ сильныя движенія и когда борцы за право, понявъ ихъ важность, сумѣютъ примкнуть къ нимъ и занять тамъ видное мѣсто. Наоборотъ, пропустивъ моментъ и оставшись за флагомъ или даже вступивши въ борьбу съ жизненнымъ движеніемъ, личность и цѣлый классъ затирается имъ и часто утрачиваетъ то, что было пріобрѣтено раньше. Поэтому для стремящейся впередъ личности понять смыслъ новаго движенія и стать въ уровень съ его вождями — задача огромной важности, и такую задачу въ XV вѣкѣ блиста-

тельно разрѣшила итальянская женщина. Она поняла важность такъ называемаго Ренесанса и завоевала въ немъ видную роль для себя, несмотря на новизну дѣла и на цѣлую массу стоявшихъ у нея на пути преградъ и затрудненій.

I.

Движеніе, извѣстное подъ именемъ гуманизма или Возрожденія, имѣло чрезвычайно важныя послѣдствія. Оно не только освободило культуру отъ оковъ, наложенныхъ на нее средневѣковымъ католицизмомъ, но создало новый общественный классъ—свѣтскую интеллигенцію—и предоставило въ его распоряженіе новую силу—общественное мнѣніе. Понятно поэтому, какую колоссальную важность имѣлъ для женщины вопросъ объ участіи въ этомъ движеніи. Удастся женщинѣ проникнуть въ ряды гуманистовъ, и она можетъ войти въ составъ свѣтской интеллигенціи, ея голосъ сдѣлается однимъ изъ факторовъ общественнаго мнѣнія. Если же она осталась бы внѣ движенія, то это должно было надолго за-

крѣпить ея униженное положеніе въ семьѣ и въ обществѣ, какъ существа низшаго и несовершеннаго. Въ силу этого итальянская женщина переживала въ началѣ гуманистической эпохи критическое положеніе, и этотъ кризисъ, повидимому, разрѣшался не въ ея пользу. Дѣло въ томъ, что первые гуманисты, Петрарка и Боккаччіо, отнеслись къ ней далеко не дружелюбно. Поэтъ Лауры, столь нѣжно воспѣвавшій свою возлюбленную не только при ея жизни, но и послѣ смерти, относился къ женщинѣ съ враждой заскорузлаго средневѣкового монаха. По его мнѣнію, въ большинствѣ женщинъ обитаетъ настоящій дьяволъ; поэтому женщина—врагъ мира, источникъ всяческаго зла, и истинное спокойствіе возможно только для того, кто можетъ безъ нея обходиться. Въ сущности, тѣхъ же самыхъ воззрѣній держался и Боккаччіо. Правда, въ своихъ итальянскихъ произведеніяхъ, написанныхъ въ молодости, онъ является страстнымъ поклонникомъ женщинъ, и позже онъ посвятилъ имъ цѣлый латинскій трактатъ. Но и въ это время Боккаччіо очень не высокаго мнѣнія о предметѣ

своихъ симпатій: онъ любитъ женщину со всѣми ея слабостями, недостатками и пороками, о которыхъ не забываетъ ни на минуту. Въ *Декамеронѣ* женщины обнаруживаютъ много ловкости, хитрости, остроумія, находчивости, но всѣ эти свойства служатъ имъ только для достиженія грѣховныхъ цѣлей, составляютъ проявленіе испорченности ихъ духовной природы, и Боккаччіо часто влагаетъ въ уста своихъ героинь признаніе ихъ собственныхъ несовершенствъ—упрямства, малодушія, несамостоятельности, трусливости и т. д. По мнѣнію автора *Декамерона*, женщина всегда нуждается въ мужской опекѣ, и одна изъ собесѣдницъ въ его разсказахъ весьма грубо опредѣляетъ это необходимое, по ея мнѣнію, руководство: «Есть у мужчинъ такая поговорка,—говоритъ она: — доброму коню и лѣнивому коню надо погонялку, хорошей женщинѣ и дурной женщинѣ надо палку... Всѣ женщины по природѣ слабы и наклонны къ паденію, потому для исравленія злостности тѣхъ изъ нихъ, которыя дозволяютъ себѣ переходить за положенныя имъ границы, требуется палка, которая бы ихъ покарала,

а чтобы поддержать добродѣтель тѣхъ, которыя не даютъ увлечь себя черезъ мѣру, необходима палка, которая бы поддержала ихъ и внушила страхъ». Подъ старость Боккаччіо относился къ женщинѣ съ настоящею злобой. Въ одномъ изъ своихъ трактатовъ онъ называетъ ее «губительнымъ зломъ», признаетъ нравственную испорченность ея врожденнымъ качествомъ и считаетъ ея униженное положеніе въ обществѣ заслуженнымъ ею актомъ бежественной справедливости *), а его старческое произведеніе *Corbaccio* принадлежитъ къ числу наиболѣе злобныхъ пасквилей на женщину, какіе только встрѣчаются въ литературѣ.

Такое отношеніе къ женщинѣ со стороны первыхъ гуманистовъ съ перваго взгляда представляется совершенно неожиданнымъ. Поклонники

---

*) Blandum et extiale malum mulier, paucis ad salutem, ante cognitum, quam expertum. Hae quidem quodammodo Dei vilipenso judicio, non ad societatis gradum reassumendum, a quo suo dejectae merito sunt. Quinimo dum impium conantur, ma litiam quandam innatam, in miseros fere conjuvavere viros. De casibus virorum illustrium. Augustae Vindelicorum 1544, p. 28.

человѣческой природы, борцы за всѣ ея права впадаютъ въ полное самопротиворѣчіе въ такомъ вопросѣ, который имѣлъ огромную важность для осуществленія ихъ идеаловъ, какъ общественныхъ, такъ и индивидуальныхъ. Но это противорѣчіе объясняется тѣмъ, что патріархи гуманизма находились въ данномъ случаѣ подъ вліяніемъ двухъ традицій—античной и средневѣковой, которыя, несмотря на свою противоположность во всѣхъ отношеніяхъ, почти одинаково недружелюбно относились къ женщинѣ. Первымъ гуманистамъ было вдвойнѣ трудно отдѣлаться отъ укоренившагося предразсудка: они находили его у античныхъ писателей, которымъ поклонялись, и у представителей средневѣковаго міросозерцанія, съ которымъ не могли порвать сразу и окончательно. Греческіе философы признавали женщину существомъ низшимъ сравнительно съ мужчиной, и римскіе юристы объявили ее подъ вѣчной опекой отца или мужа, или даже сына, вслѣдствіе прирожденнаго ей легкомыслія. Раннее христіанство стремилось исправить, по крайней мѣрѣ отчасти, многовѣковую несправедливость по от-

ношенію къ женщинѣ: оно громко и торжественно признало ея человѣческое достоинство, ея равенство съ мужчиной съ религіозной точки зрѣнія. Апостолъ Павелъ авторитетно провозгласилъ, что между мужчиной и женщиной передъ Богомъ точно такъ же нѣтъ никакой разницы, какъ нѣтъ ея между грекомъ и евреемъ, между рабомъ и свободнымъ, и всѣ отцы церкви единогласно учатъ, что и женщина создана по образу и подобію Божію, и что Іисусъ Христосъ искупилъ своею смертію не однихъ мужчинъ, но также и женщинъ. Въ силу такого воззрѣнія на духовную природу женщины, христіанство признало ея права, какъ жены и матери, и такимъ образомъ возвысило ея положеніе въ семьѣ. Мужъ долженъ былъ отказаться отъ взгляда на жену, какъ на вещь, которую нѣкогда можно было продать, подарить и даже предоставить кому-нибудь по завѣщанію, и въ чисто-семейныхъ отношеніяхъ долженъ былъ признать за собою тѣ же обязанности, какія лежали на женѣ. Мать была признана естественною воспитательницей своихъ дѣтей и получила такія же права надъ ними,

какія принадлежали отцу. Но далѣе признанія за женщиной правъ жены и матери христіанство не пошло: античная традиція была слишкомъ сильна, и церковные писатели не сдѣлали дальнѣйшихъ выводовъ изъ религіознаго равенства женщины, такъ что она осталась по-прежнему безусловно подчиненной мужу въ предѣлахъ предоставленной ему власти, по-прежнему была устранена отъ всякой общественной дѣятельности, кромѣ благотворительности. Позже съ развитіемъ средневѣкового аскетизма, исконно-христіанскій взглядъ на женщину замѣнился злобною враждой противъ нея. Средневѣковые аскеты, особенно наиболѣе искренніе, страстно ненавидѣли женщину по двумъ причинамъ: во-первыхъ, они считали ее виновницей изгнанія изъ рая, для возвращенія котораго имъ приходилось приносить самую тяжелую для человѣка жертву — отказываться отъ міра со всѣми его наслажденіями; во-вторыхъ, они видѣли въ ней главную силу, которая, привлекая человѣка къ міру, болѣе всего препятствуетъ ему уйти въ пустыню или скрыться за стѣнами монастыря и мысль о которой чаще

всего смущаетъ душу благочестиваго отшельника. Напрасно блаж. Іеронимъ доказывалъ, что, въ грѣхопаденіи Адамъ гораздо виновнѣе Евы, такъ какъ нашу праматерь соблазнилъ дьяволъ, могучій духъ зла, превосходящій человѣка своими силами, тогда какъ Адамъ не устоялъ противъ искушенія со стороны слабой женщины. Въ средніе вѣка изъ этого библейскаго разсказа сдѣлали противоположный выводъ: женщина съ самаго начала своего существованія была наиболѣе сильнымъ орудіемъ дьявола и съ тѣхъ поръ всегда играла эту гибельную для человѣка роль, и это доказывалось многочисленными примѣрами изъ повседневной жизни. Если женщина ввела въ тяжкій грѣхъ св. пророка Давида, заставивъ его погубить невиннаго человѣка, если женщина обезсилила могучаго Самсона и выдала его филистимлянамъ, то какъ же устоять противъ ея губительныхъ чаръ слабому отшельнику? Желаніе свалить свою вину на другого—одна изъ наиболѣе распространенныхъ человѣческихъ слабостей, и неистовые аскеты мстили за свои и чужія неудачи вполнѣ осуществить свой суровый идеалъ

ничѣмъ неповинной женщинѣ, осыпая ее въ своихъ сочиненіяхъ всевозможною бранью.

При такомъ положеніи дѣла первымъ гуманистамъ весьма трудно было освободиться отъ печальныхъ предубѣжденій противъ женщины. Они стремились примирить христіанство съ тѣми сторонами языческаго міросозерцанія, которыя имъ были симпатичны, но разумѣли подъ истиннымъ христіанствомъ ту его форму, какая была выработана средневѣковымъ католицизмомъ. Еслибы Петрарка и Боккаччіо обратились въ этомъ вопросѣ къ евангельскому и апостольскому ученію, они нашли бы тамъ болѣе гуманный взглядъ на женщину, который болѣе соотвѣтствовалъ бы ихъ гуманистическимъ стремленіямъ, чѣмъ закоренѣлый языческій предразсудокъ и несправедливая и противоестественная злоба разлагавшагося средневѣкового монашества. Но представители итальянскаго Возрожденія не имѣли въ достаточномъ количествѣ религіознаго одушевленія и религіозныхъ интересовъ, чтобы провѣрить церковные взгляды на основаніи источниковъ христіанской истины. Поэтому ранніе гуманисты или

чисто-внѣшнимъ образомъ прилаживали средневѣковой католицизмъ къ симпатичнымъ имъ воззрѣніямъ античнаго міра, или строили свое міросозерцаніе на основаніи своихъ индивидуальныхъ потребностей, игнорируя всякіе авторитеты и стремясь отрѣшиться отъ всякихъ традицій. Это послѣднее критическое направленіе побудило послѣдователей Петрарки и Боккаччіо пересмотрѣть вопросъ объ индивидуальныхъ свойствахъ и общественной роли женщины, и они пришли къ другому, болѣе справедливому, его рѣшенію. Но это случилось не вдругъ и не безъ активнаго участія со стороны самой женщины.

II.

Въ основѣ гуманистическихъ стремленій лежало глубокое убѣжденіе въ высокомъ достоинствѣ человѣческой природы и въ признаніи за отдѣльною личностью полнаго права на всестороннее развитіе всѣхъ свойствъ, данныхъ ей природою, и на широкое удовлетвореніе всѣхъ ея потребностей. Отсюда вытекало требованіе,

во-первыхъ, не только духовнаго, но и физическаго развитія въ школѣ; во-вторыхъ, безграничной свободы и полной независимости въ интеллектуальной дѣятельности человѣка, т.-е. въ наукѣ, искусствѣ, въ литературѣ, въ философіи; въ-третьихъ, права на высокое мѣсто въ обществѣ для умственно-развитой личности, независимо отъ происхожденія, состоянія и другихъ случайностей. По воззрѣнію гуманистовъ, личность имѣетъ широкія права, но ея положеніе въ обществѣ должно зависѣть исключительно отъ ея индивидуальнаго развитія. Такой взглядъ открывалъ женщинѣ широкіе горизонты, подавалъ ей блестящія надежды, но для этого ей нужно было добиться признанія, что и ея духовный міръ обладаетъ всѣми достоинствами человѣческой природы. Что женщина способна къ развитію, что она можетъ достигать даже до высоты «мужского духа» и обладать «выдающимся талантомъ», это признавалъ самъ Боккаччіо. Изъ своего трактата *О знаменитыхъ женщинахъ* онъ сознательно исключаетъ христіанскихъ праведницъ, потому что онѣ достигли совершен-

ства, главнымъ образомъ, при помощи благодати Божіей, и останавливается только на тѣхъ, которыя обязаны были за свою славу преимущественно своимъ личнымъ способностямъ. Но эти женскія знаменитости, по мнѣнію автора *Декамерона,* представляютъ собою крайне рѣдкое исключеніе, которое тѣмъ болѣе для него странно и изумительно, что въ женщину «самою природой вложена изнѣженность и ей даны слабое тѣло и косный духъ», какъ это не разъ утверждается въ трактатѣ. Итальянской женщинѣ эпохи Возрожденія предстояло на дѣлѣ доказать, что, вопреки мнѣнію Боккаччіо, общечеловѣческая способность къ развитію составляетъ не исключеніе, а неотъемлемое свойство ея природы, а мнимая косность ея ума—закоренѣлый предразсудокъ. Это была задача очень трудная и совсѣмъ новая; тѣмъ не менѣе женщины смѣло приступили къ ея рѣшенію и удачно преодолѣли всѣ трудности.

Нельзя сказать, чтобы участіе женщины во всемірно-историческихъ движеніяхъ было неслыханнымъ дѣломъ до XV вѣка. Правда, античный

міръ сравнительно очень бѣденъ женскими именами, но въ одномъ изъ величайшихъ и глубочайшихъ переворотовъ, какіе знаетъ всемірная исторія, въ торжествѣ христіанства надъ классическимъ и варварскимъ язычествомъ, женщина сыграла очень крупную роль. Она рано постигла все могущество евангельскаго ученія, крѣпко полюбила новую религію, самоотверженно служила ей при жизни и охотно шла изъ-за нея на смерть. Глубоко убѣжденная въ спасительности Христовой вѣры, она неутомимо проповѣдовала вездѣ, гдѣ могла, и, прежде всего, въ семьѣ, напрягая всѣ силы могучей любви, чтобы доставить блаженство на небѣ тѣмъ, кто на землѣ былъ для нея всего дороже,—дѣтямъ, мужу, родителямъ. Но Христосъ былъ для нея безконечно выше всѣхъ земныхъ привязанностей, и она умѣла воспитывать въ своихъ дѣтяхъ способность умирать за то, что считала великою истиной и высочайшею правдой. Исторія признала важную роль женщины въ распространеніи христіанства, легенда и поэзія окружили блестящимъ ореоломъ ея самоотверженіе, и чтобы оцѣ-

нить ея значеніе, какъ христіанской воспитательницы, достаточно назвать имена св. Моники, матери блаж. Августина, или св. Анѳусы, матери Іоанна Златоуста; чтобъ иллюстрировать важность ея семейнаго вліянія, достаточно припомнить роль Берты въ крещеніи англо-саксовъ или Клотильды въ обращеніи франковъ. Не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, что исторія распространенія христіанства съ несомнѣнною ясностью доказала, что женщина одною стороной своей духовной природы—силой чувства, способностью глубоко вѣровать и безгранично любить идеальный объектъ вѣры, если не превосходитъ мужчину, то нисколько и не уступаетъ ему. Но для столь же благотворнаго участія въ гуманистическомъ движеніи были необходимы другія свойства. Для гуманистовъ на первомъ планѣ стояло умственное развитіе, знаніе, наука, главнымъ источникомъ которой для того времени служила греко-римская литература. Чтобы принять участіе въ религіозномъ движеніи, женщинѣ необходимо было извѣстное нравственное развитіе, которое дѣлало бы ее способной полюбить высокую

евангельскую мораль; чтобы участвовать въ Ренесансѣ, ей было нужно умственное развитіе, которое дало бы ей возможность понять античныхъ писателей и подняться до высшаго уровня тогдашняго просвѣщенія. Чтобы сдѣлаться образцовою христіанкой, женщинѣ достаточно было любить и вѣровать; чтобы стать гуманисткой, ей было необходимо учиться и такимъ путемъ доказать высокія достоинства своего ума, какъ въ начальной исторіи христіанства доказала она превосходство своего сердца. Итальянская женщина XV вѣка не испугалась этой новой задачи.

Съ самаго начала гуманистическаго движенія въ разныхъ мѣстахъ Италіи образуются кружки, въ которыхъ ведутся ученыя или богословскія бесѣды, и въ этихъ кружкахъ мало-по-малу выступаютъ женщины, но пока еще очень тихо и незамѣтно. Такъ, флорентійскій монахъ-гуманистъ Луиджи Марсильи устраивалъ въ своей кельѣ, въ монастырѣ св. Духа, философскія и теологическія собесѣдованія и допускалъ на нихъ женщинъ, хотя нѣкоторые изъ его друзей видѣли въ этомъ оскорбленіе науки. Въ другомъ

кружкѣ, собиравшемся въ виллѣ Антоніо Альберти, около Флоренціи, женщины принимали активное участіе въ бесѣдахъ и даже одерживали побѣды въ спорахъ. Такою побѣдительницей оказалась однажды красавица Ко̀за въ спорѣ о томъ, отецъ или мать болѣе любитъ своего сына, и ея разсужденія вызвали весьма характерное восклицаніе одного изъ собесѣдниковъ, извѣстнаго юриста и ученаго въ средневѣковомъ духѣ, Бьяджіо Пелакани: «Клянусь Богоматерью,—сказалъ онъ,—я никогда не повѣрилъ бы, что флорентійскія женщины такъ свѣдущи въ естественной и нравственной философіи и такъ искусны въ логикѣ и риторикѣ». Средневѣковой предразсудокъ начиналъ понемногу падать, и становилось яснымъ, что для его окончательнаго уничтоженія женщинѣ, прежде всего, необходимо было научное образованіе. Его характеръ подвергался въ это время существенной реформѣ, руководителями которой были гуманисты; къ нимъ и обратилась женщина за указаніями и руководствомъ, и одинъ изъ представителей ранняго Ренесанса, Леонардо Бруни, написалъ цѣ-

лый трактатъ, представляющій собою первую программу женскаго образованія въ новомъ духѣ *). Трактатъ Бруни требуетъ для женщины основательнаго и многосторонняго образованія. Женщины той эпохи въ огромномъ большинствѣ совсѣмъ безграмотны или въ лучшемъ случаѣ полуграмотны, и авторъ настаиваетъ, чтобы, прежде всего, элементарное образованіе было поставлено на твердую почву: женщина должна хорошо читать и красиво писать и не только на родномъ языкѣ, но и на древнихъ. Знаніе латинскаго языка признается необходимымъ, такъ какъ древняя литература была тогда единственнымъ хранилищемъ науки; но недостаточно понимать по-латыни, нужно умѣть писать на этомъ языкѣ, и писать изящно. Бруни признаетъ за женщиной способность къ активной научной и литературной дѣятельности, но требуетъ отъ нея, прежде всего, изящнаго стиля, который долженъ быть выработанъ на лучшихъ образцахъ классической литературы. Усвоивши форму,

---

*) *Leonardus Aretinus:* „De studiis et litteris". Parisiis 1642.

женщина должна перейти къ изученію содержанія древнихъ писателей, и Бруни подробно выясняетъ, какую пользу для своего умственнаго и нравственнаго развитія извлечетъ она изъ исторіи, философіи, богословія, математики и поэзіи. Такимъ образомъ, въ началѣ XV вѣкѣ, когда была составлена эта программа, лучшіе люди признали за женщиной право на общечеловѣческое образованіе, хотя еще съ нѣкоторыми оговорками. Такъ, гуманисты очень высоко цѣнили ораторское искусство, но Бруни не рекомендуетъ его женщинѣ: «Какъ войны и битвы,—говоритъ онъ,—такъ и политическіе вопросы и споры—мужское дѣло». Кромѣ того, взглядъ Бруни на духовную равноправность женщины еще далеко не былъ общепринятымъ мнѣніемъ среди гуманистовъ. Правда, монашеская злоба и классическое пренебреженіе къ женщинѣ падали съ каждымъ поколѣніемъ; но страстные ученые, не желавшіе стѣснять себя семейными заботами, старательно отыскивали и выставляли на видъ недостатки женской натуры, чтобъ оправдать свое безбрачіе и навербовать себѣ единомышлен-

никовъ. Они старались доказать, что прочная любовь къ женщинѣ доставляетъ одни безпокойства и невзгоды, что гораздо выше ея дружба и что равноправнымъ и достойнымъ другомъ для всесторонне и высокообразованнаго человѣка можетъ быть только мужчина. Но итальянская женщина сумѣла опровергнуть и эти обвиненія. Рѣшительно и самоотверженно принявшись за самообразованіе въ гуманистическомъ духѣ, она пошла дальше, чѣмъ ей совѣтовали осторожные друзья, какъ Бруни, и доказала своимъ противникамъ, что она можетъ не только понимать и цѣнить высокія стремленія образованнаго мужчины, но и быть его равноправнымъ и равносильнымъ другомъ. Единственнымъ оружіемъ женщины въ этой побѣдоносной борьбѣ за свое человѣческое достоинство было научное образованіе.

III.

Раннее участіе женщинъ въ гуманистическихъ кружкахъ, обращеніе ихъ къ гуманистамъ за совѣтомъ и руководствомъ показываютъ, что, не-

смотря на всѣ неблагопріятныя условія, женщина инстинктивно угадала огромную важность для себя гуманистическаго движенія еще въ XIV вѣкѣ, т.-е. при самомъ его началѣ. Тѣмъ не менѣе, первая настоящая гуманистка появилась только въ половинѣ XV вѣка. Это была Изотта Ногарола. Правда, женскія имена встрѣчаются и раньше въ исторіи Возрожденія, но то были или меценатки, сами не осилившія элементовъ гуманистическаго образованія, или случайныя гости въ наукѣ и литературѣ, не успѣвшія добиться замѣтныхъ результатовъ, первыя ласточки, которыя весны не дѣлали, а являлись только ея провозвѣстницами. Изотта отдала наукѣ всѣ свои силы, посвятила ей всю свою жизнь и, благодаря этому, вошла равноправнымъ членомъ въ среду гуманистовъ, впервые на дѣлѣ доказала способность женщины принять активное участіе въ новомъ движеніи.

Изотта родилась въ Веронѣ около 1418 года, происходила изъ старинной дворянской фамиліи графовъ Ногарола, предки которыхъ пришли въ Италію въ свитѣ Карла Великаго и навсегда тамъ поселились. Будущая гуманистка росла въ огром-

ной семьѣ: у нея было 4 брата и 5 сестеръ. Ея отецъ, графъ Леонардо, умеръ рано, и воспитаніемъ, по крайней мѣрѣ, четырехъ младшихъ сестеръ, завѣдывала исключительно мать Бьянка, происходившая изъ фамиліи Борромео въ Веронѣ. Мать Изотты была безграмотна или, по крайней мѣрѣ, полуграмотна, такъ какъ писать она не умѣла; тѣмъ не менѣе, дочерямъ она дала гуманистическое образованіе. Чѣмъ объясняется такое новаторство безграмотной графини, въ точности сказать трудно; можетъ-быть, ею руководилъ правильный инстинктъ чуткой къ общественному настроенію женщины, можетъ-быть, Бьянка предчувствовала наступающую моду, можетъ-быть, здѣсь дѣйствовали даже семейныя традиціи. Въ фамиліи Ногарола и раньше встрѣчались ученыя женщины. Еще въ началѣ XIV вѣка Антонія Ногарола, вышедшая замужъ за родственника герцога Мантуанскаго, славилась въ Веронѣ, а потомъ въ Мантуѣ, не только своею красотой, но и образованіемъ. Тетка Изотты, Анджола, жившая въ концѣ XIV вѣка, получила образованіе въ гуманистическомъ духѣ и написала нѣ-

сколько стихотвореній на латинскомъ языкѣ и обширную латинскую поэму *О добродѣтеляхъ*, въ которой при средневѣковомъ содержаніи чувствуется вѣяніе новаго времени. Какъ бы то ни было, Бьянка пригласила домашнимъ учителемъ къ своимъ дочерямъ мѣстнаго гуманиста, нѣкоего Мартина Риццони (Rizzonius), и его уроки оказались особенно плодотворными для ея третей дочери Джиневры *) и для четвертой—Изотты.

Сестры получили разностороннее образованіе. «Своими гибкими руками онѣ извлекали изъ арфы сладкіе звуки,—пишетъ о нихъ одинъ гуманистъ своему другу,—онѣ исполняли художественные танцы и пѣли по-истинѣ ангельскими голосами». Но съ особенною любовью относились онѣ къ научному образованію, которое почерпали тогда изъ классическихъ писателей. «Такъ велико наслажденіе и удовольствіе отъ этихъ занятій,—говоритъ въ одномъ письмѣ Изотта,—что трудно

*) Точное произношеніе имени старшей сестры Изотты не установлено; по-латыни она называется то Junipera то Zenevera.

оторвать отъ нихъ мысль« (I, 168) *). «Страсть къ познанію и наукѣ,—пишетъ она по другому адресу,—увлекаетъ насъ всѣхъ, и отличиться въ этой области мы считаемъ прекраснымъ дѣломъ, а заблуждаться, погрѣшать, не знать, обманываться—признаемъ дѣломъ дурнымъ и постыднымъ» (I, 50). Совершенно остественно, что при такомъ настроеніи сестры быстро сдѣлали огромные успѣхи въ гуманистической наукѣ, изучили языческихъ и христіанскихъ классиковъ, — словомъ, сдѣлались настоящими гуманистками. Чтобы принять участіе въ движеніи, оставалось только завязать сношенія съ его вождями и добиться съ ихъ стороны признанія. Главнымъ и наиболѣе удобнымъ средствомъ для этого служила переписка, и сестры начали составлять ученыя посланія къ знаменитымъ гуманистамъ.

Едва ли когда-либо въ исторіи письма частныхъ

---

*) Я цитирую въ текстѣ исключительно: *Isotae Nogarolae Veronensis Opera quae supersunt omnia. Accedunt Angelae et Zeneverae Nogarolae Fpistolae et carmina. Collegit Alexander comes Apponyi, edidit et praefatus est Eugenius Abel*. V. I—II. Vindobonae, 1886.

людей играли такую своеобразную и важную роль, какъ въ эпоху Возрожденія. Ихъ обычная цѣль — сообщеніе авторомъ письма частныхъ свѣдѣній и личныхъ дѣлъ адресату—имѣла весьма второстепенное значеніе. Письма предназначались не для отдѣльнаго лица, а для публики. Адресъ былъ или пустою формальностью, или писался только для того, чтобы доставить извѣстность адресату, если письмо было написано крупнымъ писателемъ, или для того, чтобы возбудить большую любознательность въ постороннемъ читателѣ. Знаменитые гуманисты, какъ Петрарка, прямо писали письма безъ адреса, и славолюбивые меценаты и литераторы добивались письма отъ знаменитости, потому что оно находило много читателей и прославляло имя адресата. Частное письмо было публичнымъ произведеніемъ; его отправитель часто сразу разсылалъ его въ нѣсколькихъ экземплярахъ въ разныя мѣста, не обращая вниманія на адресъ, его получатель старался доставить ему широкое распространеніе, и письма переходили изъ рукъ въ руки, ихъ переписывали, собирали въ одинъ кодексъ какъ сами

авторы, такъ и читатели. Такое значеніе частная переписка пріобрѣла вслѣдствіе того, что гуманисты воспользовались ею, какъ готовою формой, для новыхъ потребностей. Народился новый, неизвѣстный среднимъ вѣкамъ классъ свѣтской интеллигенціи, которая со страстнымъ интересомъ относилась къ окружающей дѣйствительности и пламенно желала сказать свое слово по всѣмъ теоретическимъ и практическимъ вопросамъ, интересовавшимъ современное общество. Нарождалось свѣтское общественное мнѣніе, которое искало органа для своего выраженія, и такимъ органомъ служила переписка. Являлась ли у гуманиста оригинальная философская или моральная мысль, онъ спѣшилъ опубликовать ее въ письмѣ по какому-нибудь адресу; желалъ ли онъ расположить общество въ пользу какого-нибуть политическаго предпріятія или государственнаго дѣятеля, онъ прибѣгалъ къ тому же средству. Частное письмо являлось то критическимъ разборомъ литературнаго произведенія, то серьезною статьей по научному вопросу, то разоблаченіемъ продѣлокъ папской куріи, то политическимъ памф-

летомъ противъ враговъ св. престола,—словомъ, частная переписка замѣняла для той эпохи нашу журналистику со всѣми ея свѣтлыми и темными сторонами. Это была могучая сила, которую уважали честные люди и которой боялись даже безсовѣстные тиранны, и нѣкоторые знаменитые представители Возрожденія предпочитали эту форму литературной дѣятельности всякой другой, а нѣкоторые только ею и ограничивались. Вслѣдствіе такой роли частныхъ писемъ къ нимъ предъявлялись особенныя требованія. Въ эпоху развившихся эстетическихъ вкусовъ, которая создала блестящую плеяду величайшихъ художниковъ въ архитектурѣ, пластикѣ и живописи, и отъ письма требовали, прежде всего, изящной формы въ чисто-классическомъ стилѣ. Кромѣ того, письмо должно было удовлетворять и другому требованію: оно должно обнаруживать хорошее знакомство автора съ античною литературой. Долговременное воспитаніе подъ ферулой средневѣковой церкви не осталось безъ вліянія и на первые шаги свободной мысли. Гуманисты, сбросивши съ себя церковную опеку, старались санкціонировать свои

идеи и стремленія другимъ, болѣе подходящимъ для нихъ авторитетомъ и находили его въ писателяхъ древности. Поэтому цитата изъ греческаго или латинскаго классика сдѣлалась необходимою принадлежностью всякаго гуманистическаго произведенія, включая сюда и переписку. Для начинающаго гуманиста составленіе изящнаго и ученаго письма служило вступленіемъ въ литературную дѣятельность; съ такого «открытаго» письма начали свое служеніе гуманизму и сестры Ногарола, послѣ того, какъ выработали свой стиль на лучшихъ представителяхъ латинской прозы и пріобрѣли достаточное знакомство съ содержаніемъ классическихъ писателей. Оно было адресовано знаменитому венеціанскому гуманисту Франческо Барбаро, съ которымъ лично не были знакомы начинающія писательницы.

Адресъ былъ выбранъ не случайно, но довольно неудачно. Верона находилась тогда подъ властію Венеціи и стояла съ нею въ тѣсныхъ культурныхъ сношеніяхъ. Поэтому было совершенно естественно обратиться къ Барбаро, который, какъ писатель и въ особенности какъ богатый и

вліятельный патрицій, имѣлъ обширныя связи съ гуманистами. Но ранніе дѣятели Возрожденія изъ венеціанской знати составляли крайнюю правую движенія, интересовались больше его внѣшнею стороной—изученіемъ древности—и побаивались его политическихъ идей и моральныхъ воззрѣній. Письмо женщинъ-гуманистокъ показалось, вѣроятно, Барбаро нежелательнымъ новшествомъ, и онъ оставилъ его безъ отвѣта. Эта неудача не отбила энергіи у сестеръ Ногарола, тѣмъ болѣе, что онѣ встрѣтили сочувствіе и поддержку со стороны одного второстепеннаго гуманиста, Джіоржіо Бевилаква, автора историческаго сочиненія о войнѣ между Венеціей и Миланомъ. Бевилаква былъ хорошо знакомъ съ семьей Ногарола, и мать Изотты попросила его ознакомиться съ занятіями дочерей и оказать имъ содѣйствіе. Гуманистъ пришелъ въ восторгъ отъ успѣховъ дѣвушекъ и въ цѣломъ рядѣ писемъ самымъ восторженнымъ тономъ прославлялъ ихъ таланты. «Я не зналъ женскаго генія,—говоритъ онъ въ одномъ изъ нихъ,—пока не зналъ васъ, ученѣйшія дѣвушки, питомицы Вергилія и многихъ музъ» (I, 14), и

горько жалуется въ другомъ письмѣ, что поздно познакомился съ сестрами, утѣшаясь только тѣмъ, что, по крайней мѣрѣ, на склонѣ лѣтъ узналъ дѣвушекъ, которыя «вызвали въ его памяти самихъ музъ» (I, 19—21). Сестры воспользовались такимъ сочувствіемъ гуманиста, чтобы завязать съ нимъ переписку, и Бевилаква до небесъ превозноситъ ихъ письма за необычайное изящество стиля и ученость содержанія. Мало-по-малу юныя гуманистки пріобрѣтали извѣстность и за предѣлами родной Вероны. Ихъ переписка, а въ особенности письма къ Барбаро, читались въ разныхъ городахъ Италіи, и Бевилаква доводилъ объ этомъ до свѣдѣнія публики. Такъ, въ олномъ письмѣ къ сестрамъ онъ описываетъ слѣдующую характерную сцену, имѣвшую мѣсто въ Болоньѣ: «Однажды случайно я вышелъ на весьма красивую площадь, противъ сооруженной папою церкви,— разсказываетъ Бевилаква.—Сюда стекаются люди всякаго сорта и собираются здѣсь не столько купцы, сколько студенты, ученые, дворяне и придворные нашего господина. Я увидалъ тамъ нѣсколько весьма хорошихъ студентовъ моей спе-

ціальности (Бевилаква былъ юристъ) и, желая послушать ихъ разговоры, примкнулъ къ ихъ кружку. Рѣчь шла о наиболѣе краснорѣчивыхъ людяхъ, которыми преимущественно теперь процвѣтаетъ Италія, и каждый по своему выбору оцѣнивалъ того или другаго изъ нихъ. Бесѣда тянулась уже весьма долго, какъ вдругъ рѣчь прервалъ одинъ изъ студентовъ, родомъ изъ Калабріи, которая нѣкогда называлась Великою Греціей: «Что вы упоминаете только о мужчинахъ?—сказалъ онъ.—Я читалъ нѣкоторыя письма двухъ веронскихъ дѣвушекъ къ патрицію Франческо Барбаро, и эти дѣвушки обнаруживаютъ въ нихъ такое искусство, что въ ихъ письмахъ не только можно созерцать образъ краснорѣчивѣйшихъ людей, но, кажется даже, какъ будто бы онѣ уже въ лонѣ матери развили въ себѣ изящество рѣчи». Тогда я,—продолжаетъ Бевилаква,—восхищаясь его словами, началъ смотрѣть ему въ лицо и знаками выражать сочувствіе его мнѣнію, какъ будто бы рѣчь шла обо мнѣ самомъ. Онъ спросилъ меня, справедливы ли его слова, и я, желая, если-бы было можно, повсюду пре-

возносить васъ заслуженными похвалами и достойно вознаграждать благодарностью ваши неусыпные труды, не только подтвердилъ его мнѣніе, но разсказалъ о серьезности вашего характера, о вашемъ самообладаніи, о безпорочности вашей жизни, о вашихъ божественныхъ способностяхъ, объ удивительномъ прилежаніи, о вашемъ геніи, о блескѣ вашего стиля и идей, которыми сіяетъ всякая ваша рѣчь. Тогда всѣ начали васъ восхвалять, говорили, что вы съ ранняго дѣтства вскормлены не женскимъ молокомъ, а кастальскою водой» (I, 26–9).

Бевилаква былъ, по выраженію гуманистовъ, настоящею «трубой славы» веронскихъ дѣвушекъ; но его голосъ былъ не достаточно громокъ, а сестры Ногарола желали большей извѣстности. Чтобы расширить гуманистическія связи, онѣ адресовали два письма сыну тогдашняго венеціанскаго дожа Джакомо Фоскари, который въ молодости изучалъ древнюю литературу подъ руководствомъ Барбаро. Оба письма были написаны на одну тему: восхваляли научныя занятія, причемъ въ доказательство важности науки приведенъ былъ об-

ширный научный аппаратъ, заимствованный изъ классическихъ писателей. Письма понравились Фоскари, и онъ отправилъ ихъ своему другу, знаменитому гуманисту Гуарино, что имѣло весьма важное вліяніе на карьеру веронскихъ дѣвушекъ. Гуарино, тогда уже 66-ти лѣтній старикъ, былъ настоящимъ патріархомъ сѣверо-итальянскаго гуманизма. Педагогъ по профессіи, онъ создалъ цѣлую плеяду гуманистовъ, и его ученики принадлежали къ самымъ разнообразнымъ слоямъ тогдашняго общества. Какъ глубокій знатокъ латинскаго и греческаго языковъ и литературы, какъ тонкій цѣнитель стиля, Гуарино пользовался всеобщимъ уваженіемъ и непререкаемымъ авторитетомъ во всей Италіи, и къ его отзывамъ прислушивались всѣ гуманисты *). И этотъ-то тонкій судья гуманистической переписки пришелъ въ восхищеніе отъ доставленныхъ ему писемъ Ногарола. Прежде всего онъ въ самомъ восторженномъ тонѣ написалъ отвѣтъ Фоскари, гдѣ до небесъ превозносилъ стиль и содержаніе писемъ ве-

*) О Гуарино см. мою книгу *Ранній итальянскій гуманизмъ*, стр. 921 и слѣд.

ронскихъ дѣвушекъ, а самихъ ихъ называлъ лучшимъ украшеніемъ своего города и своего времени, а затѣмъ переслалъ письма своему бывшему ученику, властителю Феррары Ліонелло д'Эсте, снабдивъ ихъ самымъ лестнымъ отзывомъ (I, 54—64). Это былъ очень крупный успѣхъ, для довершенія котораго Ногарола нужно было завести переписку съ самимъ Гуарино или, по крайней мѣрѣ, получить непосредственно отъ него одобреніе своей литературной дѣятельности. Особенно старалась объ этомъ Изотта, такъ какъ Джиневра отличалась меньшею преданностью наукѣ и, выйдя вскорѣ замужъ, совершенно оставила прежнія занятія. Но это не уменьшило энергіи младшей сестры, и она адресовала Гуарино длинное письмо, представляющее собой искусный и ученый панегирикъ знаменитому гуманисту. Отвѣта не послѣдовало, и это повергло Изотту въ крайнее уныніе. Дѣло въ томъ, что ея попытки выступить на учено-литературное поприще вызвали много недоброжелателей, а ея первые успѣхи возбудили зависть. Дѣвушка-гуманистка была еще явленіемъ необычнымъ, и надъ ея стремленіями

насмѣхались не только мужчины, но и женщины. «Надо мной смѣются по всему городу,—говоритъ она во второмъ письмѣ къ Гуарино,—нашъ женскій полъ издѣвается надо мной, у меня нигдѣ нѣтъ прочнаго убѣжища: ослы кусаютъ меня зубами, быки бодаютъ рогами». Изоттѣ кажется даже, что самъ старый гуманистъ на смѣхъ осыпалъ ее похвалами и изъ презрѣнія къ ней не отвѣтилъ на ея первое письмо. «При моихъ частыхъ размышленіяхъ о женщинахъ,—пишетъ она ему,—у меня является желаніе жаловаться на мою судьбу за то, что я родилась женщиной, надъ которой словами и дѣломъ издѣваются мужчины». Но Изотта гонитъ отъ себя эту отчаянную мысль, называетъ ее простою догадкой и съ глубокою грустью проситъ Гуарино отвѣтить на ея письмо и этимъ «доставить ей великую честь и зажать тѣ преступныя уста, которыя обвиняютъ ее въ величайшей дерзости и готовы изгнать ее на край земли» (I, 77—82). Гуарино отвѣтилъ на этотъ разъ длиннымъ и дружественнымъ письмомъ, въ которомъ, извиняя свое молчаніе массой семейныхъ заботъ и хлопотъ, осыпаетъ похвалами

Изотту, рѣзко порицаетъ ея противниковъ и защищаетъ право женщины заниматься наукой и литературой. «Вспомни,—утѣшаетъ онъ дѣвушку,—что сами музы были женщины, а онѣ наставляютъ, учатъ, прославляютъ великихъ людей и божественныхъ поэтовъ» (I, 88).

Письма Гуарино имѣли чрезвычайно важное значеніе: они не только упрочили гуманистическую репутацію Изотты, но и значительно расширили ея извѣстность. Съ этихъ поръ имя Изотты постоянно фигурируетъ въ гуманистической перепискѣ и всегда произносится съ уваженіемъ и похвалами. Лично не знакомые съ нею гуманисты, и даже весьма крупные, какъ Лауро Квирино или Андреа Контраріо, адресуютъ ей хвалебныя посланія. Изотта быстро становится настоящею знаменитостью. Одинъ сицилійскій гуманистъ (Антоніо Кассаріо), только-что вернувшись изъ Византіи въ Венецію, повсюду въ кружкахъ слышитъ разговоры объ Изоттѣ, немедленно добываетъ копіи ея писемъ и, ознакомившись съ ихъ содержаніемъ, отправляетъ ей восторженное письмо. Другой (Damiano Burgo), прежде чѣмъ

выпустить свое историческое сочиненіе, въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ проситъ Изотту просмотрѣть и исправить его трудъ. Юные ученики Гуарино и гуманистическая молодежь вообще относятся къ ней съ настоящимъ благоговѣніемъ и также добиваются отъ нея письма, какъ нѣкогда сама она добивалась отъ Барбаро или Гуарино. «Я часто пытался писать вамъ, удивительныя дѣвушки, —обращается одинъ юноша къ обѣимъ сестрамъ, — но широкая извѣстность и какое-то величіе вашего имени удерживали меня отъ этого» (I, 121—122). Если Изотта удостоивала кого-нибудь изъ нихъ отвѣтомъ, то это приводило ихъ въ настоящій восторгъ, и до насъ дошелъ цѣлый рядъ латинскихъ стихотвореній, посвященныхъ веронской гуманисткѣ. Такимъ образомъ Изоттѣ удалось протиснуться въ ряды гуманистовъ, и въ весьма важной отрасли ихъ литературной дѣятельности она добилась шумнаго успѣха. Но первая гуманистка не желала ораничиться одною перепиской и показала свои силы въ другомъ родѣ гуманистическихъ произведеній: она написала и произнесла нѣсколько рѣчей.

IV.

На ряду съ перепиской въ гуманистической литературѣ видное мѣсто занимали ораторскія произведенія. Леонардо Бруни въ своей программѣ женскаго образованія не давалъ мѣста краснорѣчію, такъ какъ для женщины недоступна политическая и юридическая дѣятельность. Но и мужчинамъ этой эпохи не приходилось произносить рѣчей въ политическихъ собраніяхъ за отсутствіемъ этихъ послѣднихъ. Еще въ XIV столѣтіи въ большей части итальянскихъ городовъ республиканская форма правленія замѣнилась тиранническимъ деспотизмомъ, который не оставлялъ мѣста для политическаго краснорѣчія. Точно также судебныя рѣчи гуманистовъ большая рѣдкость, такъ какъ дѣятели Возрожденія почти совсѣмъ не занимались современною имъ юриспруденціей и очень мало унтересовались правомъ вообще. Тѣмъ не менѣе, ораторское искусство составляло существенную сторону гуманистическаго образованія, цѣнилось очень высоко, и гуманисты находили много случаевъ обнаружить

свое любимое мастерство. Уже Петрарку прикомандировывали къ дипломатическимъ миссіямъ для подкрѣпленія ихъ краснорѣчіемъ, и съ этихъ поръ входитъ въ обычай отправлять вмѣстѣ съ послами оратора и отвѣчать на его рѣчь при аудіенціи такою же рѣчью, причемъ превосходство того или другого произведенія считалось уже дипломатическою побѣдой. Позже гуманистическое краснорѣчіе проникло въ университеты: рѣчи произносились при открытіи учебныхъ занятій, при полученіи ученой степени, при посѣщеніи знатнаго лица, и чѣмъ шире и глубже распространялось движеніе, тѣмъ болѣе приложеній находило ораторское искусство. Безъ гуманистической рѣчи не обходилось ни одно торжество въ богатой и знатной семьѣ: на крестины, на свадьбу, нз похороны всегда приглашали оратора. Даже церковь была захвачена общимъ увлеченіемъ: на торжественные праздники приглашали гуманиста, и церковную проповѣдь замѣняла иногда рѣчь въ античномъ духѣ. По содержанію эти ораторскія произведенія имѣютъ много общаго съ перепиской, только форма играла здѣсь

еще болѣе значительную роль. Чаще всего рѣчи гуманистовъ—ученые этюды по древней исторіи или по классической археологіи; иногда ораторъ развиваетъ какую-нибудь философскую тему, иногда доказываетъ важность той или другой науки, иногда излагаетъ свой взглядъ на бракъ, на жизнь, на смерть, иногда, наконецъ, касается какого-нибуль политическаго вопроса. Словомъ, въ содержаніи рѣчей допускалось чрезвычайное разнообразіе, и отъ оратора неизмѣнно требовалась только изящная форма. Умѣнье произносить краснорѣчивыя рѣчи цѣнилось такъ высоко, что названіе „ораторъ" гуманисты считали чрезвычайно почетнымъ титуломъ.

Какъ истая гуманистка, Изотта высоко ставитъ ораторское искусство. „Что выше краснорѣчія, которое у всякаго свободнаго народа, во всякомъ развитомъ государствѣ всегда пользовалось величайшимъ почетомъ?—говоритъ она въ одномъ изъ раннихъ писемъ.—Оно—спутникъ міра, товарищъ досуга, какъ бы питомецъ благоустроеннаго государства. Отъ него происгекаютъ почести, популярность государей; отъ него зависитъ

положеніе общественныхъ дѣлъ“ (I, 8—9). Совершенно естественно, что веронская гуманистка желала выступить и сама ораторомъ, но впервые исполнила это желаніе только тогда, когда ей было уже за тридцать лѣтъ и когда она пріобрѣла извѣстность своею перепиской. 1450 годъ былъ юбилейнымъ, когда въ Римъ стекалась со всѣхъ концовъ католическаго міра масса богомольцевъ, такъ какъ всякій, посѣтившій во время юбилея священный городъ, получалъ отпущеніе грѣховъ. На поклоненіе ап. Петру отправилась также и Изотта и тамъ передъ папой и его блестящею свитой произнесла свою первую рѣчь. Выступленіе въ качествѣ оратора дѣвушки являлось смѣлымъ и желаннымъ новшествомъ, которое было огромнымъ успѣхомъ не только для самой гуманистки, но и для ея единомышленницъ и послѣдовательницъ. Самая рѣчь до насъ не дошла; мы не знаемъ и повода, по которому она была сказана; по всей вѣроятности, гуманистъ Николай V, занимавшій тогда папскій престолъ, самъ изъявилъ желаніе послушать уже извѣстную писательницу. Какъ бы то ни было, папа

и его свита, по свидѣтельству современника, пришли въ восторгъ отъ краснорѣчія Изотты, и ихъ сочувствіе поощрило ее на дальнѣйшіе опыты въ ораторскомъ искусствѣ. Три года спустя, когда въ Верону прибылъ назначенный туда епископомъ извѣстный гуманистъ Эрмолао Барбаро, она обратилась къ нему съ рѣчью, которая, впрочемъ, повидимому, не была произнесена, а была доставлена епископу въ видѣ посланія. Гораздо важнѣе и характернѣе тотъ фактъ, что въ слѣдующемъ году Изотта, по приглашенію одного духовнаго лица, произнесла передъ многочисленною публикой обширную рѣчь въ честь бл. Іеронима, по всей вѣроятности, на праздникѣ этого святого. Но особенно важно послѣднее ораторское произведеніе веронской гуманистки. Въ 1459 году въ Мантуѣ засѣдалъ соборъ, на которомъ присутствовалъ папа Пій II. На соборѣ обсуждался вопросъ о походѣ противъ турокъ, и Изотта обратилась къ папѣ съ длинною рѣчью въ защиту этого предпріятія. Лично гуманистка не могла отправиться въ Мантую, и ея рѣчь была прочитана другимъ лицомъ. Тѣмъ не менѣе,

краснорѣчіе и ученость Изотты произвели такое впечатлѣніе, что кардиналъ Виссаріонъ, одинъ изъ самыхъ знаменитыхъ и самыхъ вліятельныхъ гуманистовъ, рѣшилъ лично отправиться въ Верону, чтобы познакомиться съ знаменитою дѣвушкой. Исполнивши это намѣреніе, кардиналъ вынесъ изъ бесѣдъ съ ней убѣжденіе, что веронская гуманистка — существо исключительное, обладающее скорѣе божескими, чѣмъ человѣческими свойствами. И такъ, стремленія первой гуманистки увѣнчались ошеломляющимъ успѣхомъ. Тѣмъ не менѣе, Изотта не получила полнаго удовлетворенія, не добилась того душевнаго равновѣсія, которое составляетъ существенный элементъ истиннаго счастья. Причины этой неудачи заключались отчасти въ ея личномъ характерѣ, отчасти во внѣшнихъ условіяхъ ея жизни, отчасти въ самыхъ свойствахъ того движенія, въ которомъ она принимала такое ревностное участіе.

V.

Внѣшняя жизнь Изотты не богата событіями, но домашняго горя у первой гуманистки было

достаточно. Прежде всего, ея ближайшій другъ и товарищъ по занятіямъ, сестра Джиневра, не была счастлива въ замужествѣ. Прошло только два года послѣ ея свадьбы, и одинъ общій другъ обѣихъ сестеръ пишетъ Изоттѣ, что горе и болѣзни измѣнили Джиневру до неузнаваемости, что отъ ея красоты, „передъ которой блѣднѣли блестящія небесныя свѣтила“, не осталось никакихъ слѣдовъ и что вообще прежнюю красавицу можно узнать только по голосу (I, 262—263). Позже начались семейные раздоры, отъ которыхъ пришлось пострадать и самой Изоттѣ. Ея братья поссорились между собою при дѣлежѣ отцовскаго наслѣдства и единодушно лишили его мать и сестру. Вмѣшательство друзей не принесло пользы, и одинъ изъ нихъ, важный венеціанскій сановникъ и гуманистъ, Лудовико Фоскарини, убѣждаетъ Изотту примирить братьевъ во что бы то ни стало. Напоминая объ умиротворяющемъ дѣйствіи сабинянокъ въ древнемъ Римѣ, онъ надѣется на успѣхъ Изотты, а если ея старанія останутся безъ результата, то пусть лучше она сама откажется отъ наслѣдства и не доводитъ

дѣла до суда. Иначе отцовское достоянiе достанется адвокатамъ, а враги Изотты, въ особенности же ея завистницы, воспользуются процессомъ, чтобъ очернить ея доброе имя. „Многiя и серьезныя женщины,—пишетъ наблюдательный венецiанскiй сановникъ, — имѣютъ обыкновенiе сурово судить въ чужихъ дѣлахъ, а тѣ, которыя похуже, обыкновенно оцѣниваютъ чужiе поступки на основанiи своихъ пороковъ. Избѣгай не только того, за что открыто можно упрекать тебя, но и того также, что можно о тебѣ подумать тайно. Бойся сплетенъ, потому что нѣтъ ничего столь податливаго, хрупкаго и неустойчиваго, какъ мнѣнiе толпы“ (II, 72—83). Но эти внѣшнiя невзгоды все же имѣли временный характеръ: Джиневра приладилась къ своей судьбѣ, и семейная распря улеглась. Гораздо глубже и болѣзненнѣе дѣйствовалъ на первую гуманистку внутреннiй, душевный разладъ, который красною нитью проходитъ черезъ всю ея жизнь.

Изотта сильно привязалась къ научнымъ занятiямъ, только въ нихъ думала она найти личное счастье и ради нихъ отказалась отъ замужества.

Обладая красивою наружностью, принадлежа къ знатной и богатой семьѣ, пріобрѣтя въ ранней юности громкую извѣстность учеными занятіями, Изотта, подобно всѣмъ своимъ сестрамъ, легко могла выбрать себѣ мужа по сердцу; и есть основаніе предполагать, что она испытала сильное чувство, преодолѣть которое стоило ей много труда. Тѣмъ не менѣе, первая гуманистка сочла необходимымъ отказаться отъ семейнаго счастья и сдѣлала это не во имя религіи, не въ силу необходимости, а вполнѣ добровольно и исключительно ради науки. Но эта крупная жертва не была вознаграждена тѣмъ истиннымъ и глубокимъ счастьемъ, какое доставляетъ активная научная работа. Изоттѣ было вполнѣ доступно только то наслажденіе, которое даетъ пріобрѣтеніе знаній, усвоеніе идей и выводовъ, добытыхъ ранними изслѣдователями; но другая сторона научнаго труда, которая глубже захватываетъ человѣка и даетъ ему болѣе полное удовлетвореніе, ученое творчество въ добываніи новыхъ истинъ и страстное, неудержимое желаніе провести ихъ въ общественное сознаніе,—такая научно-лите-

ратурная продуктивность сравнительно слабо проявляется въ произведеніяхъ Изотты. Въ ея письмахъ и рѣчахъ форма почти всегда господствуетъ надъ содержаніемъ. Правда, до извѣстной степени первая гуманистка раздѣляетъ этотъ недостатокъ, порожденный эстетическою требовательностью той эпохи, съ весьма многими изъ своихъ единомышленниковъ, но у нея сравнительная бѣдность содержанія обусловливается и другими причинами. Прежде всего, глубинѣ натуры Изотты и ея способностямъ къ воспріятію знанія не соотвѣтствовала творческая сила ума, но, главнымъ образомъ, ей недоставало смѣлости мысли. Этотъ недостатокъ находитъ оправданіе въ самомъ положеніи дѣвушки-гуманистки. Уже простое изученіе гуманистической науки и формальное участіе въ движеніи возбуждало въ лучшемъ случаѣ подозрительность, а то и завистливую вражду; совершенно естественно, что во всякой оригинальной мысли, во всякомъ вмѣшательствѣ въ общественныя дѣла враги найдутъ новые поводы для клеветы и насмѣшекъ. Мы видѣли, что осторожный Фоскарини съ этой точ-

ки зрѣнія особенно боялся семейнаго процесса Ногарола, и Изотта раздѣляла опасенія своего друга. Есть много указаній, что она чувствовала большой интересъ къ общественнымъ вопросамъ. Временно переселившись изъ Вероны въ Венецію, Изотта очень интересуется дѣлами родины и сосѣднихъ городовъ и упрашиваетъ одного изъ своихъ друзей какъ можно чаще и какъ можно обстоятельнѣе писать ей объ этомъ. Когда веронскій епископъ, гуманистъ Эрмолао Барбаро, возбудилъ недовольство мѣстнаго населенія, то посвятилъ свою апологію Изоттѣ, какъ вполнѣ компетентному судьѣ въ этомъ дѣлѣ. Но своихъ собственныхъ сужденій объ общественныхъ дѣлахъ первая гуманистка почти никогда не высказываетъ. Исключеніе составляетъ только упомянутая рѣчь къ папѣ Пію II, въ которой Изотта настаиваетъ на необходимости крестоваго похода противъ турокъ; но и въ этомъ случаѣ она хорошо знала, что къ походу сочувственно относился и самъ папа. Такую же осторожность обнаруживаетъ она и въ вопросахъ философіи и практической морали. Одинъ юный гуманистъ

въ письмѣ спрашивалъ ея мнѣнія о бракѣ; Изотта написала отвѣтъ, но предварительно отправила его на цензуру Фоскарини, и осторожный венеціанецъ посовѣтовалъ не отвѣчать. „Твое письмо чрезвычайно изящно и очень серьезно,— пишетъ онъ,—и еслибъ оно было написано твоею знаменитою сестрой Джиневрой, которая познала бракъ, то оно могло бы быть опубликовано со славой... Но дѣвушкѣ, по моему мнѣнію, неприлично разсуждать о бракѣ. Одна весталка была осуждена только потому, что въ ея комнатѣ нашли стихотвореніе въ похвалу браку". Фоскарини боится, что отвѣтъ, составленный Изоттой, повредитъ ея доброму имени. „Прилагай всяческую заботу и все стараніе для сохраненія своей репутаціи,— пишетъ онъ,— нѣтъ ничего лучше осторожности и заслуживаетъ всякой похвалы страхъ, который избѣгаетъ козней злыхъ демоновъ" (II, 96—100). Изотта испугалась предостереженій и не отправила своего письма. Эти трусливые совѣты черезчуръ осторожныхъ друзей, съ одной стороны, и собственная нерѣшительность—съ другой, заставили первую гуманист-

ку тщательно скрывать тѣ свои произведенія, содержаніе которыхъ казалось ей слишкомъ смѣлымъ. Тотъ же Фоскарини жалуется въ одномъ изъ писемъ, что Изотта даже ему „не показала своихъ рѣчей и писемъ, кромѣ самыхъ общеизвѣстныхъ“ (II, 124). Только по одному вопросу веронская гуманистка не только не спрашивала мнѣнія своихъ друзей, но даже вступала съ ними въ полемику. Этотъ вопросъ—духовная природа женщины и ея право на образованіе. Одинъ изъ самыхъ близкихъ знакомыхъ Изотты упрекнулъ женщинъ въ болтливости, и она адресуетъ ему по этому поводу гнѣвное письмо. Она допускаетъ, что есть болтливыя женщины, но мнѣніе, что этотъ недостатокъ составляетъ отличительное свойство женскаго пола, считаетъ оскорбительною несправедливостью. „Я никогда не повѣрила бы, что ты въ письмѣ ко мнѣ выскажешь такое мнѣніе,—говоритъ она въ своемъ отвѣтѣ,—потому что тебѣ хорошо извѣстно, какъ оно тяжело для меня, и потому еще, что ты, читая дни и ночи, хорошо знаешь, сколь многія женщины превосходили мужчинъ всякаго рода доб-

лестями и совершенствами“. Приведя затѣмъ въ доказательство справедливости своего положенія цѣлый рядъ именъ женскихъ знаменитостей древняго міра, Изотта заключаетъ письмо такимъ вопросомъ: „Зная все это, скажи мнѣ, болтливостью или краснорѣчіемъ и добродѣтелью превосходитъ женщина мужчину?“ (I, 255—257). Въ другомъ письмѣ первая гуманистка выступаетъ на защиту женскаго образованія. Продавались сочиненія Ливія, и Изоттѣ очень хотѣлось пріобрѣсти ихъ. Но тогда книги стоили дорого, а денегъ у нея было мало; поэтому она обратилась за субсидіей къ одному родственнику и мотивировала въ своемъ письмѣ важность покупки: „Весьма многіе мужчины, если они только заслуживаютъ этого названія, называютъ образованіе для женщинъ ядомъ и общественною чумой“,—пишетъ Изотта и горячо возстаетъ противъ этого предразсудка, стараясь опровергнуть его примѣрами. Припомнивши всѣ, къ сожалѣнію, весьма немногочисленныя имена ученыхъ женщинъ, включая сюда и музъ, она приходитъ къ тому выводу, что научное образованіе въ женщинѣ не только не со-

ставляетъ „источника и основанія несчастій", но что оно содѣйствуетъ ихъ добродѣтели, что научныя занятія женщины не только „не уменьшили достоинства науки", какъ думаютъ нѣкоторые, а, наоборотъ, содѣйствовали его возвышенію (I, 42—44). Но, несмотря на глубокое убѣжденіе въ правотѣ защищаемаго дѣла, несмотря на сильную любовь къ наукѣ, коренной недостатокъ первой гуманистки—отсутствіе смѣлости мысли—сказался и на этомъ вопросѣ. Рѣшительно доказывая въ письмѣ къ близкому другу, что женщины отличаются не болтливостью, а краснорѣчіемъ, въ письмахъ къ знаменитостямъ, какъ Барбаро или Гуарино, Изотта робко присоединяется къ общепринятому мнѣнію (I, 76—77). Но особенно рельефно обнаруживается эта умственная нерѣшительность на единственномъ дошедшемъ до насъ морально-философскомъ трактатѣ Изотты, точно также посвященномъ женскому вопросу.

Одно изъ самыхъ обычныхъ обвиненій, возводившихся на женщину средневѣковыми богословами, заключалось въ томъ, что она въ лицѣ пра-

матери Евы была главною виновницей потери райскаго блаженства. Опроверженію этого обвиненія и посвятила Изотта свое сочиненіе подъ заглавіемъ: *Одинаково или нѣтъ погрѣшили Адамъ и Ева* *). Трактатъ написанъ въ формѣ бесѣды автора съ Фоскарини по поводу мнѣнія бл. Августина, что прародители, несмотря на различіе пола, повинны въ одинаковомъ грѣхѣ. Съ этимъ положеніемъ несогласны оба собесѣдника. По мнѣнію Фоскарини, болѣе виновна Ева, такъ какъ она соблазнила Адама, который только изъ любви къ ней вкусилъ запрещеннаго плода; поэтому Богъ и возложилъ на нее болѣе тяжелое наказаніе. Изотта искусно отражаетъ эти обвиненія. На основаніи текстовъ доказываетъ она, что Адамъ,

---

*) Первоначально діалогъ былъ напечатанъ (*Aldo Manuzzi Veneziis* 1563) подъ такимъ заглавіемъ: *Isotae Nogarolae Veronensis Dialogus, quo, utrum Adam vel Eva magis peccaverit, Quaestio satis nota, sed non adeo explicata, continetur*. Но это позднѣйшая передѣлка Франческо Ногарола. Первоначальная редакція самой Изотты, озаглавленная: *De pari aut impari Evae atque Adae peccato dialogus*, напечатана въ ея *Opera* II, p. 185 и слѣд.

а не Ева, навлекъ кару на родъ человѣческі
противъ него были произнесены главнѣйшія осу
денія Божіи. Но самый главный аргументъ
защиту праматери былъ выбранъ Изоттой оч
неудачно. Она доказываетъ, что Ева погрѣш
не изъ гордости, не изъ желанія стать равн
Богу, но потому, что не могла устоять пер
удовольствіемъ по слабости женской приро
«А гдѣ меньше смысла и меньше твердости
говоритъ Изотта,—тамъ меньше и грѣха». Ф
скарини охотно допускаетъ, что Ева впала въ грѣ
«по невѣжеству и по отсутствію твердости»,
видитъ въ этомъ только усугубленіе ея ви
Изотта вынуждена согласиться, что невѣжес
вообще не можетъ служить оправданіемъ, но
данномъ случаѣ оно извинительно, такъ ка
вложено самою природой. Чтобы смягчить
неудачную защиту, она допускаетъ далѣе, ч
Ева желала быть равной Богу, но только не
могуществѣ, а въ знаніи добра и зла, и это ме
шій грѣхъ, чѣмъ нарушеніе заповѣди, пото
что «стремленіе къ знанію, по словамъ авто
есть нѣчто естественное, и всѣ люди желаю

знать по самой своей природѣ». Но въ дальнѣйшей аргументаціи Изотта снова защищаетъ праматерь тѣмъ, что «Адамъ животное совершенное, а Ева несовершенное и невѣжественное», и діалогъ заканчивается разсужденіемъ Фоскарини, который остается при своихъ прежнихъ воззрѣніяхъ.

Отсутствіе смѣлости мысли обнаружилось съ полною ясностью на трактатѣ Изотты. Она не только не рѣшается повторить здѣсь своихъ истинныхъ взглядовъ на женщину, какъ они выражены въ ея болѣе интимной перепискѣ, но дѣлаетъ массу уступокъ своему противнику, и эти уступки ослабляютъ силу ея аргументаціи. Робость мысли сказывается даже въ самой композиціи діалога. Трактатъ составленъ изъ переписки, причемъ Изотта, желая включить всѣ письма, и только письма, предоставила послѣднее слово своему противнику, чѣмъ ослабила свою аргументацію. Она не рѣшилась даже выпустить при обработкѣ діалога такія выраженія, которыя извинительны въ перепискѣ, но не имѣютъ смысла въ трактатѣ. Такъ первую часть аргумента-

ціи Изотта заканчиваетъ слѣдующимъ образомъ: «Я написала это, повинуясь твоему желанію, но со страхомъ, потому что это не женское дѣло; я надѣюсь, что ты по своей гуманности исправишь, если найдешь что-нибудь нелѣпое».

Эта робость мысли, столь мѣшавшая ученолитературной дѣятельности Изотты, причиняла ей большой вредъ и въ другомъ отношеніи. Почти всѣ гуманисты, особенно въ началѣ движенія, переживали внутреннюю борьбу, которая была результатомъ противорѣчія ихъ потребностей и стремленій съ традиціонными нравственными идеалами. Античные писатели, міросозерцаніе которыхъ было имъ такъ близко и родственно, были язычники, и ихъ никоимъ образомъ нельзя было примирить съ католическимъ аскетизмомъ, который отождествлялся съ христіанскою нравственностью. Попытка выработать на евангельской почвѣ новую мораль осталась проблемой, неразрѣшимой на итальянской почвѣ, и гуманисты въ общемъ распались на два лагеря. Одни, обладавшіе большею смѣлостью и независимостью мысли, просто игнорировали церковныя доктрины при

своихъ философскихъ и научныхъ занятіяхъ или даже вступали въ борьбу съ традиціоннымъ католицизмомъ за независимость философіи и за свободу науки. Другіе увлекались древностью чисто-внѣшнимъ и формальнымъ образомъ и не замѣчали ея противорѣчія съ средневѣковыми доктринами. Къ этой послѣдней категоріи принадлежали венеціанскіе друзья Изотты; но сама первая гуманистка превосходила ихъ глубиной своей натуры и уступала смѣлостью мысли остальнымъ гуманистамъ. Въ силу этого она переживала тяжелую внутреннюю борьбу и не могла найти изъ нея никакого выхода.

Внутренняя борьба Изотты началась очень рано, какъ только первая гуманистка достигла своей первой цѣли, добилась признанія отъ вождей движенія и пріобрѣла широкую извѣстность своею перепиской. Двадцати трехъ лѣтъ отъ роду Изотта почувствовала первые приступы разочарованія и неудовлетворенности любимыми занятіями. Она вдругъ прекратила переписку и предалась исключительно чтенію религіозныхъ произведеній. Краснорѣчивый проповѣдникъ аскетизма, бл.

Іеронимъ, сдѣлался ея любимымъ авторомъ, и рабочій кабинетъ гуманистки превратился въ монашескую келью: ея комната наполнилась разными священными реликвіями, картинами религіознаго содержанія, иконами, сосудами со святою водой и т. п. Но и это средневѣковое благочестіе не внесло мира въ душу ученой дѣвушки: старые интересы мѣшаютъ благочестивымъ упражненіямъ, языческіе писатели вытѣсняютъ отцовъ церкви, интересы къ жизни и пониманіе ея прелести не даютъ развиваться аскетизму. Изотта, все-таки, продолжаетъ переписку, не можетъ даже выдержать обѣта не писать въ теченіе двухъ мѣсяцевъ. Болѣе того, къ этому періоду относятся всѣ ея рѣчи, которыя были вызваны тѣми же мотивами, какъ и раннія письма, и которыя упрочили ея гуманистическую репутацію. Правда, это рѣчи религіознаго содержанія, но гуманистическая ученость успѣшно борется тамъ съ благочестивыми цитатами. Даже въ рѣчи въ честь бл. Іеронима Изотта прославляетъ этого аскета, главнымъ образомъ, за его любознательность, за отличное знаніе греческаго и латинскаго языка,

за знакомство съ языческими философами, за ученую и писательскую дѣятельность, и описаніе такихъ заслугъ занимаетъ большую часть похвальнаго слова, такъ что средневѣковой праведникъ въ изображеніи Изотты болѣе похожъ на современнаго автору гуманиста, чѣмъ на самого себя. То же само настроеніе обнаруживаетъ Изотта и въ позднѣйшихъ письмахъ. Одинъ изъ ея знакомыхъ потерялъ сына, и гуманистка, по обычаю своихъ единомышленниковъ, адресовала ему утѣшительное посланіе, въ началѣ котораго она обнаруживаетъ самое благочестивое настроеніе и обѣщаетъ говорить съ чисто-христіанской точки зрѣнія. Но это обѣщаніе позабывается въ самомъ началѣ длиннаго письма, все содержаніе котораго—поучительныя сентенціи изъ языческихъ писателей и назидательные примѣры изъ жизни древнихъ героевъ. Только на послѣдней страницѣ Изотта вспоминаетъ о своемъ благочестивомъ намѣреніи и приводитъ нѣсколько цитатъ религіознаго содержанія. Точно также не удается ей и аскетизмъ. Въ одномъ письмѣ она совѣтуетъ Фоскарини оставить общественную дѣятельность

и предаться созерцательной жизни, а немного спустя сама вмѣшивается въ общественныя дѣла, убѣждая папу предпринять крестовый походъ противъ турокъ. Затворившись въ монашеской кельѣ, Изотта отправляетъ оттуда письмо, въ которомъ такъ восхваляетъ бракъ, что вызываетъ порицаніе Фоскарини: «Я не могу одобрить твоего письма,—говоритъ онъ, — потому что твои слова не соотвѣтствуютъ твоей жизни: ты проявила презрѣніе къ браку на дѣлѣ и прославляешь его письмомъ» (II, 96).

Это постоянное внутреннее противорѣчіе, отравлявшее жизнь первой гуманистки, переживалось ею тѣмъ мучительнѣе, что она была лишена дружеской поддержки. Ея венеціанскіе друзья, внѣшнимъ образомъ затронутые общимъ движеніемъ, или совсѣмъ не понимали ея внутренней борьбы, какъ Фоскарини, или рекомендовали ей неподходящія средства. Лауро Квирино, наприм., совѣтуетъ ей для философскаго назиданія читать средневѣковыхъ знаменитостей, какъ Ѳома Аквинскій, Аверроэсъ, Авицена и друг., которые только усиливали разладъ. Но и эти друзья бы-

ли далеко и только изрѣдка писали страдавцей дѣвушкѣ. Въ Веронѣ у Изотты не было крупныхъ единомышленниковъ, такъ какъ болѣе извѣстные и талантливые гуманисты не желали оставаться въ городѣ, утратившемъ политическое значеніе, и искали себѣ карьеры въ болѣе вліятельныхъ центрахъ. Исключеніе составлялъ нѣкто Маттео Боссо, съ дѣтства близкій къ семьѣ Ногарола; но и онъ, принявъ духовный санъ, отказался видаться съ гуманисткой и въ обширномъ письмѣ изложилъ мотивы своего рѣшенія, которые должны были произвести тяжелое впечатлѣніе на Изотту. „При частыхъ свиданіяхъ гораздо менѣе можетъ повредить негодный мужчина, чѣмъ святая женщина», потому что «духовная любовь» легко можетъ получить иной характеръ,—пишетъ Боссо и напоминаетъ дѣвушкѣ слѣдующія слова ея любимаго автора, бл. Іеронима: «Нѣтъ ничего опаснѣе женщины для мужчины и мужчины для женщины; оба они солома и оба огонь». Аскетизмъ, отравившій Изоттѣ ея любимыя занятія, отнялъ у нея удовольствіе облегчить личною бесѣдой тяжелое настроеніе, и первой гу-

манисткѣ приходилось одной бороться въ своей монашеской кельѣ съ мірскими стремленіями и интересами. Это одиночество и внутренняя борьба подорвали слабый организмъ дѣвушки, а смерть матери нанесла ей новый и весьма тяжелый ударъ. Верона стала ей невыносима: она переѣхала въ Венецію; но отъ себя никуда не уйдешь, и Изотта вернулась въ родной городъ, гдѣ вскорѣ умерла, далеко не доживши до старости (въ 1466 году).

Итакъ, первая гуманистка дорого заплатила за свою смѣлую рѣшимость вполнѣ посвятить себя новой наукѣ, но это не уменьшаетъ ея исторической заслуги. Неудачи ея личной жизни, результатъ ея индивидуальныхъ особенностей и недостатковъ, не были замѣтны постороннему глазу и не могли служить устрашающимъ примѣромъ. Со стороны видны были только поразительные успѣхи научно-литературной дѣятельности Изотты, и въ этихъ успѣхахъ заключается ея историческое значеніе. Содержаніе всѣхъ ея произведеній не отличается ни глубиной, ни оригинальностью идей и воззрѣній: Изотта была

простымъ рядовымъ въ той великой арміи гуманистовъ, которая нанесла первый ударъ средневѣковому католицизму и заложила первыя основы новой культуры. Но заслуга веронской дѣвушки заключается въ томъ, что она своимъ примѣромъ доказала способность женщины принять активное участіе въ гуманистическомъ движеніи и содѣйствовала разрушенію многовѣковаго убѣжденія противъ общечеловѣческихъ свойствъ ея духовной природы. Огромный успѣхъ писемъ Изотты, которыми зачитывались вожди движенія и отъ которыхъ приходили въ восторгъ ихъ послѣдователи, имѣлъ культурно-историческую важность независимо отъ ихъ содержанія. Образъ дѣвушки, ученую рѣчь которой слушали на церковномъ праздникѣ нѣкогда заядлые враги женщинъ—монахи и самъ глава средневѣкового католицизма, римскій епископъ, окруженный прелатами,—этотъ образъ знаменовалъ наступленіе новаго фазиса въ исторіи воззрѣній на женскую природу и на роль и значеніе женщины въ обществѣ. Еще недавно представители католической церкви, тогдашніе руководители общества,

характеризуя женщину, исчерпывали весь запасъ бранныхъ словъ въ латинскомъ лексиконѣ; теперь блистательный князь церкви, кардиналъ Виссаріонъ, нарочно пріѣзжаетъ въ Верону, чтобы познакомиться съ замѣчательною дѣвушкой, а новые руководители общественнаго мнѣнія, гуманисты, едва находятъ достаточно латинскихъ словъ, чтобы характеризовать ея духовныя совершенства. Успѣхъ Изотты уменьшалъ число противниковъ женскаго образованія, вызывалъ подражаніе со стороны наиболѣе способныхъ дѣвушекъ и подкрѣплялъ ихъ въ научной работѣ. Венеція всегда отличалась консерватизмомъ, и, тѣмъ не менѣе, незнакомый Изоттѣ современникъ свидѣтельствуетъ, что въ мѣстномъ обществѣ противъ нея нѣтъ зависти и что ея ученыя занятія возбуждаютъ всеобщее сочувствіе (I, 138). Примѣръ Изотты убѣждалъ родителей въ пользѣ научнаго образованія для ихъ дочерей, и одинъ изъ нихъ, оплакивая умершую дочь, пишетъ Изоттѣ: «Я надѣялся, что по научному образованію она будетъ похожа на тебя, такъ что блескомъ таланта и авторитетомъ учености утѣшитъ

мою старость и будетъ блестящимъ образцомъ для женщинъ моего рода» (I, 208). При началѣ своей литературной дѣятельности Изотта горько жаловалась на недоброжелательность женщинъ, хотя она словомъ и на дѣлѣ краснорѣчиво доказывала высокое достоинство ихъ духовной природы. Прошло немного времени, и ея младшія современницы, усвоивъ стремленія Изотты, видятъ въ ней высокій образецъ для подражанія, считаютъ ея успѣхи залогомъ своей будущей славы. Блестящая Костанца да-Варано прозой и стихами прославляетъ веронскую гуманистку при ея жизни. Другая поэтесса, Клара Ланцаведжіа, желая достойно почтить память недавно умершей Изотты и не чувствуя въ себѣ достаточно силъ для этого, обратилась съ просьбой къ знаменитому поэту-гуманисту Маріо Филельфо, который написалъ въ честь первой гуманистки обширную латинскую поэму въ 600 стиховъ (*Liber Isottaeus*) и нѣсколько сонетовъ на итальянскомъ языкѣ.

Итакъ, историческая заслуга Изотты заключается въ томъ, что она ввела женщину въ гуманистическое движеніе и заняла для нея проч-

ное и видное мѣсто среди руководителей общественнаго мнѣнія въ эпоху Ренесанса. Въ концѣ XIV и началѣ XV вѣка Марсильи порицали, что онъ профанируетъ науку, допуская къ участію въ ученыхъ бесѣдахъ женщинъ, и удивлялись, какъ чему-то ненормальному, когда женщины въ виллѣ Альберти иногда удачно оспаривали своихъ противниковъ. Въ концѣ XV и началѣ XVI вѣка дамскій учено-литературный салонъ считался необходимымъ украшеніемъ каждаго города и оказывалъ могучее вліяніе на общественные нравы, вкусы и воззрѣнія. Всѣмъ извѣстно, какимъ ученымъ, литературнымъ и художественнымъ блескомъ сіялъ дворъ папы Льва X; но одно время тамъ не было дамскаго салона, и приближенный папы, кардиналъ Бабіена, въ такихъ выраженіяхъ приглашаетъ поскорѣе пріѣхать въ Римъ брата Льва X, Джуліано Медичи съ его молодой женой: «Мнѣ кажется, что цѣлое тысячелѣтіе пройдетъ прежде, чѣмъ увидимъ вашу свѣтлѣйшую супругу, которую нашъ дворъ ждетъ съ такимъ нетерпѣніемъ, что и сказать нельзя .. Весь городъ говоритъ: слава Богу! намъ здѣсь

недоставало только дамскаго салона, и теперь эта женщина, столь знаменитая, столь высокоодаренная, столь добрая и прекрасная, устроитъ салонъ и чрезъ это доведетъ римскій дворъ до полнаго совершенства». Такимъ образомъ, въ эпоху Возрожденія, произошелъ тотъ благотворный для культуры переворотъ въ воззрѣніяхъ на женщину, который открылъ ей возможность сдѣлаться посредствомъ умственнаго развитія могучимъ факторомъ въ общественной жизни, и замѣтную роль въ этомъ переворотѣ сыграла болѣзненная и слабая веронская гуманистка.

Леонъ-Баттиста Альберти и его отношеніе къ наукѣ и искусству *).

Едва ли можетъ подлежать сомнѣнію, что послѣ паденія Эллады искусство никогда не играло такой роли въ жизни и художники никогда не занимали такого мѣста въ обществѣ, какъ въ эпоху Возрожденія. Этому широкому и глубокому вліянію искусства соотвѣтствовало и художественное значеніе его произведеній. Если новѣйшая живопись по широтѣ и разнообразію сюжета, по глубинѣ и оригинальности замысла и превосходитъ картины великихъ итальянцевъ гуманистической эпохи, то въ изображеніи души человѣка и въ особенности его духовной красоты итальянскіе художники Ренесанса не

---

*) Рефератъ, читанный на первомъ съѣздѣ художниковъ и любителей художествъ.

встрѣчаютъ соперниковъ. Сикстинская Мадонна обладаетъ такимъ же недосягаемымъ совершенствомъ въ своемъ родѣ, какъ Афродита Книдская въ области греческой скульптуры, и великаго Рафаэля такъ же не затмили позднѣйшіе художники, какъ не потерялъ художественной цѣны Пракситель при всѣхъ успѣхахъ новой скульптуры.

Причины необыкновеннаго подъема итальянскаго художественнаго творчества въ XV—XVI столѣтіяхъ составляютъ одну изъ интереснѣйшихъ проблемъ исторіи искусства; но ихъ всестороннее и полное выясненіе едва ли возможно при современномъ состояніи этой науки вообще и нашихъ свѣдѣній объ эпохѣ Возрожденія въ частности. Тѣмъ не менѣе, я позволяю себѣ обратить вниманіе компетентнаго собранія на интересную особенность художниковъ того времени, которая, по моему убѣжденію, составляетъ одну изъ самыхъ существенныхъ причинъ необыкновеннаго развитія гуманистическаго искусства. Эта особенность заключалась въ томъ, что тогда даже второстепенные художники стояли

на высшемъ уровнѣ современной имъ культуры, а наиболѣе крупные занимали видное мѣсто среди вождей тогдашняго общества. Чтобъ иллюстрировать духовныя стремленія этихъ художниковъ-гуманистовъ, я остановлюсь на Л.-Б. Альберти (1404—1472).

Альберти былъ живописецъ, скульпторъ и архитекторъ, но произведенія его рѣзца и кисти до насъ не дошли. Точно также проектированный имъ храмъ св. Франческо въ Римини остался только въ изображеніи на одной медали, а его планъ перестройки св. Петра въ Римѣ извѣстенъ лишь по описаніямъ. Единственныя дошедшія до насъ постройки Альберти, это—дворецъ Руччелаи и фасадъ церкви Santa Maria Novella во Флоренціи. Но интересъ и значеніе Альберти заключается въ его многочисленныхъ сочиненіяхъ, которыя даютъ превосходную характеристику міросозерцанія итальянскихъ художниковъ Возрожденія. Альберти писалъ по всѣмъ вопросамъ общественной жизни: отъ него остались сочиненія религіознаго, философскаго и политическаго содержанія, а также трактаты

діалоги о любви, о семьѣ и о воспитаніи, уче-ыя статьи по математикѣ, физикѣ, исторіи и етрикѣ, цѣлый рядъ произведеній по теоріи ;ивописи, скульптуры и архитектуры и, нако-ецъ, комедіи и другія поэтическія произведенія. то былъ одинъ изъ наиболѣе разностороннихъ исателей своей эпохи, и почти всѣ его произ-еденія проникнуты однимъ духомъ, составляютъ роявленіе законченнаго міросозерцанія.

Краеугольный камень міровоззрѣнія Альберти исходный пунктъ почти всѣхъ его трактатовъ оставляетъ, во-первыхъ, пламенная любовь къ рироде и широкій интересъ къ внѣшнему міру ;, во-вторыхъ, глубокое убѣжденіе въ высокомъ остоинствѣ человѣка и въ его способности къ езконечному совершенствованію. Въ трактатѣ) *семьѣ* онъ доказываетъ, что мы рождены для гожденія Богу и прославленія Его, а то и дру-ое вполнѣ возможно только при познаніи внѣш-яго міра, при пониманіи безконечной красоты го. Въ этомъ же сочиненіи Альберти такъ фор-ıулируетъ свой взглядъ на человѣка: «Природа, .-е. Богъ, вложила въ человѣка элементъ не-

бесный и божественный, несравненно болѣе прекрасный и благородный, чѣмъ что-либо смертное. Она дала ему форму и члены, весьма приспособленные ко всякому движенію. Она дала ему талантъ, способность къ обученію, разумъ, свойства божественныя, благодаря которымъ онъ можетъ изслѣдовать, различать и познавать, чего должно избѣгать и чему слѣдовать для того, чтобы сохранять самого себя. Къ этимъ великимъ и безцѣннымъ дарамъ Богъ вложилъ еще въ душу человѣка умѣренность, сдержку противъ страстей и чрезмѣрныхъ желаній, а также стыдъ, скромность и стремленіе заслужить похвалу. Кромѣ того, Богъ внѣдрилъ въ людей потребность въ твердой взаимной связи, которая поддерживаетъ общежитіе, правосудіе, справедливость, щедрость и любовь, а всѣмъ этимъ человѣкъ можетъ заслужить у людей благодарность и похвалу, а у своего Творца—благоволеніе и милосердіе. Богъ вложилъ еще въ грудь человѣка способность выдерживать всякій трудъ, всякое несчастіе, всякій ударъ судьбы, преодолѣвать всяческія затрудненія, побѣждать скорбь,

не бояться смерти. Онъ далъ человѣку крѣпость, стойкость, твердость, силу, презрѣніе къ ничтожнымъ мелочамъ, и посредствомъ всѣхъ этихъ добродѣтелей мы можемъ, какъ должно, почитать Бога и служить Ему справедливостью, любовью, умѣренностью и всякими другими совершенными и похвальными дѣйствіями. Поэтому будь убѣжденъ, что человѣкъ раждается не для того, чтобы влачить печальное существованіе въ бездѣйствіи, но чтобы работать надъ великимъ и грандіознымъ дѣломъ. Этимъ онъ можетъ, во-первыхъ, угодить Богу и почтить Его и, во-вторыхъ, пріобрѣсти для самого себя наисовершеннѣйшія добродѣтели и полное счастье» *).

Итакъ, нравственный долгъ человѣка, созданнаго по образу и подобію Божію, заключается, по мнѣнію Альберти, въ познаніи внѣшняго міра и въ развитіи лучшихъ свойствъ своей природы,

*) Итальянскіе трактаты Альберти я цитирую по изданію *Bonucci:* „Opere volgari de Leon Batt. Alberti". Tomi 1—6. Firenze, 1843—49. Латинскіе—по изданію *Mancini:* „L. B. Alberti opera inedita et pauca separatim impressa". Florentiae, 1890.

а приложеніе этихъ свойствъ къ дѣлу составляетъ не только наилучшее исполненіе общественныхъ обязанностей, не только источникъ личнаго счастья на землѣ, но и вѣрный путь къ загробному блаженству. Въ собственной жизни Альберти твердо держится этихъ принциповъ: онъ не только разносторонній художникъ, не только писатель съ самыми разнообразными интересами, но и первостепенный гимнастъ, неутомимый ходокъ, превосходный стрѣлокъ и отличный наѣздникъ. Это страстное желаніе довести до совершенства свои личныя свойства, чтобы широко пользоваться всѣми дарами природы и жизни для личнаго счастья и на общее благо, составляетъ психическую основу всей писательской дѣятельности Альберти. Глубокое убѣжденіе въ могуществѣ знанія и горячая проповѣдь образованія красною нитью проходятъ черезъ всѣ его сочиненія. Въ трактатѣ *О спокойствіи духа* онъ доказываетъ, что могущество человѣка почти безгранично, если только онъ познаетъ самого себя и внѣшній міръ; въ діалогѣ *Теодженіо* онъ проводитъ ту мысль, что

счастье зависитъ не отъ фортуны, а отъ самого человѣка; но для этого онъ долженъ пріобрѣсти неотъемлемыя духовныя блага и широко развить свои общественные и научные интересы. «Печальная судьба не съ неба сваливается, а раждается отъ человѣческой глупости», говоритъ Альберти въ другомъ сочиненіи и объявляетъ невѣжество величайшимъ изъ пороковъ. Тѣмъ же духомъ проникнуты и политическіе трактаты Альберти. Онъ исходитъ изъ той мысли, что разумное и плодотворное служеніе государству возможно только при правильномъ пониманіи его цѣлей и при умѣньи найти надлежащія средства для ихъ достиженія. То и другое дается образованіемъ, которое является поэтому дѣломъ огромной важности для государства. Кромѣ того, образованный человѣкъ можетъ служить своей родинѣ и не принимая непосредственнаго участія въ политической практикѣ, не живя даже въ предѣлахъ своей страны. Онъ будетъ истиннымъ патріотомъ, если «въ своихъ сочиненіяхъ изложитъ согражданамъ то, что для нихъ полезно и что можетъ возвысить

значеніе и достоинство государства». Та же самая мысль положена въ основаніе трактатовъ Альберти о семьѣ и о воспитаніи. Авторъ настаиваетъ, прежде всего, на томъ, что родители должны тщательно изучать способности и наклонности своихъ дѣтей и на этомъ изученіи строить педагогическую систему. Но особенности характера должны имѣть рѣшающее значеніе только для выбора спеціальности и для пріемовъ обученія. Что же касается общечеловѣческаго образованія путемъ всесторонняго развитія, то оно обязательно для всякаго характера и при всѣхъ наклонностяхъ. Альберти прерываетъ изложеніе одного трактата длиннымъ панегирикомъ наукѣ, въ которомъ мы встрѣчаемся, между прочимъ, съ такими мыслями: «Если существуетъ что-нибудь,—говоритъ авторъ,—что болѣе всего подходитъ къ знатности, что составляетъ величайшее украшеніе человѣческой добродѣтели, что создаетъ авторитетъ и репутацію семьѣ, то это, конечно, науки, безъ которыхъ ни въ комъ не можетъ быть истиннаго благородства, безъ которыхъ ничья жизнь не можетъ быть призна-

на счастливой и никакая семья не можетъ считаться совершенной и твердой» *).

Проповѣдуя необходимость всесторонняго духовнаго развитія, Альберти составилъ себѣ довольно стройное и послѣдовательное міросозерцаніе, выработалъ опредѣленные взгляды по всѣмъ главнымъ вопросамъ личной и общественной жизни. Мы не будемъ подробнѣе останавливаться на его религіозныхъ, нравственныхъ, политическихъ и общественныхъ воззрѣніяхъ, такъ какъ они имѣютъ больше интереса для исторіи культуры, нежели для искусства. Для насъ достаточно разсмотрѣть, какимъ образомъ прилагалъ онъ свои основныя воззрѣнія къ художественной дѣятельности. Какъ художникъ, Альберти считаетъ необходимымъ, кромѣ широкаго общаго образованія, болѣе спеціальное изученіе тѣхъ наукъ, которыя имѣютъ непосредственное приложеніе къ художественной техникѣ, т.-е. математики, физики и нѣкоторыхъ отдѣловъ естествознанія. Кромѣ того, онъ первый въ новое время настаи-

*) *Bonucci*, II, p. 104—105.

ваетъ на необходимости теоретическаго изслѣдованія основъ, задачъ и пріемовъ всѣхъ видовъ образовательнаго искусства. Результатомъ этого былъ цѣлый рядъ его сочиненій преимущественно по математикѣ, съ одной стороны, и первыя произведенія по теоріи архитектуры, скульптуры и живописи—съ другой. Физико-математическіе трактаты Альберти не всѣ сохранились до настоящаго времени. Такъ, его *Математическіе комментаріи* (*Commentari delle cose matematiche*), сочиненіе *О движеніи тяжести* (*Sui movimenti del peso*), трактатъ о кораблестроеніи (*Navis*)—извѣстны только по заглавіямъ; нѣкоторыя другія работы, какъ, наприм., *De' pondi e leve di alcuna rota*, дошли въ крайне испорченномъ видѣ. Но и сохранившагося вполнѣ достаточно, чтобы составить себѣ представленіе объ уровнѣ физико-математическихъ свѣдѣній Альберти и о степени ихъ глубины и основательности. Въ небольшомъ трактатѣ, озаглавленномъ *Математическія забавы* (*Ludi matematici*), онъ описываетъ способы измѣренія недоступныхъ мѣстностей, опредѣленія времени по звѣздамъ, опредѣленія недоступной

для лота морской глубины, предлагаетъ болѣе упрощенный механизмъ водяныхъ часовъ, описываетъ нѣкоторые физическіе инструменты, между прочимъ, разные виды одометровъ и астролябій, а также прототипъ современныхъ десятичныхъ вѣсовъ и т. д. Словомъ, маленькій трактатъ свидѣтельствуетъ, что его авторъ стоялъ на высотѣ современнаго ему знанія въ этой области, вполнѣ усвоилъ все, сдѣланное античною наукой и позднѣйшими изслѣдователями. Но Альберти не довольствуется пассивнымъ усвоеніемъ научныхъ свѣдѣній. Онъ стремится усовершенствовать результаты чужой работы и приложить къ практикѣ эти усовершенствованія. Такъ, онъ измѣнилъ заимствованный у Савосарды способъ измѣренія морской глубины, приложилъ улучшенные имъ инструменты къ извлеченію стариннаго корабля со дна озера Неми, измѣрилъ собственными пріемами территорію Рима и отдѣльныя части города, собственноручно сдѣлалъ карманные часы и т. д. Усвоивши современную ему науку, Альберти стремится двинуть ее впередъ, внести въ нее результаты своего творческа-

го генія, и ему принадлежатъ, между прочимъ, два крупныхъ изобрѣтенія: гигрометръ, который приписывается Леонардо да-Винчи, и камеръ-обскура, сослужившая весьма важную службу живописи.

Совершенно естественно, что свои обширныя физико-математическія познанія Альберти съ особеннымъ усердіемъ прилагалъ къ искусству. Такъ, онъ написалъ спеціальное изслѣдованіе о перспективѣ, которое, по всей вѣроятности, до насъ не дошло *), и цѣлый рядъ трактатовъ по всѣмъ видамъ образовательныхъ искусствъ. Уже самая потребность въ теоретическихъ изслѣдованіяхъ по искусству весьма характерна. Широкое научное образованіе пріучало искать законовъ изящнаго и такимъ путемъ давало правильное направленіе художественному творчеству. Художникъ сливался съ мыслителемъ, и умственное развитіе облагораживало фантазію, придавало болѣе глубокій смыслъ ея изящнымъ образамъ. Особен-

*) Приписываемый ему анонимный трактатъ на эту тему считаютъ подложнымъ по весьма вѣскимъ причинамъ.

но наглядно проявляется благотворная связь науки съ искусствомъ на обширномъ трактатѣ Альберти *О строительномъ дѣлѣ* (*De re aedificatoria*). Это сочиненіе, выдержавшее много изданій и переведенное почти на всѣ европейскіе языки *), доставило автору почетный титулъ «отца новыхъ архитекторовъ» и справедливо пользовалось большимъ авторитетомъ въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій. Его содержаніе даетъ отвѣтъ почти на всѣ запросы строительнаго дѣла. Альберти изображаетъ идеалъ архитектора, выясняетъ его задачи, опредѣляетъ наиболѣе удобное мѣсто и время для постройки, описываетъ свойства строительныхъ матеріаловъ, условія красоты и устойчивости зданія и даетъ обстоятельныя правила для всевозможныхъ построекъ, начиная отъ храмовъ и кончая гидравлическими и ирригаціонными сооруженіями. Не останавливаясь на техническихъ подробностяхъ этого руководства для многихъ поколѣній архитекторовъ, я ограничусь только

---

*) Я цитирую по изданію XV вѣка *De Architectura seu de re aedificatoria. Libri X.* Florentiae, 1485.

изложеніемъ тѣхъ требованій, которыя предъявляетъ авторъ къ строителю-спеціалисту. «Архитектура—великое дѣло,—говоритъ Альберти,—и не всякому слѣдуетъ за нее браться. Чтобъ осмѣлиться считать себя архитекторомъ, нуженъ большой талантъ, упорная работа, превосходное образованіе, продолжительная практика, развитой вкусъ, зрѣлое сужденіе». Главнымъ источникомъ архитектурнаго образованія авторъ считаетъ тщательное изученіе памятниковъ и преимущественно античныхъ. «Не существовало ни одного стариннаго зданія, гдѣ блистала изяществомъ какая-нибудь часть, изъ котораго бы я не попытался чему-нибудь научиться,—говоритъ авторъ.—Ради этого я не переставалъ изслѣдовать, разсматривать, измѣрять и рисовать его до тѣхъ поръ, пока не изучалъ его основательно и не постигалъ, въ чемъ проявляется здѣсь талантъ или искусство» *). Тотъ же самый пріемъ рекомен-

---

*) *De re aid.* l. IX, c. 9. Результаты своихъ наблюденій надъ памятниками античной архитектуры и изученія Витрувія Альберти изложилъ въ трактатѣ: *Icinque ordini architettonici.*

дуетъ онъ всякому архитектору: «Пусть онъ съ величайшимъ стараніемъ разсмотритъ тѣ постройки, —говоритъ Альберти, — которыя пользуются всеобщею извѣстностью и славой, пусть онъ нарисуетъ, измѣритъ по частямъ, сдѣлаетъ модели, дастъ себѣ ясный отчетъ о нихъ и объяснитъ себѣ ихъ устройство... Пусть онъ подражаетъ имъ въ томъ, что найдетъ въ нихъ хорошаго; если же найдетъ возможнымъ что-либо улучшить, то пусть исправитъ это и видоизмѣнитъ обдуманно и художественно». Вообще Альберти не требуетъ слѣпого подражанія въ архитектурѣ и съ сочувствіемъ относится къ оригинальности и художественному творчеству. «Я вполнѣ одобрю,— говоритъ онъ, —если архитекторъ къ наилучшимъ созданіямъ древнихъ присоединитъ новыя изобрѣтенія, талантливо совершенствующія постройку» *). Но для оригинальнаго творчества въ замыслѣ и исполненіи зданія нужно эстетическое развитіе и научное образованіе. Всякое сооруженіе вызывается практическими потребностями, но оно

*) Ibid, l. VI, c. 1.

должно заключать въ себѣ красоту. Авторъ указываетъ только самыя общія эстетическія требованія по отношенію къ архитектурѣ: пропорціональность частей зданія, его внутреннее единство и украшенія. Но украшенія должны подчиняться законамъ и правиламъ архитектуры, и постройка должна быть исполнена такъ, чтобы въ ней нельзя было сдѣлать ни дополненій, ни измѣненій безъ вреда для цѣлаго. Альберти не считаетъ возможнымъ дать точныя предписанія, какъ достигнуть такого результата въ отдѣльныхъ случаяхъ, такъ какъ это—дѣло индивидуальныхъ особенностей каждаго архитектора. Но онъ указываетъ способы подготовки къ наилучшему рѣшенію такой задачи. «Для архитектора полезны и даже необходимы живопись и математика», говоритъ Альберти и совѣтуетъ, кромѣ того, заниматься музыкой, чтобы лучше развить въ себѣ чувство гармоніи.

Но одного эстетическаго развитія далеко не достаточно для архитектора. Удачный выборъ подходящаго матеріала зависитъ отъ естественноисторическихъ свѣдѣній строителя, для устойчи-

вости постройки ему необходимы физико-математическія познанія и т. д. Но это еще не все. Потребности, которымъ удовлетворяетъ архитектура, чрезвычайно разнообразны. Постройки вызываются религіознымъ чувствомъ, политическими соображеніями, нуждами просвѣщенія, торговли, промышленности, земледѣлія, и архитекторъ долженъ знать и тонко понимать всѣ эти потребности, чтобы дать имъ наилучшее удовлетвореніе. Болѣе того, архитекторъ, по мнѣнію Альберти, долженъ не только изучать эти потребности, но и облагораживать ихъ, и въ этомъ заключается культурная заслуга художника передъ обществомъ. Такъ, наприм., при постройкѣ храма архитекторъ долженъ принимать всѣ мѣры, чтобъ усилить и возвысить религіозное настроеніе. Поэтому Альберти возстаетъ противъ обилія развлекающихъ украшеній, противъ многочисленности алтарей, такъ какъ она понижаетъ сознаніе важности этого пункта въ храмѣ. Въ другомъ мѣстѣ онъ настаиваетъ, чтобы кладбища устраивались за городскою чертой, такъ какъ внутри города они являются источникомъ болѣзней, и ратуетъ даже

за сожженіе труповъ. Касаясь вопроса о тюрьмахъ, Альберти говоритъ: «Если кто нибудь выроетъ подземную тюрьму, похожую на пещеру или на ужасную могилу, тотъ накажетъ виновнаго болѣе, чѣмъ позволяютъ нравственные законы и человѣческая природа. Хотя злодѣи заслуживаютъ крайнихъ наказаній за ихъ негодность, тѣмъ не менѣе долгъ республикъ и государей не оскорблять гуманности». Итакъ, архитекторъ долженъ быть не только эстетически-высокоразвитымъ художникомъ, но и проводникомъ въ общество истиннаго благочестія, гуманности и здравыхъ гигіеническихъ понятій. Поэтому чѣмъ шире его художественное воспитаніе, чѣмъ разностороннѣе и основательнѣе его знаніе науки и жизни, тѣмъ лучше можетъ исполнить онъ обѣ свои задачи—и спеціально-архитектурную, и общественную.

Трактатъ Альберти *De statua*—первое произведеніе по теоріи искусства въ новое время; совершенно естественно, что авторъ обращаетъ вниманіе, прежде всего, на технику, и главное содержаніе его трактата составляетъ описаніе

способовъ измѣренія человѣческаго тѣла посредствомъ особаго изобрѣтеннаго имъ снаряда, а также изображеніе результатовъ такого измѣренія въ видѣ цѣлаго ряда таблицъ. Но этому этюду по скульптурной техникѣ Альберти предпосылаетъ небольшое введеніе, которое заключаетъ въ себѣ цѣлую эстетическую теорію. Онъ требуетъ, чтобы скульпторъ изучалъ человѣческое тѣло и подражалъ природѣ; но это не значитъ, что онъ долженъ рабски копировать первую попавшуюся натуру. Художникъ для скульптурнаго изображенія идеальнаго образа долженъ создать типическія формы человѣческаго тѣла, потому что въ этомъ типѣ заключается, по выраженію Альберти, «совершенная красота, которую природа дала въ даръ человѣку, распредѣливъ ее въ извѣстномъ количествѣ во многихъ отдѣльныхъ тѣлахъ» *). Правда, мысль Альберти не вполнѣ оригинальна,—уже Поликлетъ, по словамъ Плинія, создалъ такую статую съ каноническими пропорціями человѣческаго тѣла. Но гу-

---

*) *Bonucci*, IV, p. 180.

манисты заимствовали у древнихъ только то, что соотвѣтствовало ихъ стремленiямъ, и Альберти вполнѣ раздѣлялъ мысль древнихъ грековъ, что задача художника-скульптора при изображенiи человѣческаго тѣла заключается въ воспроизведенiи полной красоты, свойственной его типу.

Гораздо обстоятельнѣе трактаты Альберти, посвященные живописи, и въ особенности главный изъ нихъ — *Della pittura* *). Это сочиненiе раздѣлено на 3 части: въ первой изложены необходимыя для художника свѣдѣнiя изъ математики и физики **), во второй идетъ рѣчь о самой живописи, - о рисункѣ, о композицiи, о колоритѣ; въ третьей—о свойствахъ истиннаго художника. Не касаясь подробностей трактата, я остановлюсь только на двухъ наиболѣе важныхъ вопросахъ: во-первыхъ, въ чемъ видитъ Альберти цѣль живописи и, во-вторыхъ, какiя требованiя предъявляетъ онъ художнику.

---

*) Издана Janitschek'омъ въ *Quellenschriften für Kunstgeschichte und Kunsttechnik des Mittelalters und der Renaissance v. R. Eitelberger von Edelberg.*

**) Этимъ вопросамъ посвящено еще небольшое сочиненiе Альберти *Elementa picturae* (Crotona, 1864).

Авторъ чрезвычайно высокаго мнѣнія о живописи. Въ этомъ искусствѣ, по его выраженію, скрывается «истинно божественная сила». Живопись сохраняетъ воспоминаніе объ отсутствующихъ, оживляетъ мертвыхъ, доставляетъ безсмертіе въ потомствѣ, возвышаетъ и усиливаетъ религіозное чувство, нравственно улучшаетъ зрителя, заставляя его страдать чужимъ горемъ и радоваться чужою радостью. Но всѣхъ этихъ результатовъ она достигаетъ только при томъ условіи, если ставитъ своею задачей воспроизведеніе красоты. Такимъ образомъ, красота является конечною цѣлью живописи и высшимъ критеріемъ для ея произведеній. Альберти не даетъ опредѣленія, въ чемъ заключается сущность красоты, но выясняетъ ея отдѣльныя проявленія и указываетъ способы ея воспроизведенія. Прежде всего, эстетическое впечатлѣніе достигается и здѣсь, какъ въ скульптурѣ, вѣрностью природѣ, но не слѣпымъ ей подражаніемъ. Красота разлита въ отдѣльныхъ предметахъ, и картина должна собрать ее въ одно цѣлое, не нарушая, однако, вѣрности природѣ. Чтобъ иллюстрировать свою мысль, Аль-

берти приводитъ въ примѣръ Зевксиса, который для изображенія Елены выбралъ для модели пять самыхъ красивыхъ дѣвушекъ въ Кротонѣ и воспроизвелъ на своей картинѣ наилучшія формы каждой изъ нихъ. Далѣе, для живописи, какъ для архитектуры, обязательна concinnitas, т.-е. гармоническая пропорціальность отдѣльныхъ частей. Затѣмъ для эстетическаго впечатлѣнія необходимо строгое соотвѣтствіе между формой и содержаніемъ. Если, наприм., изображено живое тѣло, то дышать жизнью должна каждая его часть и т. д. Альберти предоставляетъ художнику широкую свободу въ выборѣ сюжета и особенно высоко ставитъ тѣ картины, которыя изображаютъ какую-нибудь «исторію», по его выраженію, т.-е. жанръ, по нашей терминологіи. Но онъ требуетъ, въ то же время, чтобы такая картина имѣла художественный центръ, основную идею, которая бы объединяла все богатое разнообразіе сюжета въ органическое цѣлое. Кромѣ того, и здѣсь необходимо самое тонкое изученіе дѣйствительности. Внутреннія чувства изображенныхъ на картинѣ лицъ выражаются, главнымъ образотъ, внѣшними дви-

женіями, и Альберти даетъ весьма обстоятельное описаніе видовъ движенія и способовъ ихъ изученія и изображенія. Но каковъ бы ни былъ сюжетъ, живопись не должна воспроизводить ничего непристойнаго и, по возможности, избѣгать уродливаго и безобразнаго, не нарушая, однако, вѣрности природѣ. Такъ, Альберти одобряетъ художниковъ, изображавшихъ Перикла въ шлемѣ, такъ какъ такое изображеніе, маскируя недостатокъ формы головы, не мѣшало сходству портрета.

Опредѣливъ цѣль живописи и главнѣйшіе способы ея достиженія, Альберти выясняетъ свойства, необходимыя для истиннаго и совершеннаго художника. Какъ истый гуманистъ, авторъ требуетъ отъ художника всесторонняго духовнаго развитія и аргументируетъ это требованіе двоякимъ образомъ. Прежде всего, художникъ долженъ стремиться, чтобы современники уважали его какъ человѣка, а для этого одного таланта недостаточно, необходимо еще умственное и нравственное развитіе. Кромѣ того, такое же развитіе необходимо ему и для совершенства въ своей спеціаль-

ности. Въ искусствѣ отражается вся душа художника, отразятся поэтому и всѣ ея недостатки. Такъ, недостатокъ научныхъ свѣдѣній скажется, прежде всего, на техникѣ. Доказавши необходимость для живописи познаній въ математикѣ и физикѣ, Альберти требуетъ самаго тщательнаго изученія природы, какъ необходимой подготовки къ художественной дѣятельности, такъ какъ только оно пріучаетъ къ наблюдательности. Далѣе, отъ изученія дѣйствительности зависятъ и выборъ сюжета, и его обработка. Чѣмъ шире знаетъ жизнь художникъ и чѣмъ лучше ее понимаетъ, тѣмъ болѣе у него простора при выборѣ сюжета и тѣмъ большею глубиной будетъ отличаться обработка темы. Для достиженія первой цѣли Альберти рекомендуетъ поэзію, для второй— науку въ самомъ широкомъ смыслѣ слова. Но цѣль живописи — воспроизведеніе красоты при вѣрности природѣ, поэтому не достаточно знать и понимать дѣйствительность, нужно умѣть еще находить въ ней красоту. Отсюда необходимость эстетическаго развитія. Эстетическое чувство дается, конечно, природой, но оно развивается, во-

первыхъ, изученіемъ искусствъ, и не только пластическихъ, но также музыки, поэзіи и краснорѣчія, и, во-вторыхъ, оно воспитывается наукой, которая даетъ умѣнье сохранять вѣрность природѣ и такимъ образомъ направляетъ на вѣрный путь художественную фантазію. Альберти идетъ дальше и самое чувство красоты ставитъ въ связь съ изученіемъ дѣйствительности. «Отъ неопытныхъ талантовъ, — говоритъ онъ, — ускользаетъ идея красоты, которую съ трудомъ познаютъ и наиболѣе опытные».

Итакъ, цѣль искусства, по Альберти, воспроизведеніе красоты, которая заключается во внѣшнемъ мірѣ и въ человѣческой природѣ; средство для ея достиженія — воспитаніе таланта путемъ образованія и преимущественно посредствомъ изученія природы и жизни; идеалъ художника — всесторонне-развитая личность. Въ основѣ этихъ воззрѣній лежитъ любовь къ внѣшнему міру, признаніе высокой цѣнности жизни и уваженіе къ человѣческой природѣ, т.-е. то міровоззрѣніе, которое составляетъ характерную особенность гуманистической эпохи. Въ силу этого, трактаты

Альберти представляютъ собою приложеніе господствующихъ воззрѣній къ искусству, являются наглядным изображеніемъ связи между міросозерцаніемъ извѣстной эпохи и ея художественными идеалами. Съ другой стороны, мы знаемъ, что требованія Альберти не были празднымъ измышленіемъ не понимающаго жизни теоретика. Достаточно припомнить личность Леонардо да-Винчи, чтобы признать, что идеи Альберти раздѣлялись не одними только его ближайшими друзьями, какъ Донателло или Брунелески.

Въ этой связи культуры съ искусствомъ заключается главнѣйшая причина и необыкновеннаго подъема художественнаго творчества, и небывалой высоты общественнаго положенія и вліянія художниковъ. Гуманистическая культура, съ ея страннымъ исканіемъ добра, правды и красоты здѣсь, на землѣ, была благопріятна для художественнаго развитія, и художникъ, усвоивая ее посредствомъ образованія, пріобрѣталъ не только стройное міросозерцаніе, но и эстетическое направленіе. Съ другой стороны, широкое образованіе художниковъ усиливало дѣйствіе ихъ таланта

на общество. Стремясь воспроизводить красоту, они, стоя на уровнѣ современнаго просвѣщенія, ищутъ ее и умѣютъ находить также и въ тѣхъ явленіяхъ жизни, которыя составляютъ предметъ особаго общественнаго интереса. Такое отношеніе между искусствомъ и культурой въ эпоху Возрожденія было весьма плодотворно для обѣихъ сторонъ. Оно не только направляло на вѣрные пути художественное творчество, но и дало художнику высокое мѣсто въ обществѣ, а то и другое возвышало уваженіе къ искусству и содѣйствовало эстетическому воспитанію публики. Въ средніе вѣка художникъ сливался съ ремесленникомъ, въ XVI столѣтіи Леонардо да-Винчи живетъ какъ магнатъ; Браманте строитъ себѣ княжескій дворецъ; Рафаэль конкуррируетъ въ великодушной щедрости съ банкиромъ Киджи; Микель-Анджело диктуетъ свои условія папѣ, а представители высшихъ слоевъ общества не только въ Италіи, но и за Альпами, какъ французскій король и нѣмецкій императоръ, считаютъ за честь получить въ подарокъ отъ итальянскаго художника картину или статую. Такая связь между просвѣ-

щеніемъ и искусствомъ, какую мы отмѣтили въ гуманистическую эпоху въ Италіи, мнѣ представляется нормальной и желательной для всякаго времени. Правда, позднѣйшая культура можетъ-быть не такъ благопріятна для эстетическаго развитія, какъ итальянское Возрожденіе, но это не уничтожаетъ существенной необходимости высокаго образованія для художника. Каждый художникъ подчиняется вліянію того или другого слоя общества, и временныя и неглубокія общественныя вѣянія, неблагопріятныя для искусства или искажающія его задачи, особенно опасны для малообразованныхъ талантовъ. Высоко-развитой художникъ не увлечется мимолетными и случайными теченіями, хорошо понимая, что здоровыя эстетическія стремленія никогда не могутъ исчезнуть въ обществѣ, потому что они составляютъ существенную потребность человѣескаго духа. Только такой художникъ можетъ найти и воспроизвести красоту самыхъ сложныхъ и самыхъ глубокихъ проявленій духовной жизни и такимъ путемъ стать могущественнымъ проводникомъ художественныхъ интересовъ въ общество,

эстетическимъ воспитателемъ современниковъ и потомства. Но для полнаго достиженія этой высокой цѣли онъ долженъ стоять на уровнѣ современнаго просвѣщенія.

Casa giojosa.

(Этюдъ изъ исторіи новой школы).

Крупныя перемѣны въ общественной жизни всегда захватываютъ школу, и она послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго сопротивленія реформируется въ духѣ времени и подчиняется новымъ требованіямъ. Если старая школа имѣла твердую организацію и успѣла выработать прочныя традиціи, то она вступаетъ въ упорную борьбу съ новыми жизненными потребностями, отстаетъ отъ жизни и только мало-по-малу приходитъ въ соотвѣтствіе съ другими сторонами современной культуры. Такъ, языческая школа весьма долго противилась уже восторжествовавшему христіанству, а потомъ сдѣлавшись христіанской, долго держалась старыхъ педагогическихъ пріемовъ и прежняго языческаго учебнаго матеріала.

Только мало-по-малу аскетическій духъ, наложившій печать на всѣ стороны духовной жизни средневѣковаго общества, овладѣлъ и школой, поставилъ ей новыя задачи воспитанія и предписалъ соотвѣтственные педагогическіе пріемы. Подобно монастырю, школа монашескими средствами должна была готовить своихъ питомцевъ къ загробной жизни, внушая имъ вражду къ міру, въ которомъ видѣли одинъ изъ важнѣйшихъ источниковъ грѣха, и всячески подавляя ихъ плоть, другое могучее орудіе врага рода человѣческаго. Такимъ образомъ, самый педагогическій идеалъ отрывалъ школу отъ жизни и осуждалъ ее на крайнюю односторонность, считая физическое воспитаніе за потворство грѣху. Съ другой стороны, за духовнымъ развитіемъ не признавалось самостоятельной цѣны, и подъ суровой монашескою ферулой оно подвергалось сильнымъ ограниченіямъ и получало одностороннее направленіе. Прежде всего, школа должна была такъ дисциплинировать волю питомца, чтобъ она безпрекословно подчинялась чужой волѣ; такой же дисциплинѣ долженъ быть подвергнутъ

разумъ, который иначе легко можетъ привести къ дьявольской гордынѣ и къ отрицанію церковнаго авторитета. Въ силу этого самостоятельная наука считалась ересью, и въ малѣйшихъ проблескахъ критицизма видѣли такой же тяжелый грѣхъ, какъ въ неурегулированномъ церковью удовлетвореніи физическихъ потребностей нашей природы. Совершенно естественно поэтому, что средневѣковая школа отличалась безпощадною суровостью въ педагогическихъ пріемахъ и безжизненнымъ формализмомъ въ воспитаніи, которое стремилось подавить не только физическое, но и духовное развитіе учащихся.

Эпоха возрожденія подвергла смѣлой критикѣ всѣ средневѣковые авторитеты и противопоставила аскетизму новый взглядъ на жизнь и на человѣческую природу. Гуманисты съ самаго начала движенія объявили всестороннее развитіе неотъемлемымъ правомъ личности и всѣми средствами старались провести этотъ принципъ въ жизнь. Въ силу этого, ихъ столкновеніе съ средневѣковою школой, основанною на діаметрально противоположныхъ воззрѣніяхъ, было неизбѣж-

но, и это столкновеніе ускорилось, благодаря общественному положенію дѣятелей ранняго Ренесанса и условіямъ развитія гуманистическаго движенія. Весьма многіе гуманисты занимали мѣста ученыхъ секретарей при легальныхъ и нелегальныхъ правителяхъ тогдашней Италіи; совершенно естественно, что къ нимъ обращались за совѣтомъ по всѣмъ вопросамъ, касавшимся науки и просвѣщенія. Кромѣ того, педагогическая дѣятельность была одной изъ наиболѣе распространенныхъ спеціальностей гуманистовъ, такъ какъ только они обладали хорошимъ знакомствомъ съ античною литературой, которая, благодаря имъ, пользовалась высокимъ почетомъ въ тогдашнемъ обществѣ. Наконецъ, педагогія была однимъ изъ самыхъ надежныхъ орудій гуманистической пропаганды; поэтому вопросы воспитанія и образованія занимали даже тѣхъ гуманистовъ, которые не были учителями по спеціальности. Благодаря всѣмъ этимъ причинамъ, педагогическіе трактаты, всегда составлявшіе значительную отрасль гуманистической литературы, стали появляться почти съ самаго начала движе-

нія и съ перваго же раза провозгласили новые принципы воспитанія и поставили школѣ новые задачи. Чтобы составить себѣ представленіе о педагогическихъ теоріяхъ гуманистовъ, достаточно познакомиться съ однимъ изъ наиболѣе раннихъ трактатовъ такого содержанія «О воспитаніи юношей» Леонардо Бруни (1369—1444) *).

Авторъ придаетъ воспитанію огромную важность. «Закладывать фундаментъ для хорошей жизни и приспособлять душу къ добродѣтели,— говоритъ онъ,—нужно въ нѣжномъ возрастѣ, который легко доступенъ всякому впечатлѣнію. То, что̀ сложится въ этомъ возрастѣ, останется и на всю жизнь». Поэтому хорошее воспитаніе дѣтей составляетъ не только главную обязанность родителей, но и важный государственный интересъ. Въ противоположность средневѣковымъ педагогамъ, Бруни требуетъ отъ воспитанія не только духовнаго, но и физическаго развитія и настаиваетъ на необходимости обучать

*) *Leonardi Aretini:* „De institutione adolescentium ad ubertinum Carrariensem“. Трактатъ не изданъ.

молодежь военнымъ пріемамъ, ѣздѣ верхомъ и гимнастикѣ. Должно вводить,—пишетъ онъ,—такія упражненія, которыя сохраняютъ здоровье и укрѣпляютъ члены. Съ гигіенической точки зрѣнія, рекомендуетъ Бруни и нѣкоторое воздержаніе отъ тѣлесныхъ удовольствій. Такъ, по его мнѣнію, слѣдуетъ поменьше спать и ѣсть хотя у различныхъ людей потребности въ этомъ отношеніи не одинаковы, но въ общемъ «природа довольствуется немногимъ». Точно также въ школьномъ возрастѣ не слѣдуетъ давать много вина, потому что «излишнее его употребленіе вредно для здоровья». «Слѣдуетъ заботиться,—пишетъ онъ далѣе,—чтобы юноши какъ можно долѣе оставались цѣломудренными и чистыми, потому что незрѣлая любовь (immatura Venus) ослабляетъ душевныя и тѣлесныя силы». Духовное воспитаніе, на которомъ авторъ останавливается съ особеннымъ вниманіемъ, должно быть построено на психологической основѣ, причемъ педагогъ долженъ тщательно изучить индивидуальныя свойства своихъ питомцевъ и воспитывать ихъ сообразно съ ихъ психическими осо-

бенностями. Такъ, если у ребенка очень слаба память или рѣзко выражены практическія наклонности, то его слѣдуетъ готовить не для ученыхъ занятій, а для дѣловой жизни. Если же юноша способенъ къ наукамъ, то слѣдуетъ изучить болѣе тонкіе оттѣнки его способностей, чтобы сообразно съ этимъ направить его потомъ на спеціальное изученіе той или другой науки; при этомъ Бруни обстоятельно излагаетъ результаты своихъ и чужихъ наблюденій надъ различными свойствами ума человѣческаго. На такихъ же основаніяхъ должны быть построены и педагогическіе пріемы. «Слѣдуетъ пользоваться различными средствами, чтобы занятія шли хорошо и правильно, — говоритъ Бруни: — однихъ нужно привлекать похвалою и надеждою на почесть, другихъ подарками и поблажками, однихъ надо принуждать угрозами, другихъ ударами или розгами. Но всѣмъ этимъ нужно пользоваться со строгою обдуманностью и разумною умѣренностью и слѣдуетъ остерегаться, чтобы наказанія не были ни слишкомъ слабы, ни слишкомъ суровы. Какъ излишнее своеволіе приводитъ къ

распущенности и хорошо одаренныя натуры, такъ и суровыя и постоянныя наказанія ослабляютъ духовныя силы и гасятъ природный огонекъ въ дѣтяхъ, такъ что они, не будучи въ состояніи ни на что рѣшиться и боясь ошибиться въ каждомъ дѣлѣ, дѣлаютъ промахи всегда и во всемъ».

Цѣль духовнаго воспитанія, по Бруни, нравственное и умственное воспитаніе юноши. Автору совершенно чужды идеалы монашеской школы, и его педагогическія теоріи носятъ чисто свѣтскій характеръ; тѣмъ не менѣе религія составляетъ важный ингредіентъ его программы воспитанія. «Хорошо воспитанный юноша, — пишетъ Бруни, — долженъ прежде всего заботиться о дѣлахъ божественныхъ и питать къ нимъ уваженіе, и такое направленіе ему должно быть внушено съ самыхъ юныхъ лѣтъ. На самомъ дѣлѣ, что̀ святого будетъ въ человѣческихъ дѣлахъ для такого человѣка, который презираетъ божество? Но не слѣдуетъ выдвигать на первый планъ старушичьихъ суевѣрій, которыя въ этомъ возрастѣ обыкновенно болѣе всего осуждаются и подвергаются осмѣянію... Особенно же слѣдуетъ на-

ставлять юношей, чтобъ они не кощунствовали и не насмѣхались надъ священными именами, что̀ отвратительно въ каждомъ возрастѣ». Такое почтительное отношеніе къ существующей религіи не препятствуетъ Бруни рѣзко отклониться въ дѣлѣ нравственнаго воспитанія отъ традиціонныхъ педагогическихъ пріемовъ. Онъ не рекомендуетъ ни постовъ, ни бичеваній, ни другихъ благочестивыхъ упражненій въ томъ же духѣ и не придаетъ большого значенія наказаніямъ и внѣшней дисциплинѣ. Авторъ и здѣсь, какъ повсюду, старается держаться психологической почвы, стремится воспитывать, а не дрессировать, вырабатывать нравственныя наклонности, которыя сами собою вызовутъ соотвѣтствующую дѣятельность, а не удерживать только страхомъ дурныхъ проявленій порочной натуры, которыя обыкновенно обнаруживаются съ полною силой, какъ только юноша выйдетъ изъ-подъ чужой ферулы. Такъ, чтобы подольше сохранить юношей цѣломудренными, Бруни рекомендуетъ воспитывать фантазію и, въ особенности, «никогда не оставлять молодежь праздной, а всегда занимать ее

какимъ-нибудь благопристойнымъ упражненіемъ духа или тѣла». Особенно важную роль въ дѣлѣ нравственнаго воспитанія приписываетъ авторъ наглядному примѣру, поэтому онъ требуетъ не только назидательнаго поведенія отъ старшихъ, но и усиленнаго изученія образцовъ античныхъ добродѣтелей. Наконецъ, самое умственное развитіе должно вести, по Бруни, къ нравственному улучшенію.

Въ началѣ XV столѣтія приходилось еще доказывать пользу образованія, и Бруни обстоятельно останавливается на этомъ вопросѣ. По его мнѣнію, научное образованіе необходимо всякому человѣку, какой бы дѣятельности онъ себя ни посвятилъ, потому что оно ведетъ къ мудрости и къ добродѣтели. «Мы называемъ, — пишетъ онъ, — свободными науками (liberalia studia) тѣ, которыя достойны свободнаго человѣка. Это тѣ научныя занятія, посредствомъ коихъ развиваются или отыскиваются добродѣтель и мудрость и которыя располагаютъ тѣло или духъ ко всему наилучшему». Изученіе этихъ свободныхъ наукъ и искусствъ должно быть положено въ основу

образованія, и Бруни подробно говоритъ о воспитательномъ значеніи каждой составной части своей программы образованія. Но, настаивая на всесторонности развитія учащихся, авторъ относится враждебно къ дилетантской многопредметности и требуетъ, чтобы каждый выбиралъ для спеціальнаго изученія ту науку или то искусство, къ которому онъ чувствуетъ себя наиболѣе способнымъ. Точно также Бруни не только далекъ отъ обремененія учащихся чрезмѣрнымъ трудомъ, но считаетъ необходимымъ удерживать даже самихъ учениковъ отъ непосильнаго усердія къ наукѣ. «При обученіи,— говоритъ онъ,— обыкновенно является препятствіемъ то, что̀ должно было бы служить большимъ подспорьемъ, а именно — чрезмѣрная страсть къ ученью, вслѣдствіе которой учащіеся, желая одинаково овладѣть всѣмъ, не могутъ ничего вполнѣ усвоить». Наконецъ, заслуживаетъ вниманія еще одна черта педагогическаго трактата Бруни: авторъ свободенъ отъ умственнаго аристократизма, которымъ страдало большинство гуманистовъ, и требуетъ болѣе заботливаго воспитанія для дѣтей, мало

одаренныхъ отъ природы. «Хотя о способныхъ должно тщательно заботиться,— пишетъ онъ,— но не слѣдуетъ пренебрегать и тѣми, которые обладаютъ посредственными способностями,— имъ нужно даже болѣе помогать, потому что у нихъ слабѣе природныя силы».

Таковы идеалы новой педагогіи. Полагая въ основу воспитанія психологію, новые педагоги смотрѣли на человѣческую природу съ точки зрѣнія, діаметрально противоположной аскетической морали, и требовали гармоническаго развитія всѣхъ тѣхъ свойствъ, къ подавленію которыхъ стремилась монашеская школа.

Педагогическія воззрѣнія Бруни, которыя дополнили и развили въ томъ же духѣ другіе гуманисты, стоятъ въ органической связи съ міросозерцаніемъ новаго времени, и ихъ осуществленіе въ старой школѣ было такою же абсолютною невозможностью, какъ и примиреніе новой культуры съ средневѣковымъ католицизмомъ. Гуманисты пытались примкнуть къ университетамъ, и эти попытки имѣли благопріятный результатъ для развитія движенія; но въ высшей школѣ было не-

возможно полное примѣненіе новыхъ педагогическихъ теорій по многимъ причинамъ. Прежде всего университеты имѣли дѣло уже со взрослою молодежью, которая приходила сюда доканчивать свое образованіе, т.-е. пріобрѣтать нужныя свѣдѣнія въ правѣ и медицинѣ для практической дѣятельности или изучать богословскія тонкости, полезныя для церковной карьеры. Кромѣ того, въ университетахъ сложились прочныя традиціи, вполнѣ согласныя съ общимъ духомъ средневѣковой культуры: тамъ царилъ безусловный авторитетъ, исключавшій всякую критику и не допускавшій никакой свободы научнаго изслѣдованія; право и медицина, поскольку они не были цеховымъ ремесломъ и сохраняли научныя тенденціи, разрабатывались чисто схоластическими методами и были подавлены массой излишнихъ тонкостей и ненужныхъ мелочей. Гуманисты вступили въ борьбу съ этой одряхлѣвшею ученостью и съ ея ремесленнымъ духомъ, но имъ не удалось одержать побѣду, по крайней мѣрѣ, на итальянской почвѣ. Для успѣха было необходимо противопоставить схоластикѣ новую науку, ее нужно было еще со-

здать, такъ какъ въ античной литературѣ нельзя было найти готовыхъ образцовъ для христіанскаго богословія или для каноническаго права. Такая задача при началѣ научнаго движенія не подъ силу никакому генію, и гуманисты въ борьбѣ со схоластиками ограничивались критикой ихъ доктринъ и предъявленіемъ къ нимъ научныхъ требованій. Эта критика расчищала пути новой наукѣ, но не могла дать положительной замѣны господствовавшей въ университетахъ схоластики, такъ что даже гуманистически настроенные юристы и медики должны были оставаться консерваторами въ своей спеціальности. Въ силу этого гуманисты, державшіеся въ университетахъ особнякомъ, не были довольны своимъ положеніемъ и охотно мѣняли каѳедру на мѣсто «апостольскаго» секретаря или придворнаго ученаго. Для осуществленія педагогическихъ теорій имъ приходилось основывать свои школы, и такихъ частныхъ школъ было довольно много уже въ XIV и началѣ XV вѣка, но всѣ онѣ имѣли скромные размѣры и не обладали опредѣленной и прочной организаціей. Дѣло измѣнилось, когда на помощь къ новымъ

педагогамъ пришли сочувствующіе имъ меценаты, и первая строго организованная школа въ гуманистическомъ духѣ была устроена въ Мантуѣ *Витторино Рамбальдони да-Фельтре* въ 1425 году при дворѣ Джанъ-Франческо Гонзаги и на его средства.

Витторино Рамбальдони (1378—1446) по натурѣ и по воззрѣніямъ обладалъ всѣми свойствами первостепеннаго педагога. Онъ самъ прошелъ суровую жизненную школу и много поработалъ надъ собственнымъ воспитаніемъ, чтобы, побѣдивши дурныя стороны своего характера и развивши хорошія, приблизиться къ идеалу человѣка, какъ его понимали въ ту эпоху. Витторино родился въ городкѣ Фельтре, въ Венеціанской области, и принадлежалъ къ крайне бѣдной семьѣ, которая часто нуждалась въ самомъ необходимомъ. Научившись кое-чему въ родномъ городѣ, онъ полюбилъ науку и уже взрослымъ юношей отправился въ Падую, ближайшій къ Фельтре центръ тогдашней учености. Здѣсь, пробиваясь кое-какъ уроками, Витторино слушалъ въ мѣстномъ университетѣ какъ свѣтилъ средневѣковой науки, такъ

и профессоровъ-гуманистовъ. Положеніе молодого человѣка было крайне тяжелое; иногда приходилось даже платить профессорамъ личною служ-бой. Такъ Витторино очень хотѣлось изучить математику. Самымъ знаменитымъ спеціалистомъ въ этой наукѣ считался тогда Бьяджіо Пелакане; но въ университетѣ онъ читалъ философію, а математику, которая была главнымъ источникомъ его славы, онъ преподавалъ дома и за особую плату. Тщетно упрашивалъ Витторино жаднаго ученаго позволить ему даромъ вмѣстѣ съ другими слушать математику; Пелакане согласился принять его только подъ тѣмъ условіемъ, чтобы безплатный слушатель сдѣлался слугою въ его домѣ, и Витторино цѣлыхъ шесть мѣсяцевъ въ уплату за лекціи мылъ посуду и исправлялъ другія обязанности въ домѣ профессора. Изучивши, подъ руководствомъ хозяина, Эвклида, Витторино оставилъ Пелакане и продолжалъ занятія безъ чужого руководства.

Несмотря на нѣкоторый интересъ къ средневѣковой наукѣ, Витторино по своимъ воззрѣніямъ и симпатіямъ принадлежалъ къ числу гума-

нистовъ и съ весьма многими изъ нихъ находился въ дружескихъ отношеніяхъ. Но онъ былъ чуждъ крайностей Возрожденія, не питалъ безусловной и слѣпой вражды къ прошлому, а, наоборотъ, старался воспользоваться тѣми его сторонами, которыя можно было примирить съ новыми стремленіями. Витторино глубоко, всѣмъ существомъ усвоилъ основное воззрѣніе гуманизма, что человѣческая природа обладаетъ высокими достоинствами и способна къ безконечному совершенствованію и что отдѣльная личность не только имѣетъ право, но даже обязана развивать всѣ хорошія стороны своей натуры. Это воззрѣніе сдѣлалось руководящимъ принципомъ Витторино, которому онъ оставался неизмѣнно вѣрнымъ до конца жизни. Въ молодости онъ старался не только образовать умъ и воспитать чувство и волю, но также развить тѣло, и усердно занимался гимнастическими упражненіями, благодаря которымъ этотъ маленькій, тщедушный человѣкъ до глубокой старости не зналъ болѣзни. Вся его жизнь была непрерывною дѣятельностью, такъ что, по выраженію его ученика, онъ не оставался празд-

нымъ ни однаго момента. Но въ пониманіи права на всестороннее развитіе Витторино нѣсколько расходился съ своими единомышленниками. Гуманистамъ пришлось защищать этотъ принципъ противъ традиціоннаго аскетизма, и въ жару полемики они впадали въ противоположную крайность и забывали, что нѣкоторыя наклонности человѣческой природы необходимо обуздывать и врагамъ монашества. Воюя противъ безбрачія, гуманисты обнаруживали иногда непозволительный цинизмъ и въ жизни, и въ сочиненіяхъ; считая безполезнымъ постъ, они слишкомъ высоко цѣнили противоположныя наслажденія, и, какъ извѣстно, гастрономическими безразсудствами эпоха Возрожденія могла смѣло поспорить съ императорскимъ Римомъ. Витторино иначе понималъ принципъ всесторонняго развитія и былъ далекъ отъ гуманистической односторонности. Прежде всего онъ твердо держался того ученія о превосходствѣ духа надъ тѣломъ, которое было формулировано еще древними философами и освящено христіанствомъ. Съ этой точки зрѣнія человѣкъ имѣетъ право удовлетворять своимъ физическимъ

потребностямъ, но лишь въ той мѣрѣ, поскольку это не вредитъ его духовной природѣ. Въ такомъ духѣ Витторино много поработалъ надъ самимъ собой.

Такъ, сознавая въ себѣ слишкомъ сильныя эротическія наклонности, онъ непрерывно борется съ ними, тщательно избѣгаетъ такой литературы, такихъ разговоровъ и зрѣлищъ, которые могутъ возбуждать фантазію. Болѣе того, этотъ поклонникъ классической литературы, другъ Поджіо и Филельфо, съ молодыхъ лѣтъ и до старости подвергалъ себя монашескимъ бичеваніямъ, чтобъ обуздать чрезмѣрно развившуюся физическую потребность. Съ этой же точки зрѣнія боролся онъ противъ гастрономическихъ излишествъ. Витторино не держалъ поста въ монашескомъ смыслѣ слова и ѣлъ все, что считалъ полезнымъ для здоровья; но онъ ратовалъ за умѣренность въ пищѣ и не дѣлалъ изъ ѣды наслажденія. «Вѣрьте мнѣ,—говорилъ онъ своимъ ученикамъ,—что не много пищи нужно для поддержки жизни; прочее же—только угожденіе брюху, а для этой бездонной пропасти и многаго недостаточно». По

словамъ ученика-біографа, Витторино всегда употерблялъ одно и то же количество пищи и оканчивалъ обѣдъ гораздо раньше другихъ, говоря, что питаніе не должно служить препятствіемъ для послѣобѣденныхъ занятій и для физической работы. Благодаря этой умѣренности, непрерывной дѣятельности и тщательному воспитанію фантазіи, Витторино привелъ въ норму слишкомъ усилившуюся наклонность: воспѣвая любовь и женщину въ латинскихъ и итальянскикъ стихахъ, онъ въ такихъ выраженіяхъ изображалъ свое чувство, что, по выраженію его біографа, его поэзія не заставила бы покраснѣть и самую скромную весталку. Съ такою же энергіей боролся Витторино противъ другого недостатка своего характера—чрезмѣрной вспыльчивости. Исходя изъ того положенія, что разгнѣванный человѣкъ не можетъ сказать или сдѣлать ничего достойнаго одобренія, онъ не только самъ постоянно наблюдалъ за собою, но и обращался къ содѣйствію своихъ учениковъ: тѣ изъ нихъ, на которыхъ онъ наиболѣе полагался, замѣтивъ начинающееся раздраженіе учителя, должны были незамѣтно для другихъ обратить на это его вниманіе.

На-ряду съ такимъ пониманіемъ права личности на всестороннее развитіе, Витторино, благодаря особенностямъ своего характера, нѣсколько иначе относился и къ другимъ людямъ, чѣмъ большинство гуманистовъ. Гуманистическій индивидуализмъ, въ теоріи весьма высоко ставившій служеніе ближнему, на практикѣ весьма часто извращался въ эгоизмъ. Идеаломъ очень многихъ дѣятелей Возрожденія былъ «почетный досугъ», который давалъ бы время наставлять публику въ наукахъ и добродѣтеляхъ и доставлялъ бы возможность безбоязненно карать людскіе пороки. Для достиженія этой цѣли прежде всего необходимы были деньги, и христіанское нестяжаніе не было распространенною добродѣтелью среди гуманистовъ. У Витторино теорія не расходилась съ жизнью, можетъ-быть, благодаря также и природной добротѣ сердца. Пройдя суровую школу бѣдности и тяжелыхъ лишеній, онъ умѣлъ понимать чужую нужду и съ величайшею готовностью приходилъ на помощь къ бѣднотѣ. Витторино дѣлился съ нуждающимися скромнымъ педагогическимъ заработкомъ, какой онъ имѣлъ

до переселенія въ Мантую, раздавалъ свое обильное содержаніе, которое получалъ отъ Гонзаги, умѣлъ привлекать къ благотворительности богатыхъ людей и умеръ такимъ бѣднякомъ, что хоронить его пришлось на общественный счетъ. Единственнымъ достояніемъ Витторино былъ садикъ съ хижиной на холмѣ Пьетоле, гдѣ, по преданію, родился Виргилій, да значительная по тому времени библіотека, книги изъ которой онъ, впрочемъ, охотно дарилъ лучшимъ изъ своихъ учениковъ. Точно также ему было чуждо и тщеславіе—недостатокъ, чрезвычайно распространенный среди гуманистовъ. Чрезмѣрная погоня за славой, результатъ отчасти индивидуализма, отчасти вліянія классической литературы, отчасти стремленія къ наживѣ, значительно подрывала нравственную репутацію гуманистовъ. Создавъ публицистику и возведя ее на степень общественной силы, дѣятели Возрожденія очень часто злоупотребляли ею въ личныхъ интересахъ. Чтобы подорвать авторитетъ соперника, чтобы наказать скупого мецената или унизить врага щедраго покровителя, чтобы отомстить мелкую или даже

фиктивную обиду, они писали такъ-называемыя инвективы, т.-е., въ лучшемъ случаѣ, памфлеты, и чаще всего пасквили, наполненные площадною бранью и самой грязною клеветой. Подъ вліяніемъ мелочного самолюбія, даже литературная и ученая критика почти всегда получала характеръ инвективы. Витторино умѣлъ служить дѣлу, а не лицамъ, умѣлъ ладить съ товарищами и, никогда не прибѣгая къ инвективамъ, не имѣлъ враговъ между единомышленниками, представляя въ этомъ отношеніи исключительное явленіе въ исторіи итальянскаго гуманизма.

Наконецъ, послѣднее отличіе Витторино отъ современныхъ ему гуманистовъ составляло его благочестіе. Непримиримая противоположность новыхъ идеаловъ съ той формой христіанства, которая была извѣстна дѣятелямъ Возрожденія, и рѣзкій критицизмъ новыхъ ученыхъ, которые не останавливались и передъ безпощаднымъ анализомъ церковныхъ ученій, насколько это не компрометировало ихъ положенія, губительно дѣйствовали на религіозное чувство гуманистовъ и приводили ихъ чаще всего къ насмѣшливому

индифферентизму, который всегда вредилъ движенію и былъ одной изъ главныхъ причинъ его прекращенія на итальянской почвѣ. Витторино избѣжалъ этого недостатка. Произошло ли это вслѣдствіе того, что, по свойствамъ своей натуры, онъ не чувствовалъ наклонности къ критической провѣркѣ старыхъ основъ на почвѣ новыхъ идеаловъ, или религіозное чувство было настолько въ немъ сильно, что уберегло старыя вѣрованія отъ разрушительной критики,—во всякомъ случаѣ Витторино былъ добрымъ католикомъ и хорошимъ христіаниномъ. Онъ не только тщательно исполнялъ всѣ обряды, предписанные церковью, не только часто по ночамъ покидалъ постель для молитвы, но помогалъ бѣднымъ, навѣщалъ больныхъ, посѣщалъ заключенныхъ и такимъ образомъ въ высокой нравственной сторонѣ христіанскаго ученія находилъ твердую опору въ стремленіи къ совершенствованію своей личности въ гуманистическомъ духѣ. Болѣе сходства съ другими гуманистами обнаруживается въ отношеніи Витторино къ патріотизму. Мечта о возвращеніи Риму его прежняго вліянія и стрем-

леніе къ объединенію Италіи подрывали мѣстный, городской патріотизмъ; но когда эти обширныя надежды не осуществились, среди гуманистовъ распространяются, хотя и не особенно широко, космополитическія тенденціи, и многіе изъ нихъ открыто провозглашали: ubi bene, ibi patria,— разумѣя подъ bene личныя выгоды. Нѣсколько иначе понималъ это изреченіе Витторино. Онъ обыкновенно называлъ себя мантуанцемъ и объяснялъ своимъ ученикамъ предпочтеніе Мантуи своей родинѣ тѣмъ, что въ Фельтре онъ только родился, а здѣсь исполнялъ важныя обязанности и здѣсь получилъ возможность хорошо прожить и принести пользу другимъ.

Лучшаго педагога для новой школы, благодаря всѣмъ этимъ особенностямъ Витторино, нельзя было найти между гуманистами. Основной его взглядъ на человѣческую природу внушалъ ему глубокую вѣру въ плодотворность воспитанія, и эта вѣра поддерживалась личнымъ опытомъ. Съ другой стороны, пониманіе человѣческихъ обязанностей, въ которомъ лучшія воззрѣнія гуманизма соединялись съ христіанскою моралью, да-

вало наилучшее направленіе его педагогической дѣятельности. Кромѣ того, отсутствіе гуманистическихъ односторонностей давало Витторино широкій взглядъ на задачу школы, позволяло ему подготовлять учениковъ не только къ ученой и литературной дѣятельности въ новомъ духѣ, но и къ служенію на всякомъ другомъ поприщѣ; при этомъ важное значеніе для дѣла имѣла его религіозность, которая помогала ему давать ученикамъ положительные нравственные идеалы, какихъ не удалось выработать итальянскому Возрожденію. Наконецъ, личныя свойства Витторино, доставившія ему всеобщее уваженіе, возвышали авторитетъ новой школы, которой посвятилъ онъ всѣ свои силы. Витторино не былъ ни писателемъ, ни профессіональнымъ ученымъ. Кромѣ немногихъ стихотвореній, нѣсколькихъ писемъ и рѣчей, онъ не написалъ ничего; объ его ученыхъ занятіяхъ извѣстно только, что онъ работалъ надъ критическимъ исправленіемъ текста Плинія и Ливія, вѣроятно, въ интересахъ преподаванія. Главнымъ и исключительнымъ объектомъ его дѣятельности была педагогія. Отношеніе Вит-

торино къ школѣ лучше всего характеризуетъ слѣдующій разсказъ одного изъ раннихъ его біографовъ. Друзья убѣждали его жениться и воспитать сыновей, чтобъ они продолжали его работу. «Вотъ мои сыновья!»—отвѣчалъ Витторино, показывая на своихъ учениковъ. Такимъ образомъ школа не только составляла главное общественное служеніе Витторино, но и замѣняла ему семью. Тѣмъ не менѣе ему не сразу удалось найти подходящее мѣсто для полнаго осуществленія своихъ педагогическихъ идеаловъ.

Витторино началъ педагогическую дѣятельность въ Венеціи, открывъ тамъ маленькую школу для преподаванія латинскаго языка, затѣмъ онъ занялъ каѳедру въ Падуанскомъ Ginnasio, а въ то же время имѣлъ учениковъ и на дому. Но университетское преподаваніе не давало ему удовлетворенія: Витторино былъ воспитатель по преимуществу, а ему приходилось только обучать. Кромѣ того, тогдашніе университетскіе нравы, крайняя распущенность студентовъ, интриги и раздоры между профессорами отравляли жизнь Витторино, который сознавалъ свое безсиліе сколько-

нибудь улучшить существующія отношенія. Поэтому онъ оставилъ Падую и вновь открылъ школу въ Венеціи; но и здѣсь приходилось дѣйствовать въ очень тѣсныхъ рамкахъ. Есть извѣстіе, что въ это время Витторино хотѣлъ поступить въ монастырь, вѣроятно, для того, чтобы поставить тамъ на болѣе широкую ногу педагогическую дѣятельность, такъ какъ по воззрѣніямъ онъ былъ далекъ отъ монашества. Но репутація Витторино, какъ выдающагося педагога, получила широкую извѣстность, и Джанъ-Франческо Гонзага, богатый и могущественный владѣтель Мантуи, предложилъ ему мѣсто воспитателя своихъ дѣтей и на весьма выгодныхъ условіяхъ. Тѣмъ не менѣе бѣдный педагогъ не безъ колебаній принялъ блестящее предложеніе. Дворы итальянскихъ властителей пользовались печальной извѣстностью, а ихъ дѣти, выраставшія въ развращающей обстановкѣ, сулили тяжелый и неблагодарный трудъ воспитателю. Но Гонзага былъ лучше другихъ, и Витторино надѣялся, что ему удастся организовать при его матеріальномъ содѣйствіи такую школу, какая носилась въ его

воображенiи. Кромѣ того, при тогдашнихъ политическихъ условiяхъ Италiи, когда ея судьбами распоряжались абсолютные властители, воспитанiе будущаго государя и само по себѣ представлялось важною задачей. Въ силу этихъ соображенiй Витторино отправился въ Мантую; но при первомъ же свиданiи съ Гонзагой объявилъ ему: «Я пришелъ по твоему зову, но останусь у тебя только до тѣхъ поръ, пока ты не потребуешь отъ меня того, что недостойно насъ обоихъ». Гонзага назначилъ Витторино значительное содержанiе и приказалъ своему казначею выдавать, сколько онъ потребуетъ, на устройство школы. Такимъ образомъ гуманистическiй педагогъ получилъ возможность осуществить свои планы.

Въ воображенiи Витторино носилось античное воспитанiе, какъ оно изображено въ педагогическихъ трактатахъ Плутарха и Квинтилiана, но видоизмѣненное сообразно съ новыми потребностями. Въ этомъ духѣ онъ и началъ свое дѣло. Гонзага отвелъ превосходное помѣщенiе для новой школы и далъ ей роскошную обстановку.

Школьное помѣщеніе называлось Casa giojosa (радостный или веселый домъ) *) и, благодаря своему положенію, вполнѣ заслуживало этого названія. Школа расположена въ сторонѣ отъ городского шума, на берегу озера, среди луговъ и около парка съ тѣнистыми аллеями. Внутренняя обстановка отличалась роскошью: обширныя комнаты, украшенныя стѣнною живописью, изображавшею различныя дѣтскія игры, соединялись широкими галлереями; столы были изукрашены золотомъ и серебромъ и въ такомъ же родѣ была остальная мебель. Среди этой роскошной обстановки жили дѣти Гонзаги, окруженныя сверстниками изъ знатныхъ фамилій и разодѣтыми и раздушенными слугами. Содержалась будущая школа соотвѣтственно съ обстановкой: столъ отличался изысканностью, и вся жизнь состояла изъ непрерывнаго ряда забавъ и наслажденій. Витторино началъ съ того, что круто измѣнилъ всѣ порядки. Онъ остался очень дово-

---

*) Въ современныхъ документальныхъ описаніяхъ Мантуи оно называется la Zoyosa или Domus jocosa.

ленъ только внѣшнимъ положеніемъ школы и просторомъ ея внутренняго помѣщенія, но всяческое проявленіе роскоши было заботливо устранено: затѣйливая мебель была замѣнена болѣе простою, изысканный столъ — здоровой и питательною пищей, количество прислуги было сокращено и оставлены были только нравственно надежные слуги, между которыми были точно разграничены ихъ обязанности Витторино не побоялся раскассировать и знатныхъ товарищей своихъ питомцевъ: онъ оставилъ только тѣхъ немногихъ, которыя обнаруживали хорошія нравственныя наклонности и способность къ наукамъ, остальные были отправлены къ своимъ родителямъ. Чтобы недопустить въ школу нежелательныхъ элементовъ изнѣ, Витторино поставилъ у дверей сторожа, который безъ разрѣшенія никого не впускалъ въ школу и не выпускалъ изъ нея.

Эти первые и весьма трудные шаги въ дѣлѣ организаціи новой школы Витторино совершилъ, не посовѣтовавшись съ своимъ патрономъ, чтобы сразу создать себѣ независимое положеніе и

испытать степень довѣрія къ себѣ со стороны Гонзаги. Джанъ-Франческо поддержалъ педагога, и протесты знатныхъ родителей, недовольныхъ за удаленіе своихъ дѣтей, смолкли передъ авторитетомъ ихъ повелителя. Тогда Витторино приступилъ къ дальнѣйшему осуществленію своихъ плановъ. Отправляясь въ Мантую, онъ не имѣлъ въ виду ограничиться воспитаніемъ дѣтей Гонзаги, а хотѣлъ создать цѣлую школу; поэтому онъ началъ принимать постороннихъ учениковъ. Педагогическая репутація Витторино все расширялась, и въ Мантую стекались ученики не только изъ различныхъ областей Италіи, но также изъ Франціи, Германіи и даже изъ Греціи. Помѣщеніе вскорѣ оказалось тѣснымъ, и рядомъ съ Casa giojosa возникла другая школа, правильнѣе—другой пансіонатъ, такъ какъ обученіе и воспитаніе велись совмѣстно. Расширеніе дѣла потребовало сотрудниковъ для Витторино, и онъ пригласилъ особыхъ преподавателей по разнымъ предметамъ, но главное руководство обѣими школами принадлежало ему самому, и онъ до самой смерти оставался душой своей системы. Витто-

рино съ большимъ разборомъ принималъ учениковъ, не будучи въ состояніи помѣстить всѣхъ желающихъ. Еще держа маленькую школу въ Падуѣ, онъ подвергалъ нравственному и умственному испытанію вновь поступающихъ: дѣти, нравственно испорченныя или съ рѣзко выраженными порочными наклонностями, не допускались въ школу или исключались изъ нея, если это обнаруживалось позже; неспособныя къ наукамъ и искусствамъ возвращались родителямъ съ совѣтомъ выбрать для нихъ другую карьеру, болѣе подходящую къ ихъ наклонностямъ. На общественное положеніе и состояніе ребенка Витторино не обращалъ вниманія, только богатые родители должны были платить сообразно со своими средствами, и на эти деньги содержались, воспитывались и обучались дѣти бѣдняковъ. Такимъ же аристократическимъ принципомъ въ гуманистическомъ духѣ руководился Витторино при пріемѣ учениковъ и въ Мантуанскую школу. Разница заключалась только въ томъ, что бѣдняковъ принимали смѣлѣе, потому что Гонзага не жалѣлъ денегъ на школу, тѣмъ не менѣе Витто-

рино весьма охотно принималъ знатныхъ питомцевъ, держась того взгляда, что тотъ особенно нуждается въ нравственномъ и умственномъ воспитанiи, отъ кого впослѣдствiи будетъ зависѣть судьба другихъ людей.

Педагогическая система, господствовавшая въ Мантуанской школѣ, основана была приблизительно на тѣхъ же принципахъ, которые проповѣдывалъ Бруни въ знакомомъ намъ трактатѣ. Витторино ставилъ своею задечей воспитывать тѣло, умъ и чувство, т.-е. исправлять недостатки и развивать достоинства всѣхъ сторонъ человѣческой природы, причемъ воспитательные прiемы основывались на изученiи индивидуальныхъ особенностей питомцевъ. Въ силу этого, физическое воспитанiе занимало видное мѣсто въ Casa giojosa. Витторино ставилъ его на первомъ планѣ, по крайней мѣрѣ, для дѣтей младшаго возраста, которыхъ онъ особенно охотно принималъ въ свою школу. Исходя изъ того положенiя, что mens sana in corpore sano, онъ считалъ необходимымъ прежде всего поддерживать и укрѣплять здоровье, а также упражненiями помогать

природѣ въ развитіи физическихъ силъ ребенка. Витторино внимательно слѣдилъ за пищей учениковъ, всегда обѣдалъ вмѣстѣ съ ними и, не допуская никакихъ излишествъ въ столѣ, тщательно заботился, чтобъ обѣдъ былъ простой, но здоровый, причемъ принимались во вниманіе и индивидуальныя особенности учениковъ. Такъ, старшій сынъ Гонзаги, Лодовико, отличался такою толщиной, что съ трудомъ могъ двигать членами, а второй сынъ, Карло, представлялъ собою длинную, сухую и нескладную фигуру съ огромными руками и ногами и страдалъ саабостью во всѣхъ членахъ и крайнею неловкостью всѣхъ движеній. Витторино сократилъ обѣдъ Лодовико, запретилъ ему ужинать и предписалъ ему какъ можно больше движенія; Карло, наоборотъ, не стѣсняли въ пищѣ и предписанныя ему упражненія заключались главнымъ образомъ въ укрѣпленіи членовъ и въ развитіи физической ловкости. Результаты были чрезвычайно успѣшны: молодые Гонзаги позже славились выносливостью и совершенствомъ во всемъ томъ, что требовало тѣлесныхъ силъ и ловкости, такъ что

старый Витторино съ умиленіемъ называлъ Лодовико своимъ Гекторомъ, а Карло —Ахиллесомъ. Съ большою заботливостью относился Витторино и къ костюму своихъ учениковъ. Каждый долженъ былъ одѣваться по своему состоянію, но франтовство и роскошь преслѣдовались безпощадно. Прежде всего, платье должно быть чисто и опрятно, что важно для здоровья; кромѣ того, дѣтямъ запрещалось чрезмѣрно кутаться, чтобы не сдѣлать ихъ черезчуръ чувствительными къ простудѣ. Самъ Витторино ходилъ зимою и лѣтомъ въ одонаковомъ костюмѣ, и ему подражали старшіе и крѣпкіе ученики; если же кто изъ дѣтей жаловался на холодъ, то его заставляли прогуляться или побѣгать и не позволяли грѣться около печки и камина. Устраняя все то, что могло изнѣжить ребенка, Витторино слѣдилъ, чтобы сонъ, также какъ пища и костюмъ, пріучалъ дѣтей къ умѣренности и выносливости.

Устроивъ для дѣтей наилучшую гигіеническую обстановку, какъ понимали это дѣло въ началѣ XV вѣка, Витторино для содѣйствія естественному развитію тѣла ввелъ въ свою школу цѣ-

лую систему физическихъ упражненій. Каждый день его ученики ѣздили верхомъ, боролись, занимались фехтованіемъ, стрѣляли изъ лука, играли въ мячъ и т. п., причемъ каждому назначалось такое упражненіе, которое соотвѣтствовало его индивидуальнымъ наклонностямъ и подготовляло къ будущей карьерѣ. Кромѣ того, допускались также охота и рыбная ловля; но самое любимое упражненіе, въ которомъ принимала участіе вся школа, составляли примѣрныя сраженія и штурмъ крѣпостей, причемъ ученики дѣлились на два лагеря, и побѣдителямъ назначалась награда. «Витторино сердечно радовался, — разсказываетъ его ученикъ-біографъ, — когда до неба поднимались крики запыленныхъ учениковъ». Всѣмъ этимъ упражненіямъ придавалось очень важное значеніе также и для развитія выносливости. Витторино требовалъ, чтобъ они происходили подъ открытымъ небомъ во всякую погоду и при всякой температурѣ. Тѣмъ не менѣе до крайностей не доходили: въ Мантуѣ лѣтомъ воздухъ считался нездоровымъ, и учениковъ на это время перевозили на дачу въ бо-

лѣе здоровыя мѣстности. Физическое воспитаніе въ Casa giojosa не ограничивалось укрѣпленіемъ здоровья и развитіемъ силы и выносливости. Витторино, какъ истый гуманистъ, стремился также и къ развитію въ своихъ ученикахъ граціи и внѣшней красоты: въ школѣ исправляли недостатки голоса, пріучали къ плавнымъ и изящнымъ жестамъ, позамъ и движеніямъ и т. п. и доходили въ этомъ отношеніи до скрупулезной тщательности. Въ дѣтяхъ преслѣдовали некрасивыя гримасы, слишкомъ громкое сморканье или зѣванье,—словомъ, эстетическій вкусъ педагога ничего не упускалъ изъ вниманія, придавалъ значеніе всякой мелочи.

Физическое воспитаніе признавалось самостоятельной и важною задачей новой школы; но въ то же время оно должно было содѣйствовать умственному и нравственному развитію учащихся. Гимнастическія упражненія служили превосходнымъ отдыхомъ отъ учебныхъ занятій и, подкрѣпляя тѣло, облегчали трудъ пріобрѣтенія научныхъ познаній, которыя въ Мантуанской школѣ стояли чрезвычайно высоко. Съ другой сто-

роны, такое чередованіе умственныхъ и физическихъ упражненій самымъ производительнымъ образомъ постоянно занимало дѣтей и не оставляло времени праздности, которую Витторино справедливо называлъ матерью всѣхъ пороковъ. Такимъ образомъ физическое воспитаніе стояло въ связи съ духовнымъ, которое составляло существенную задачу новой педагогіи. Витторино на вопросъ одного изъ своихъ учениковъ, что необходимо для того, чтобы сдѣлаться образованнымъ человѣкомъ, такъ формулировалъ его обязанности: «ты долженъ разучиться, если случайно научился чему-нибудь дурному, и, очистивши свою душу отъ всякаго предразсудка и отъ всякихъ дурныхъ привычекъ, долженъ отдаться хорошему учителю, который возьметъ на себя родительскія заботы о тебѣ и которому ты долженъ оказывать сыновнее повиновеніе». На учителѣ, слѣдовательно, лежатъ обязанности отца, и Витторино исполнялъ ихъ чрезвычайно добросовѣстно. Принимая въ школу дѣтей самаго младшаго возраста, онъ начиналъ съ обученія грамотѣ, причемъ главная забота преподавателя

заключалась въ облегченіи дѣла. Витторино писалъ буквы на разноцвѣтныхъ кусочкахъ картона, облегчалъ всѣми способами ихъ запоминаніе, и, по свидѣтельству современника, дѣти играя научались читать. Грамотность считалась обязательною для всѣхъ; но дальнѣйшее обученіе обусловливалось изученіемъ индивидуальныхъ особенностей учащихся. По словамъ Витторино, для учащагося необходимы способности, упражненія и познанія, и онъ сравнивалъ способности съ полемъ, упражненія — съ его обработкой, а познанія—съ урожаемъ. Поля различны, и было бы нелѣпостью одинаково ихъ обрабатывать и дѣлать на нихъ одинаковые посѣвы; урожай зависитъ отъ того, знаетъ ли земледѣлецъ свое поле и правильно ли его обрабатываетъ. Раздѣляя гуманистическій взглядъ на человѣческую природу, Витторино твердо вѣрилъ, что всякій человѣкъ можетъ достигнуть совершенства въ той или другой сферѣ, если только вѣрно опредѣлены его способности и на ихъ развитіи основано его воспитаніе. Чуждый гуманистической односторонности, мантуанскій педагогъ ввелъ въ свою

школу преподаванiе всѣхъ наличныхъ наукъ и искусствъ. Кромѣ него самого, тамъ были учителя грамматики, логики, метафизики, математики, а также живописи, вокальной и инструментальной музыки, фехтованiя, верховой ѣзды и т. д., — словомъ, всевозможныхъ спецiальностей. Отсутствовали только право и медицина; но если Витторино замѣчалъ въ какомъ-нибудь изъ своихъ учениковъ наклонности къ этимъ наукамъ, то отправлялъ его въ университетъ и, въ случаѣ надобности, содержалъ тамъ на свой счетъ. Въ основѣ преподаванiя лежало изученiе античныхъ писателей, которые въ XV вѣкѣ составляли единственный источникъ свѣтской науки и философiи, недосягаемый образецъ истинной поэзiи и краснорѣчiя. Въ Мантуанской школѣ изучали классиковъ въ гуманистическомъ духѣ, т.-е. не только форму, но главнымъ образомъ содержанiе, и ученики-бiографы Витторино сохранили намъ его взгляды на педагогическое значенiе отдѣльныхъ писателей. Въ Casa giojosa изучали прежде всего только четырехъ писателей: Гомера, Виргилiя, Демосѳена и Цицерона, такъ какъ

они съ поучительностью содержанія соединяютъ изящество формы. Затѣмъ Витторино знакомитъ учениковъ и съ другими писателями съ цѣлью сообщенія имъ научныхъ свѣдѣній и нравственнаго назиданія: съ Цезаремъ, Ливіемъ и Саллюстіемъ, чтобы показать образцы историческаго изложенія, съ Платономъ, Аристотелемъ и стоиками для ознакомленія съ нравственною философіей, съ Пиндаромъ, Теокритомъ и Гораціемъ, чтобы дать образцы различныхъ видовъ лирики, съ греческими трагиками «ради познанія человѣческаго сердца», съ комиками, такъ какъ они бичуютъ пороки, и т. д. На сочиненіяхъ Валерія Максима и Сенеки Витторино показывалъ, на-ряду съ ихъ достоинствами, вредное вліяніе лести и другихъ пороковъ ихъ авторовъ. Римскіе элегики, а также Ювеналъ, исключались изъ преподаванія за безнравственность содержанія ихъ произведеній. По древнимъ авторамъ излагалъ Витторино логику, философію и литературу, причемъ его преподаваніе отличалось особенною ясностью. Для этой цѣли онъ тщательно готовился къ лекціи и останавливался съ чрезвычай-

ной обстоятельностью на анализѣ трудныхъ мѣстъ у философовъ и поэтовъ, добиваясь, чтобы ученики понимали самые тонкіе оттѣнки мысли писателя. Для провѣрки результатовъ лекціи онъ заставлялъ кого-нибудь изъ своихъ учениковъ прочитывать вслухъ прокомментированное мѣсто и по выраженію лица и голоса опредѣлялъ степень усвоенія комментарія; въ то же время другой ученикъ долженъ былъ отмѣчать основную мысль и самыя изящныя выраженія въ данномъ отрывкѣ. Но преподаваніе не ограничивалось изложеніемъ съ каѳедры,— наоборотъ, Витторино старался всѣми средствами возбудить самостоятельную дѣятельность учениковъ. Прежде всего, на чтеніяхъ вслухъ онъ исправлялъ ихъ произношеніе, недостатки голоса, пріучалъ къ выразительной дикціи; затѣмъ они заучивали наизусть лучшіе отрывки изъ философовъ, поэтовъ и ораторовъ; далѣе, Витторино весьма поощрялъ дополнительные и критическіе вопросы учениковъ при его объясненіяхъ и иногда даже нарочно допускалъ неясности и неправильности, чтобы вызвать съ ихъ стороны критику. На-ряду съ

развитіемъ критическихъ способностей, въ Мантуанской школѣ пріучали и къ самостоятельной творческой работѣ. Ученики писали сочиненія, причемъ источникомъ, а отчасти и образцомъ служили древніе авторы, и Витторино съ необыкновенною тщательностью разсматривалъ эти работы, не упуская изъ вниманія ни одного промаха и не оставляя безъ одобренія ни одного достоинства. По словамъ современника, если ученикъ обнаруживалъ въ своей работѣ или особенное изящество стиля, или зрѣлость сужденія, то Витторино приходилъ въ восторгъ и даже плакалъ отъ умиленія. Наконецъ, особенно способнымъ и любознательнымъ ученикамъ онъ раннимъ утромъ, до занятій, давалъ частные уроки. Такимъ образомъ, классическое образованіе въ Мантуанской школѣ имѣло въ виду не только изученіе языка и формы древнихъ писателей, но главнымъ образомъ почерпало изъ ихъ содержанія богатый для того времени запасъ научныхъ свѣдѣній, развивало эстетическій вкусъ въ литературѣ и давало доступное возрасту философское міросозерцаніе, и при педагогическомъ так-

тѣ Витторино его преподаваніе достигало п(
зительныхъ успѣховъ. Чтобы составить себѣ пр
ставленіе о результатахъ такого классицизма,
статочно привести показаніе компетентнаго
временника, посѣтившаго Мантуанскую шк(
Четырнадцатилѣтній мальчикъ, разсказываетъ (
«прочиталъ составленное имъ стихотвореніе
200 стиховъ, въ которомъ описывается тор
ство въ Мантуѣ при вступленіи туда императ
Сигизмунда, и прочиталъ съ такою граціей и
такимъ изящнымъ произношеніемъ, что показ
ся мнѣ чудомъ для своего возраста. Этотъ
милый мальчикъ показалъ намъ двѣ теоремы
чертежами, прибавленныя имъ къ геометріи
клида, откуда можно заключить, какихъ рез
татовъ въ наукѣ достигъ онъ при своихъ (
собностяхъ. Тамъ же была десятилѣтняя д
ка князя (Чечилія Гонзага), которая писала
гречески съ такимъ изяществомъ, что мнѣ ст
стыдно за всѣхъ моихъ бывшихъ учениковъ,
которыхъ едва ли одинъ могъ писать съ так
искусствомъ». Пріѣзжій гуманистъ отмѣча
далѣе изумительную зрѣлость ученическихъ

ботъ и легкость, съ которой они переводятъ съ греческаго на латинскій и обратно.

Въ основѣ нравственнаго воспитанія, составлявшаго третью задачу педагогической программы Витторино, лежалъ гуманистическій взглядъ, что въ человѣческой природѣ сильнѣе лучшія ея стороны и что разумными мѣрами возможно подавить развитіе ея недостатковъ. Исходя изъ этого положенія, Витторино стремился прежде всего устранить всѣ вліянія, опасныя для нравственности: безъ разрѣшенія нельзя было проникнуть въ школу постороннему человѣку, за учениками былъ установленъ самый строгій надзоръ, ихъ никогда не оставляли праздными и не позволяли уединяться отъ товарищей; самъ Витторино и его сотрудники тщательно слѣдили, чтобы ни одно предосудительное слово не выходило изъ устъ ученика; точно также наблюдали и за чтеніемъ, и соблазнительныя книги и картины не допускались въ школу. Устраняя правильнымъ режимомъ препятствія, которыя могли помѣшать развитію хорошихъ сторонъ человѣческой природы, Витторино старался усилить это развитіе

личнымъ примѣромъ и назидательнымъ чтеніемъ. Онъ обладалъ способностью горячо и искренно проповѣдывать нравственныя истины, а поведеніе его самого и тщательно выбранныхъ имъ сотрудниковъ составляло превосходную иллюстрацію проповѣди. Ученикамъ старались внушать правила христіанской нравственности, очищенныя отъ средневѣковыхъ предразсудковъ и въ такомъ видѣ легко примиримыя съ моралью античныхъ философовъ и съ новыми потребностями; но въ критику церковныхъ ученій не пускались, и Витторино требовалъ отъ учениковъ строгаго исполненія католическаго культа.

Морализующее вліяніе имѣла и школьная дисциплина, установленная Витторино. Въ ея основѣ лежала искренняя любовь педагога къ дѣлу и дѣтямъ, и, по единодушному свидѣтельству учениковъ, Мантуанская школа боготворила своего директора. Опираясь на эту привязанность, естественно и необходимо вытекавшую изъ родительскаго отношенія къ дѣтямъ, Витторино дѣйствовалъ на своихъ учениковъ, главнымъ образомъ, лаской и убѣжденіемъ. Даже первая ре-

форма, круто измѣнившая образъ жизни знатныхъ питомцевъ Витторино, проведена была имъ съ ихъ согласія путемъ убѣжденія въ ея необходимости. Такимъ же образомъ онъ дѣйствовалъ и позже, и для старшихъ учениковъ, вполнѣ понимавшихъ своего учителя и высоко цѣнившихъ его авторитетъ, не было бо́льшаго наказанія, какъ недовольное лицо Витторино и оттѣнокъ презрѣнія въ его рѣчи. Школа стремилась предупредить пороки и рѣдко прибѣгала къ наказаніямъ. Тѣмъ не менѣе совершенно устранить наказанія Витторино не считалъ возможнымъ, и въ рѣдкихъ случаяхъ, если не помогала ласка и убѣжденія, употреблялись карательныя мѣры, причемъ ихъ примѣняли сообразно съ индивидуальными особенностями провинившихся. Для однихъ достаточно было выговора, другихъ лишали игръ, третьихъ обѣда, иныхъ ставили на колѣни или заставляли носить на себѣ какой-нибудь знакъ наказанія. Тѣлесныя наказанія почти совершенно отсутствовали, а исключеніе изъ школы влекла за собою только крайняя и неисправимая испорченность, которая могла быть опас-

на для другихъ. Но Витторино очень хорошо понималъ нравственную опасность карательныхъ мѣръ, такъ какъ онѣ пріучаютъ ко лжи изъ желанія скрыть проступокъ; поэтому откровенное признаніе вины спасало отъ наказанія.

Отдавая свои силы на служеніе любимому дѣлу, Витторино понималъ, что, отворачиваясь отъ жизни, нельзя служить настоящимъ образомъ школѣ и что для успѣха дѣла чрезвычайно важно, своими отношеніями за предѣлами школы, на практикѣ доказать приложимость той морали, въ правилахъ которой воспитались его ученики, и мантуанскій педагогъ удачно выполнилъ эту трудную задачу. Прежде всего, несмотря на свое зависимое положеніе, онъ смѣло говорилъ правду Гонзагѣ и сумѣлъ пріобрѣсти огромный авторитетъ при его дворѣ. Лесть была противна его натурѣ, и когда одинъ изъ итальянскихъ князей просилъ у него панегирика, Витторино прямо ему отвѣтилъ: «есть много государей и получше тебя». Въ случаѣ надобности онъ рѣзко выступалъ и противъ самого Гонзаги. Такъ, старый Джанъ-Франческо почему-то отстранялъ своего старша-

го сына Лодовико отъ участія въ военныхъ походахъ и всегда бралъ съ собою второго сына Карло. Тогда Лодовико, желая пріобрѣсти военную опытность, рѣшился убѣжать къ Филиппо-Маріи Висконти и подъ начальствомъ его полководца, знаменитаго Пиччинино, участвовалъ въ походѣ въ Романью. Бѣгство Лодовико и само по себѣ страшно раздражило отца, а кромѣ того старый Гонзага былъ тогда на службѣ у Венеціи, которая находилась во враждѣ съ Висконти, и хотя Лодовико не сражался противъ Венеціи, тѣмъ не менѣе подозрительная республика не вѣрила своему полководцу, что его сынъ противъ отцовской воли служитъ подъ знаменами врага. Джанъ-Франческо потребовалъ сына домой и, когда Лодовико отказался вернуться, лишилъ его наслѣдства, запретилъ произносить при себѣ его имя и даже заочно приговорилъ его къ смертной казни. Общественное мнѣніе было на сторонѣ непослушнаго сына; его дѣло перомъ защищали гуманисты и за него ходатайствовали самыя авторитетныя лица Италіи и, между прочимъ, папа Евгеній IV. Гонзага былъ не-

умолимъ, но это не помѣшало Витторино смѣло и рѣшительно защищать своего бывшаго ученика. Прежде всего, вопреки запрещенію, онъ не прекращалъ сношеній съ бѣглецомъ, а затѣмъ пользовался каждымъ случаемъ, чтобы показать Джанъ-Франческо несправедливость его поведенія, и въ концѣ-концовъ добился прощенія и возстановленія правъ Лодовико. Не менѣе упорную борьбу и, можетъ-быть, не только съ отцомъ, но и съ самимъ собою, пришлось выдержать Витторино за свою ученицу Чечилію, дочь Джанъ-Франческо Гонзаги. Эта юная красавица, получившая блестящее воспитаніе, единственная дочь владѣтеля Мантуи, рѣшила сдѣлаться монахиней вопреки духу времени. Отецъ слышать не хотѣлъ о такомъ рѣшеніи и уже приготовилъ ей блестящую партію, обѣщавши ея руку Оддоне да-Монтефельтре, властителю Урбино. Тогда дѣвушка обратилась за помощью къ своему бывшему учителю, и Витторино, убѣдившись путемъ долгой и задушевной бесѣды въ глубинѣ и искренности ея желанія, уговаривалъ ее настаивать на своемъ рѣшеніи и самъ выступилъ на ея за-

щиту. Началась борьба, и Гонзага, наконецъ, согласился съ доводами педагога. Чечилія поступила въ монастырь и такъ исполняла свой обѣтъ, что церковь канонизировала ее подъ именемъ св. Клары. Изъ этихъ примѣровъ видно, какимъ высокимъ авторитетомъ пользовался Витторино при дворѣ стараго Гонзаги. Но мантуанскій педагогъ не ограничивался защитою своихъ учениковъ послѣ окончанія ими курса. Онъ также тщательно слѣдилъ за политикой, и однажды Джанъ-Франческо дорого заплатилъ за то, что отвергъ политическій совѣтъ стараго учителя. Гонзага послѣ многолѣтней службы порвалъ съ Венецiей и рѣшилъ начать съ ней войну. Витторино долго убѣждалъ его въ опасности этого предпріятія и въ ненадежности союзниковъ; тѣмъ не менѣе Джанъ-Франческо началъ войну и, покинутый союзниками, потерялъ часть своихъ владѣній. Эта неудача только возвысила авторитетъ совѣтника, который пріобрѣлъ еще болѣе вліянія, когда владѣтелемъ Мантуи сдѣлался послѣ смерти отца Лодовико, который всегда вставалъ при появленіи своего бывшаго учителя.

Занимая блестящее положеніе при дворѣ, Витторино пользовался имъ прежде всего для самой широкой благотворительности: онъ поддерживалъ родителей бѣдныхъ учениковъ, и не только ни одинъ бѣднякъ не уходилъ отъ него съ пустыми руками, но онъ самъ отыскивалъ бѣдныхъ, тратилъ на нихъ все свое состояніе и умѣлъ привлекать къ помощи богатыхъ людей. Кромѣ того, опираясь на свое вліяніе, Витторино умѣлъ усмирять фамильные раздоры, составлявшіе великое зло тогдашней Италіи, и помогалъ обиженнымъ добиться правосудія. Совершенно естественно и понятно поэтому, что вся Мантуя знала, любила и уважала своего педагога, извѣстность котораго широко распространилась за предѣлы этого города. Ліонелло д'Эсте, владѣтель Феррары и ученикъ другого знаменитаго гуманиста-педагога Гуарино да-Верона, говоритъ въ письмѣ къ своей невѣстѣ, что, по его мнѣнію, «Витторино превосходитъ всѣхъ честныхъ и ученыхъ людей своей эпохи—высокою нравственностью, образованіемъ и своей рѣдкой и своеобразною системой моральнаго воспитанія». Самъ

папа Евгеній IV, не особенно сочувствовавшій гуманистическому движенію, чрезвычайно высоко цѣнилъ Витторино. Такъ, принимая его однажды на аудіенціи, папа воскликнулъ: «какая великая душа живетъ въ этомъ маленькомъ тѣлѣ», и, обращаясь къ окружающимъ, прибавилъ: «я вставалъ бы при появленіи этого великаго человѣка, если бы санъ первосвященника позволялъ мнѣ это сдѣлать». Но особенно характерно отношеніе къ Витторино гуманистовъ, руководителей и выразителей тогдашняго общественнаго мнѣнія. Враговъ между ними у него не было; наоборотъ, его имя встрѣчается въ гуманистической перепискѣ только съ лестными эпитетами, а кромѣ того и до насъ дошла цѣлая масса написанныхъ въ честь его панегириковъ. Правда, его ученики-біографы говорятъ также и о недоброжелателяхъ Витторино, котораго обвиняли за то, что онъ училъ ненужнымъ вещамъ; но изъ этихъ обвиненій видно, что врагами мантуанскаго педагога были тѣ обскуранты, противъ которыхъ боролись гуманисты. Понятно, что вражда защитниковъ мрака только констатиро-

вала заслуги Витторино и возвышала авторитетъ новой школы.

Успѣхи Casa giojosa лучше всего видны по результатамъ педагогической дѣятельности Витторино. Его новый біографъ Росмини собралъ свѣдѣнія о 40 болѣе выдающихся воспитанникахъ мантуанскаго педагога. Къ ихъ числу относятся, между прочимъ, монахиня св. Клара, извѣстный богословъ Кастильоне, а также поэтъ Базиніо и гуманистическіе писатели Корарро, Аліотти и др.; нѣсколько благочестивыхъ епископовъ, цѣликомъ преданныхъ церковному служенію, а также епископъ-гуманистъ Перотто и Босси, епископъ Алеріи, извѣстный издатель классическихъ авторовъ, знаменитый врачъ Сассуало и педагогъ Лониго, а также искусный правитель Мантуи Лодовико Гонзага и извѣстный кондотьеръ и меценатъ Федериго да-Монтефельтре. Это были представители различныхъ и часто враждебныхъ профессій, но тщательное вниманіе къ индивидуальнымъ особенностямъ при ихъ воспитаніи сдѣлало каждаго изъ нихъ выдающимся дѣятелемъ въ своей сферѣ, и гуманное обращеніе учи-

теля и разумная организація обученія внушили глубокую и постоянную любовь къ школѣ и искреннее уваженіе къ ея руководителю. Такимъ образомъ первая классичеекая школа во всѣхъ отношеніяхъ оправдала свое названіе Casa gioiosa, и если позже по временамъ она снова превращалась въ душный монастырскій казематъ, то виновата въ этомъ не та система классическаго образованія, которой держался мантуанскій педагогъ Витторино да-Фельтре.

Отношеніе гуманистовъ къ вещественнымъ памятникамъ классической древности.

Классическая археологія началась почти одновременно съ исторической критикой, съ независимою философіей и со свѣтскою литературой и была вызвана къ жизни тѣми же самыми причинами, которыя положили основаніе новой культуры и дали ей въ эпоху Возрожденія весьма своеобразную окраску. Человѣческій разумъ, воспитанный подъ суровою ферулой средневѣковаго аскетизма, достигъ наконецъ такой зрѣлости, что могъ критически отнестись къ своему многовѣковому воспитателю. Эта критика въ половинѣ XIV столѣтія была тѣмъ легче, что теорія и практика аскетическаго католицизма пришли въ это время въ крайнее противорѣчіе. Глава церкви и верховный властитель міра жилъ вдали отъ

священнаго города и служилъ орудіемъ въ рукахъ побѣдившихъ его французскихъ королей. Религіозныя и матеріальныя основы, на которыхъ держалось его владычество, подорваны были поведеніемъ самой куріи, нравственная распущенность которой приводила въ отчаяніе благочестивыхъ католиковъ. Монашество, наивысшее осуществленіе средневѣковыхъ идеаловъ и самая могущественная армія папства, пришло въ разложеніе. Меньшая его часть, оставшаяся вѣрной благочестивымъ завѣтамъ прошлаго, пришла въ столкновеніе съ св. престоломъ, а большинство монаховъ отказывалось отъ міра только для того, чтобъ удобнѣе и спокойнѣе, безъ труда и заботъ пользоваться его грѣховными наслажденіями. Совершенно естественно, что опека воспитателей, утратившихъ всякій престижъ, потеряла смыслъ, а ихъ ученіе, стоявшее въ полномъ противорѣчіи съ жизнью,—всякій авторитетъ, и человѣческій разумъ, созрѣвшій до потребности независимой науки и философіи, почувствовалъ себя самостоятельнымъ.

Но разрывъ съ прошлымъ представителей эпо-

хи Возрожденія ставилъ передъ ними колоссальную задачу — выработать новое міросозерцаніе, которое соотвѣтствовало бы новымъ потребностямъ и которое можно было бы противопоставить отжившему, но цѣльному и стройному міровоззрѣнію средневѣковаго католицизма. Огромную поддержку въ этомъ трудномъ дѣлѣ оказала классическая древность. Античный міръ вполнѣ никогда не забывался въ Италіи и, по крайней мѣрѣ, въ политическомъ отношеніи всегда сохранялъ нѣкоторый авторитетъ. Эпоха, когда Римъ и Италія господствовали надъ міромъ, имѣла особую привлекательность для патріотовъ, переживавшихъ тогда тяжелыя времена внутреннихъ неурядицъ и внѣшняго безсилія. Сохранялись также воспоминанія и о томъ, что въ эпоху пережитаго могущества процвѣтали науки и искусства, и къ политическому авторитету древности присоединился авторитетъ культурный. Поэтому первое проявленіе научной любознательности новаго времени направлено было на изученіе античнаго прошлаго, которое однако съ самаго начала не было только простымъ объектомъ

науки. Въ древности искали средствъ противъ бѣдствій настоящаго и указаній для устройства лучшаго будущаго, и чѣмъ болѣе изучали античный міръ, тѣмъ болѣе и болѣе возросталъ его авторитетъ. Гуманисты скоро увидѣли, что тамъ существовала самостоятельная наука и философія, затрогивавшая всѣ вопросы человѣческаго знанія, что тамъ сложились свѣтская литература и свѣтское искусство, достигшія высокой степени совершенства, что античные взгляды на природу и человѣка гораздо ближе къ новымъ стремленіямъ, чѣмъ недавній аскетизмъ. Вслѣдствіе этого греко-римская литература пріобрѣла небывалый авторитетъ, и мнѣнія древнихъ писателей въ тѣхъ случаяхъ, когда они соотвѣтствовали новымъ потребностямъ, получили почти такое же значеніе, какъ цитаты изъ Св. Писанія въ церковной литературѣ. При такомъ положеніи дѣла античная древность сдѣлалась на первое время не столько предметомъ научнаго изученія, сколько источникомъ политическаго и моральнаго назиданія, и въ этой поучительности искали оправданія даже для самой науки. Въ силу этого глав-

доблести и воскресить славную старину. «Кто теперь болѣе невѣжественен относительно римскихъ дѣяній, чѣмъ римскіе граждане?—восклицаетъ Петрарка.—Противъ воли долженъ сказать, что нигдѣ Рима не знаютъ меньше, чѣмъ въ Римѣ, и не одно только невѣжество оплакиваю я въ этомъ дѣлѣ (хотя что хуже невѣжества?), а бѣгство и изгнаніе многихъ добродѣтелей. На самомъ дѣлѣ, кто можетъ сомнѣваться, что если Римъ начнетъ познавать самого себя, то онъ воскреснетъ»*).

Эта мистическая вѣра во всемогущество археологическаго памятника и политическія фантазіи, вызванныя монументальными остатками прежняго величія, не были достояніемъ одного Петрарки; объ этомъ же мечтали и многіе другіе, и даже

*) Qui enim hodie magis ignari rerum Romanarum sunt, quam Romani cives? Invitus, dico. Nusquam minus Roma cognoscitur, quam Romae. Qua in re non ignorantiam solam fleo (quamquam quid ignorantia pejus est?), sed virtutum fugam exiliumque multarum. Quis enim dubitare potest, quin illico surrectura sit, si coeperit se Roma cognoscere. Ibid., p. 314.

на одинъ моментъ археологическія утопіи сдѣлались фантастическою, почти сумасбродною дѣйствительностью, когда восторженный археологъ, захвативши въ руки власть, попытался осуществить свои завѣтныя мечты. Почти одновременно съ Петраркой на запустѣлыхъ улицахъ дичавшаго Рима изучалъ уцѣлѣвшіе памятники первый издатель римскихъ надписей Кола ди Ріенцо. Знаменитый Росси съ несомнѣнной ясностью доказалъ, что авторомъ Descriptio urbis Romae ejusque excellentiarum былъ знаменитый трибунъ *). Кола относился къ памятникамъ съ болѣе научной тщательностью, чѣмъ Петрарка: онъ собиралъ надписи, и Росси признаетъ его своимъ первымъ предшественникомъ въ новое время, основателемъ новой эпиграфики. Но и для Кола еще въ большей степени, чѣмъ для Петрарки, античные памятники были средствомъ политической пропаганды. Его старый біографъ отмѣчаетъ, что онъ объяснялъ надписи и истолко-

*) Bulletino dell'Instituto di correspondenza archeologica. 1871, p. 13 и слѣд.

вывалъ статуи и несомнѣнно старался оживить воспоминанія съ цѣлью расшевелить народныя страсти. Такъ, папа Бонифацій VIII при сооруженіи одного алтаря въ Латеранѣ воспользовался старой мѣдной доской, съ записаннымъ на ней постановленіемъ, которымъ народъ передавалъ власть Веспасіану. Кола, открывъ этотъ памятникъ, положилъ его на видное мѣсто въ церкви и въ публичной лекціи объяснялъ его народу, доказывая, что его слушателямъ принадлежитъ власть надъ міромъ, такъ какъ ихъ предки поставляли міровыхъ владыкъ въ лицѣ римскихъ императоровъ.

Судьба Кола ди Ріенцо достаточно извѣстна. Ему удалось увлечь римскую толпу, тщетно звавшую изъ Авиньона своего господина, съ ея помощью разбить хищныхъ бароновъ и захватить власть въ свои руки. Тогда Кола широко воспользовался своими познаніями въ классическихъ и христіанскихъ древностяхъ. Прежде всего онъ придумалъ себѣ самые разнообразные титулы: трибуна, августа, кандидата, возложилъ на себя всевозможные вѣнки и короны, посвятилъ себя

въ рыцари и помѣстилъ въ своемъ гербѣ на ряду съ ключами ап. Петра классическое S.P.Q.R. Затѣмъ, возстановивъ на скорую руку древнія права сената и народа, онъ далъ право римскаго гражданства всѣмъ итальянцамъ и потребовалъ въ Римъ императора Карла IV, чтобы подвергнуть его народному выбору.

Эта археологическая феерія кончилась, какъ извѣстно, самымъ жалкимъ образомъ и навсегда убила мечту о реставраціи античнаго могущества. Родоначальникъ гуманизма, самъ увлекшійся безумной попыткой Кола и подогрѣвавшій его археологическій патріотизмъ указаніемъ на монументальные памятники *), отказался отъ надежды оживить древній Римъ въ его прежнемъ блескѣ, но не измѣнилъ своей точки зрѣнія на веще-

*) Въ стихотворномъ посланіи: Ad Nicolaum Laurentii de capessenda libertate hortatoria—онъ говоритъ·

Et quanta integrae fuit olim gloria Romae
Reliquiae testantur adhuc, quas longior aetas
Frangere non valuit etc. Petrarcae Opera Omnia Basileae per Henricum Petri. 1554, p. 596.

ственные остатки. Онъ продолжалъ собирать и скупать античныя монеты и геммы *) и при случаѣ пытался пользоваться ими въ цѣляхъ практической политики. Отчаявшись въ успѣхѣ предпріятій въ духѣ Кола ди Ріенцо, Петрарка старался различными средствами, по крайней мѣрѣ, спасти покинутый всѣми Римъ отъ окончательнаго одичанія и, если не объединить Италію, то успокоить ее и избавить отъ непрерывныхъ междоусобій и отъ хищныхъ шаекъ бродячихъ кондотьеровъ. Возлагая свои надежды въ этомъ смыслѣ то на одно, то на другое лицо, онъ хотѣлъ также направить на это дѣло Карла IV. Во время пребыванія императора въ Мантуѣ, Петраркѣ удалось имѣть съ нимъ продолжительную бесѣду, во время которой первый гуманистъ старался воодушевить трезваго и разсчетливаго Карла античными памятниками. Описывая это свиданіе

*) Saepe me vineae fossor Romae adiit gemmam antiqui temporis, aut aureum argenteumque nummum manu tenens, nonnunquam rigido dente ligonis attritum, sive ut emerem, sive ut insculptos eorum vultus agnoscerem. Ep. fam. XVIII, ep. 8. У Fracas. II, p. 489.

въ письмѣ къ другу, Петрарка говоритъ: «Воспользовавшись во время бесѣды случаемъ, я подарилъ ему нѣсколько своихъ любимыхъ изображеній нашихъ императоровъ, которыя были сдѣланы изъ золота и изъ серебра и снабжены мелкими старинными надписями, и среди которыхъ было почти совсѣмъ живое лицо Цезаря Августа. Вотъ императоры,—сказалъ я ему,—тѣ, которымъ ты наслѣдовалъ; вотъ тѣ, которымъ ты долженъ удивляться и стараться подражать; къ ихъ образу и подобію ты долженъ приспособляться. Я не далъ бы ихъ никому другому, кромѣ тебя: твоя власть заставляетъ меня сдѣлать это, такъ какъ я знаю только ихъ нравы, имена и дѣянія, а твоя обязанность не только знать ихъ, но и слѣдовать за ними, поэтому тебѣ они должны принадлежать. Излагая при этомъ съ большою краткостью сущность біографіи каждаго изъ императоровъ, я побуждалъ его насколько могъ къ подражанію имъ и къ добродѣтели» *).

---

*) Sumpta igitur ex verbis occasione, aliquot sibi aureas argenteasque nostrorum principum effigies, minutissimis ac

Надежды Петрарки не осуществились и на этотъ разъ. Карлъ IV охотно принялъ подарокъ; но итальянскія дѣла его занимали весьма мало, и онъ отправился обратно за Альпы, ничего не сдѣлавши для ихъ улучшенія. Огорченный гуманистъ послалъ удалявшемуся императору весьма рѣзкое письмо, наполненное горькими упреками и строгими порицаніями за его поведеніе; но и въ этомъ посланіи онъ говоритъ о «цезарскомъ изображеніи весьма старинной работы, которое, если бы могло говорить или если бы Карлъ могъ его видѣть, удержало бы императора отъ этого край-

---

veteribus litteris inscriptas, quas in deliciis habebam, dono dedi, in quibus et Augusti Caesaris vultus erat pene spirans: et ecce, inquam, Caesar, quibus successisti ecce, quos imitari studeas et mirari, ad quorum formam atque imaginem te componas, quos praeter te unum, nulli hominum daturus eram: tua me movit auctoritas. Licet enim horum ego mores et nomina et res gestas norim, tuum est non modo nosse, sed sequi: tibi itaque debebantur. Sub hoc singulorum vitae summam multa brevitate perstringens, quos potui, ad virtutem atque ad imitandi studium acculeos verbis immiscui. Epist. fam. XIX, 3. Fracas. II, p. 520.

не безславнаго, чтобы не сказать безчестнаго отступленія» *).

Итакъ, первое ознакомленіе съ памятниками античной старины не повело прямо къ ихъ спокойному и строго-научному изслѣдованію. Это зависѣло отчасти отъ патріотическаго увлеченія, не регулированнаго зрѣлой политической мыслью. Изученіе родной старины (а итальянцы и теперь еще считаютъ античный Римъ своимъ національнымъ прошлымъ), содѣйствуя самосознанію, всегда влечетъ за собою нѣкоторое патріотическое одушевленіе, которое тѣмъ значительнѣе, чѣмъ славнѣе и могущественнѣе было прошлое. Но въ XIV столѣтіи это естественное вліяніе монументальныхъ памятниковъ получало одностороннее и преувеличенное направленіе вслѣдствіе ошибочной вѣры во всемогущество человѣческой личности при организаціи общественныхъ порядковъ. По мысли Кола и Петрарки, римляне

*) (Lelius meus attulit) Caesaream effigiem pervetusti operis, quae, si vel ipsa loqui posset, vel tu illam contemplari, ab hoc te prorsus inglorio, ne dicam infami, itinere retraxisset. Ep. fam. XIX, 12. Fracas. Ibid., p. 548.

и итальянцы вообще только потому не стремятся возстановить свое блестящее прошлое, что не имѣютъ о немъ понятія: узнавъ его, они пожелаютъ его вернуть, а пожелавши, легко достигнутъ своей цѣли. Совершенно естественно, что съ этой точки зрѣнія монументальный памятникъ, какъ наглядный свидѣтель подлинной старины, представлялся могущественнымъ орудіемъ политическаго воззрѣнія. Но это обольщеніе исчезло весьма рано; гуманисты, чуткіе къ дѣйствительности, скоро отказались отъ политическихъ утопій, и вещественные остатки старины утратили въ ихъ глазахъ политическое значеніе. Изученіе классическихъ памятниковъ получило новое направленіе, но еще не сдѣлалось наукой о древностяхъ.

III.

Долговременное служебное положеніе науки въ средніе вѣка сначала отразилось на ея новыхъ представителяхъ тѣмъ, что они искали ея raison d'être не въ ней самой, а въ ея приложе-

ніяхъ и вліяніяхъ. Ранніе итальянскіе гуманисты оправдывали свои занятія тѣмъ, что они ведутъ къ добродѣтели, и видѣли смыслъ науки въ ея морализующемъ вліяніи. Съ этой же точки зрѣнія смотрѣли они на изученіе древности вообще и на монументальные памятники въ частности. Классическая археологія изъ орудія патріотической и политической пропаганды стала средствомъ нравственнаго назиданія. Эта мысль еще въ довольно неопредѣленной формѣ встрѣчается уже у Петрарки. Первый гуманистъ составилъ для одного изъ своихъ друзей путеводитель изъ Генуи въ Палестину и оттуда черезъ Египетъ обратно въ Италію. Въ этомъ сочиненіи, которое позднѣйшіе издатели озаглавили Itinerarium Syriacum, Петрарка описываетъ всѣ встрѣчающіеся на пути памятники языческой и христіанской древности и дѣлитъ ихъ по значенію на три категоріи. Обозрѣніе однихъ, возбуждая религіозныя чувства, содѣйствуютъ «спасенію души», другіе служатъ просто «для пріобрѣтенія знанія и украшенія ума», третьи напоминаютъ о важныхъ событіяхъ и этимъ возбуждаютъ духъ

(quae ad memoriam exemplorum excitandumque animum pertinent) *). Эта мысль о моральномъ вліяніи древнихъ памятниковъ спорадически встрѣчается въ различныхъ произведеніяхъ и другихъ гуманистовъ. Такъ, Бруни, въ неизданномъ педагогическомъ сочиненіи, настаиваетъ на воспитательномъ значеніи изображеній древнихъ героевъ, такъ какъ они, вызывая подражаніе, возбуждаютъ къ добродѣтели **). Но наиболѣе полное выраженіе получило это направленіе въ историко-морально-археологическомъ трактатѣ Франческо Поджіо Браччіолини. Поджіо даже среди гуманистовъ выдавался необычайнымъ усердіемъ въ разыскиваніи классическихъ манускриптовъ и монументальныхъ памятниковъ. Его обширная пе-

---

*) Itinerarium Syriacum напечатанъ во всѣхъ базельскихъ изданіяхъ Opera omnia Петрарки. Въ 1888 г. Giacomo Lumbroso вновь издалъ текстъ этого сочиненія съ обширнымъ введеніемъ (L'itenerarium del Petrarca въ Atti della Reale Academia dei Lincei. Vol. IV, p. 390).

**) Leonardi Aretini: De institutione adolescentium ad Ubertinum Carrariensem. Въ Миланской Ambrosiana. Cod. A. 116 super.

реписка, гдѣ онъ описываетъ свои поиски, разсказываетъ о своихъ находкахъ и упрашиваетъ друзей добывать для него статуи, геммы, монеты и т. п., служитъ этому нагляднымъ доказательствомъ. Такъ, напр., въ городокъ Ферентино ему удалось попасть только на одинъ день; дѣло было лѣтомъ, и жара стояла страшная, тѣмъ не менѣе онъ обошелъ весь городъ, осмотрѣлъ всѣ древности, прочиталъ всѣ надписи. «Для меня было чрезвычайно трудно,—пишетъ онъ,—читать надписи и прежде всего тѣ, которыя находились на крѣпостной башнѣ, такъ какъ онѣ были далеко, а кромѣ того, по большей части сильно попорчены временемъ, а также и тѣ, которыя находились на скалѣ. Очень много часовъ потѣлъ я надъ ними и потѣлъ даже въ полдень на солнцѣ. Но трудъ все побѣждаетъ»*). Результатомъ этихъ

*) Fuit mihi summus labor legere has litteras, primum illas, quae sunt in turri arcis, cum sint a visu remotae et magna ex parte consumptae vetustate, deinde eas, quae sunt in saxo illo; pluribus enim horis insudavi et sudavi quidem in meridie ad solem. Sed tamen labor omnia vincit. Poggii Epistolae ed. Thomas de Tonellis. Florentiae 1832—61. Lib. III, ep. 20.

трудовъ и поисковъ былъ, во-первыхъ, настоящій музей древностей въ виллѣ Поджіо, около Флоренціи и, во-вторыхъ, что важнѣе для науки, второе собраніе древнихъ надписей. Поджіо похитилъ изъ одной монастырской библіотеки экземпляръ сборника надписей, который еще въ IX вѣкѣ составилъ Anonymus Einsidelensis, положилъ его въ основаніе своего собранія и дополнилъ массой надписей, которыя онъ самъ нашелъ и тщательно скопировалъ *).

Но Поджіо не довольствовался ролью простого собирателя и комментатора древнихъ памятниковъ: ему хотѣлось осмыслить этотъ трудъ, придать ему научную цѣну, какъ ее тогда понимали, и онъ написалъ трактатъ «Объ измѣнчивости судьбы», первая часть котораго чисто археологическаго содержанія, такъ какъ она заключаетъ въ себѣ описаніе памятниковъ древняго Рима **).

---

*) Собраніе Поджіо найдено было Росси.

**) Poggii Bracciolini Florentini Historiae de varietate fortunae libri quatuor, ex. ms. codice Bibliothecae Ottobonianae nunc primum editi et notis illustrati a Dominico Georgio. Lutetiae Parisiorum MDCCXXIII.

Поджіо хорошо зналъ священный городъ. По его собственному выраженію, онъ посѣдѣлъ на папской службѣ и за это время имѣлъ полную возможность удовлетворить своей археологической любознательности. Дѣйствительно, его описаніе римскихъ памятниковъ и развалинъ обнаруживаетъ весьма хорошее знакомство съ предметомъ. Кромѣ того, научное движеніе, во главѣ котораго стоялъ Петрарка, къ этому времени достигло замѣтныхъ успѣховъ, и Поджіо тщательностью критики значительно превосходитъ перваго гуманиста. Такъ, Петрарка считалъ между прочимъ, пирамиду Цестія могилою брата основателя Рима, что возбуждаетъ изумленіе Поджіо. «Ученѣйшій мужъ,—пишетъ онъ,—Франческо Петрарка говоритъ въ одномъ изъ своихъ писемъ, что этотъ памятникъ—могила Рема, и это меня тѣмъ болѣе удивляетъ, что надпись сохраняется въ цѣлости до сихъ поръ» *). Тѣмъ не

*) Quo magis miror, integro adhuc epigrammate, doctissimum virum Franciscum Petrarcham in quadam sua epistola scribere id esse sepulchrum Remi. De varietate fortunae, p. 9.

менѣе, Поджіо не желалъ ограничиться однимъ изслѣдованіемъ памятниковъ и еще не могъ ввести результатовъ своей археологической работы въ историческое изученіе древняго міра въ духѣ новой науки. Поэтому онъ задумалъ широкую культурно-историческую картину, которая должна была служить иллюстраціей непрочности земного могущества и измѣнчивости человѣческой фортуны. Сочиненіе написано въ формѣ діалога между авторомъ и его сослуживцемъ въ куріи извѣстнымъ гуманистомъ Антоніо Лоски. Бесѣда происходитъ въ Римѣ «на самыхъ развалинахъ Тарпейской крѣпости» (in ipsis Tarpeiae arcis ruinis), откуда открывался широкій видъ на остатки древняго города. Самую композицію сочиненія нельзя назвать вполнѣ удачной. Дѣйствительно, содержаніе его первой книги, заключающей въ себѣ важное и интересное описаніе римскихъ памятниковъ, еще можетъ оправдать ея заглавіе. Точно такъ же къ темѣ подходитъ и вторая книга, гдѣ разсказаны судьбы Ричарда II, Генриха VI, Карла VI и Петра Кипрскаго; но въ третьей книгѣ авторъ, излагая событія, происшедшія при Евге-

ніи IV, уже переходитъ къ простому повѣствованію, а четвертая книга, содержащая описаніе Индіи и Египта, по разсказамъ очевидцевъ, не имѣетъ уже никакого отношенія къ темѣ. Тѣмъ не менѣе не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, что Поджіо поставилъ себѣ въ этомъ сочиненіи морально-дидактическія задачи. «Чтобы нѣсколько подавить пустое честолюбіе и безумную жажду власти многихъ людей,—говоритъ онъ во введеніи,—мы рѣшили изложить въ этихъ книгахъ весьма многія разнообразныя и неожиданныя несчастія (casus), которыя игра судьбы тайно рѣшила наслать (notandos) на людей. Поэтому мы думаемъ, что тотъ, кто прочитаетъ это, осторожнѣе (parcius) будетъ довѣряться произволу судьбы, принявши во вниманіе, какъ мало надежно было ея постоянство для многихъ, кого она высоко превознесла, и что изъ всего, чѣмъ одарила насъ природа, нѣтъ ничего лучше мудрости и превосходнѣе добродѣтели, которая выше фортуны и надъ которой она не имѣетъ никакой власти» *).

*) Quo igitur inanis multorum ambitio atque insana dominandi cupido paulum comprimatur, statuimus his mandare

Нельзя сказать, чтобы назиданія Поджіо возвышались надъ прописною моралью, и его труизмы едва ли нуждались для своего подтвержденія въ обширномъ трактатѣ. Кромѣ того, нескладная композиція книги, въ которой авторъ не могъ послѣдовательно провести своей основной мысли, свидѣтельствуетъ, что дидактическій выводъ не вытекалъ изъ содержанія сочиненія, а былъ привязанъ къ нему чисто внѣшнимъ образомъ. Правда, созерцаніе памятниковъ безвозвратно минувшаго величія можетъ навѣять грустную мысль о превратности всего земного. Но меланхолическое настроеніе было чуждо характеру автора. Мы хорошо знаемъ Поджіо. Это былъ жизнерадостный гуманистъ, который любилъ изрѣдка поли-

---

libris plures variosque insperatos casus, quos fortunae ludus palam statuit hominibus notandos. Parcius enim, ut arbitramur, qui haec legerint, se credent arbitrio fortunae cum inspexerint, quam multis, quos in sublimi veluti personatos collocavit, parum fida fuerit illius fides: sed omnium, quae nobis natura indidit, nihil melius sapientia, nihil virtute praestantius, in qua nullum, cum supra eam sit, imperium fortuna possidet. De var. fort., p. 2.

цемѣрить напускнымъ стоицизмомъ, но въ дѣйствительности полагалъ мудрость въ собираніи благъ фортуны и въ широкомъ пользованіи ими, дѣлалъ это весьма удачно и вообще жилъ очень весело. Авторъ живыхъ и остроумныхъ Фацецій, онъ до старости собиралъ свои безцеремонные, часто циничные, но всегда неизмѣнно веселые анекдоты, изъ которыхъ многіе заимствованы имъ изъ собственной жизни. Съ такимъ же настроеніемъ занимался Поджіо и археологіей. Такъ изображая упомянутыя нами трудности изученія надписей въ Ферентино,—онъ говоритъ между прочимъ:—«трудъ прочтенія и изученія уменьшали двѣ незамужнія, но совсѣмъ уже зрѣлыя дѣвицы, которыя, находясь въ сосѣднемъ домѣ, ободряли меня пожеланіями. На нихъ я весьма часто устремлялъ утомленные глаза, чтобы перемѣною зрѣлищъ дать имъ отдыхъ» *). Это несоотвѣтствіе

---

*) Sed legendi cognoscendique laborem minuebant adolescentulae duae innuptae, quae tamen plusquam maturae erant, haud procul adstantes domi faventesque votis, in quas oculos ego fessos persaepe conjiciebam, ut vice speculi fungerer ad recreandam aciem. Epist. III, 20.

настроенія, въ которомъ собирались памятники, съ тѣмъ, въ которомъ они обрабатывались находятъ объясненіе во взглядѣ Поджіо на науку. Моральное оправданіе гуманистическихъ занятій встрѣчается у него чаще, чѣмъ у кого-либо изъ гуманистовъ; такой же смыслъ хотѣлъ онъ найти и въ археологіи, такъ какъ одно только описаніе памятниковъ и простое собираніе надписей кажется ему недостаточною заслугой. Правда, въ діалогѣ онъ заставляетъ Лоски похвалить себя за изданіе надписей *), но не умѣетъ найти обоснованія для этой похвалы. Научное значеніе предварительныхъ археологическихъ работъ ему неясно, да и самая наука представляется ему служанкою добродѣтели.

---

*) In hoc laudo, inquit Antonius, curam et diligentiam tuam, Poggi, qui ista tum publicorum, tum privatorum operum epigramata intra urbem et foris quoque multis in locis conquisita atque in parvum volumen coacta litterarum studiosis legendas tradidisti. De var. fort. p. 9.

IV.

Два первыхъ направленія въ начальной классической археологіи—политическое и дидактическое—были созданы современнымъ положеніемъ Италіи и традиціоннымъ взглядомъ на науку, какъ на нѣчто зависимое, не имѣющее права на самостоятельное существованіе. Но интересъ къ древнимъ памятникамъ существовалъ и помимо этихъ по существу постороннихъ для науки соображеній. На-ряду съ археологами-политиками и археологами-моралистами существовали просто любители старины, собиравшіе и изучавшіе памятники ради нихъ самихъ. Такъ, уже другъ Петрарки, извѣстный врачъ и астрономъ Джіованни Донди, собиралъ надписи; тѣмъ же занимался гуманистъ Синьерилли, служившій при куріи Мартина V. Но наибольшую извѣстность пріобрѣлъ въ этой сферѣ Чиріако деи-Пиццикoли д'Анкона.

Чиріако происходилъ изъ купеческой семьи и не получилъ систематическаго, школьнаго образованія; тѣмъ не менѣе съ самыхъ раннихъ лѣтъ

онъ ощущалъ страсть къ путешествіямъ, innatum visendi orbis desiderium, какъ онъ самъ выражается. Чтобъ удовлетворить этому «прирожденному желанію», онъ поступалъ на службу къ купцамъ, которые вели заграничную торговлю, и такимъ способомъ посѣщалъ далекіе края. Но всеобщій интересъ къ классической древности, господствовавшій тогда въ Италіи, захватилъ и Чиріако, и неутомимый путешественникъ сдѣлался страстнымъ археологомъ. Объѣхавъ всю Италію, побывавъ въ Византіи, на греческихъ островахъ, въ Малой Азіи, въ Сиріи и въ Египтѣ, Чиріако всюду собиралъ памятники древности, какіе можно было пріобрѣсти, а остальные описывалъ. Результаты своихъ археологическихъ путешествій онъ изложилъ въ особой книгѣ, которую самъ онъ называетъ *Rerum antiquarum commentarius.* Это сочиненіе, раздѣлявшееся на 3 тома и заключавшее въ себѣ копіи надписей и рисунки памятниковъ, въ полномъ объемѣ остается неизданнымъ до сихъ поръ *). Но въ прошломъ сто-

*) Впервые отрывокъ изъ собранія Чиріако былъ изданъ подъ такимъ заглавіемъ: Inscriptiones sacrosanctae vetusta-

лѣтіи Mehus издалъ подъ заглавіемъ Itinerarium краткій отчетъ о путешествіяхъ Чиріако, представленный имъ папѣ Евгенію IV съ цѣлью полученія средствъ на новыя поѣздки, и приложилъ къ изданію нѣсколько писемъ разныхъ лицъ къ путешественнику *). Отчетъ составленъ очень коротко; но авторъ сообщаетъ тамъ много данныхъ, бросающихъ яркій свѣтъ на огромный интересъ въ эту эпоху къ остаткамъ старины. Прежде всего почти всѣ выдающіеся гуманисты относились съ необычайнымъ сочувствіемъ къ археологическимъ странствованіямъ Чиріако, который получилъ отъ нихъ до сорока привѣтствій въ стихахъ и прозѣ. Этотъ взрывъ единодушнаго восторга былъ вызванъ дѣятельностью архе-

---

tis. Ingolstadii 1533. Болѣе подробно: Epigrammata reperta per Illiricum a Kyriaco Anconitano (sine loco et anno)

*) Kyriaci Anconitani Itinerarium nunc primum ex ms. cod. in lucem erutum ex bibl. illus. clarissimique Baronis Philippi Stosch. Editionem recensuit, animadversionibus ac praefationibus illustravit nonnulisque ejusdem Kyriaci epistolis partim editis, partim ineditis locupletavit Laurentius Mehus. Florentiae MDCCXLII.

олога, а не его личностью. Малообразованный Чиріако, знавшій греческій языкъ настолько плохо, что не могъ въ подлинникѣ читать Аристотеля, и не особенно свѣдущій въ латинской литературѣ, любилъ однако похвастаться своей ученостью, поэтому часто попадалъ въ просакъ и возбуждалъ насмѣшки ученыхъ гуманистовъ. Но его археологическое усердіе заставляло прощать эти недостатки, и руководители тогдашняго общественнаго мнѣнія восхваляли его заслуги въ стихахъ и въ прозѣ. Такое же сочувствіе встрѣтилъ Чиріако и въ итальянскомъ обществѣ. Прежде всего, государи Италіи оказывали ему необыкновенное вниманіе. Достопримѣчательности Генуи показывали ему знатные граждане по рекомендаціи своего тогдашняго властителя Филиппо-Маріи Висконти, который для руководства археолога при осмотрѣ Милана командировалъ своего секретаря. Въ Неаполѣ Чиріако благосклонно приняла сама королева, и всемогущій Караччоло оказывалъ ему покровительство; по ихъ приказанію до Пуццуоли его провожалъ мѣстный префектъ, который и показалъ ему та-

мошнія древности. Такое же содѣйствіе оказывали ему позже Альфонсъ Аррагонскій, Франческо Сфорца, Малатесты въ Римини, Пезаро и Чезенѣ, Гонзаги въ Мантуѣ, д'Эсте въ Феррарѣ и Монтефельтре въ Урбино *). Кромѣ того, въ какой бы городокъ Италіи ни пріѣзжалъ Чиріако, онъ всюду находилъ знатоковъ и любителей мѣстныхъ древностей, которые помогали ему своими указаніями **).

Эта любовь къ мѣстной старинѣ, широкою волной распространившаяся по Италіи съ половины XIV вѣка, подготовила появленіе научной археологіи въ половинѣ слѣдующаго столѣтія. Государственные люди и епископы, врачи, юристы и кондотьеры, интересовавшіеся древностями, были, конечно, только дилетантами въ этомъ дѣлѣ; но они поддерживали интересъ къ памятникамъ и своимъ сочувствіемъ и поддержкой возбуждали ихъ научное изслѣдованіе. Эта любовь къ старинѣ, составлявшая чрезвычайно благопрі-

*) Itinerar , p. 17 и слѣд.

**) Ibid., p. 22—36, гдѣ перечислены имена многихъ любителей.

ятную почву для научной археологіи, въ XV вѣкѣ отъ классическаго міра перешла и къ древнему Востоку. Однажды къ папѣ Евгенію IV явился нѣкто Nicolaus Venetus просить прощенія за вѣроотступничество, къ которому онъ, возвращаясь изъ Индіи, былъ вынужденъ на африканскихъ берегахъ, и этотъ путешественникъ скоро сдѣлался предметомъ особеннаго вниманія ученыхъ куріаловъ. «Стремясь послушать его,—разсказываетъ Поджіо,—уже въ томъ, что онъ ранѣе говорилъ, я замѣтилъ много такого, съ чѣмъ стоило познакомиться,—я и въ собраніи ученѣйшихъ мужей, и дома старательно разспрашивалъ его о весьма многомъ, что, какъ мнѣ казалось, стоило литературнаго изложенія *). Съ такимъ же интересомъ разспрашивалъ Поджіо о египетскихъ достопримѣчательностяхъ абиссинскихъ пословъ, прибывшихъ въ папскую ку-

*) Hunc ego audiendi cupidus (multa enim ab eo jam dicta praesenseram cognitione dicta) et in doctissimorum virorum coëtu et domi meae percunctatus sum diligenter plurima, quae operae pretium visum est, ut memoriae et litteris traderentur. De variet. fortunae, p. 126.

рію *), и полученныя такимъ путемъ свѣдѣнія казались ему настолько важными и интересными, что онъ составилъ изъ нихъ цѣлую книгу въ своемъ трактатѣ «Объ измѣнчивости судьбы», хотя они не имѣли ничего общаго съ ея темою. Чиріако точно такъ же стремился на Востокъ. Въ Индію попасть ему не удалось, а въ Египтѣ онъ былъ и впервые вывезъ оттуда въ Европу надпись, сдѣланную «финикійскими письменами», т.-е., по всей вѣроятности, іероглифами **).

---

*) Eodem ferme tempore et ab Aethiopia quidam fidei causa ad Pontificem profecti, cum rogarentur a me per interpretem de situ Nili etc. Ibid., p. 149.

**) Antiquissimum phoenicibus characteribus epigramma, ignotum nostra aetate hominibus puto ob longuinquam aevi vetustatem et magnarum et antiquissimarum artium imperitiam et desuetudinem, quod et tamen excepimus, ut admirabile, ac nostris praedigne adjecimus commentariis, nec non primum exemplar Florentiam nostro Nicolao Nicolo, viro in primis harum curiosissimo rerum, misimus, et alterum postea simile ad hanc utique florentissimam Tuscorum urbem. Itinerar., p. 52.

V.

Какъ ни великъ былъ интересъ къ монументальнымъ памятникамъ древности, тѣмъ не менѣе простое ихъ собираніе и описаніе никогда не считалось самостоятельною и окончательною задачей ихъ изслѣдованія. Въ этомъ всегда видѣли только матеріалъ, но сначала не умѣли правильно имъ воспользоваться и употребляли его то для патріотическаго одушевленія, то для нравственнаго назиданія. Мысль примѣнить его при историческихъ работахъ была такъ чужда раннимъ гуманистамъ, что ни Петрарка, писавшій по римской исторіи, ни его ближайшіе послѣдователи, собирая вещественные памятники, не подозрѣвали въ нихъ историческаго источника. Къ половинѣ XV столѣтія эта точка зрѣнія измѣнилась. Политическіе интересы въ гуманистической средѣ отчасти ослабли, отчасти пріобрѣли реальный характеръ, такъ что политическія теоріи строились уже не на патріотическомъ одушевленіи античными воспоминаніями, а на изученіи господствующихъ об-

щественныхъ силъ. Интересы къ этикѣ сохранились, но монументальные памятники имѣли слишкомъ слабое къ ней отношеніе, чтобы занять видное мѣсто въ моральномъ воспитаніи общества. Между тѣмъ археологическій матеріалъ все накоплялся, интересъ къ нему въ обществѣ возрасталъ, и любители искали какого-нибудь обоснованія и оправданія своихъ симпатій. Такъ, Чиріако почти половину своего отчета Евгенію IV занялъ перечисленіемъ авторитетовъ, какъ Пиѳагоръ, бл. Іеронимъ и другіе, которые своимъ примѣромъ оправдывали его странствія *). Но на-ряду съ этимъ внѣшнимъ оправданіемъ археологъ-собиратель дѣлаетъ первую попытку историческаго изслѣдованія на основаніи монументальныхъ источниковъ. Его работа о знатныхъ римскихъ фамиліяхъ извѣстна до сихъ поръ только по заглавію; но она едва ли обладала какими-нибудь достоинствами, потому что Чиріако не имѣлъ ни одного свойства, необходимаго для историка. Кромѣ образованія, ему

*) Itinerar., p. 1—21.

недоставало ученой добросовѣстности и критицизма. Такъ, давая въ отчетѣ краткій очеркъ родной Анконы, онъ приводитъ такія слова Курція и Тибулла, которыхъ нѣтъ въ ихъ сочиненіяхъ, и сообщаетъ за достовѣрные факты такія свѣдѣнія, которыя его позднѣйшій издатель вполнѣ справедливо называетъ «старушечьими баснями» *). Но эти недостатки исполненія не уничтожаютъ заслуги Чиріако, какъ перваго археолога-изслѣдователя, который ввелъ въ науку новый историческій источникъ — монументальный памятникъ.

Къ половинѣ XV вѣка относится также первая работа по римскимъ государственнымъ древностямъ и первая попытка поставить сочиненія такого содержанія въ связь съ другими науками. Миланскій гуманистъ Піетро-Кандидо Дечембріо оставилъ извѣстное до сихъ поръ только по заглавію сочиненіе *De muneribus Reipublicae,* рукопись котораго находится въ Ватиканской библіотекѣ **).

*) Ibid., p. 42 и 44.

**) Urbinate № 297. Она есть также и въ Миланской Ambrosiana и въ Флорентійской Laurentiana (Plut. 90. Cod. 27).

Книга распадается на 43 главы, изъ которыхъ въ первой идетъ рѣчь объ основанiи Рима, а въ остальныхъ описаны его свѣтскiя и религiозныя магистратуры въ перiодъ республики и имперiи *). Авторъ собралъ свѣдѣнiя изъ древнихъ источниковъ и распредѣлилъ ихъ по рубрикамъ безъ строгой системы. Правда, свѣтская

*) Привожу цѣликомъ оглавленie, которое можетъ дать довольно полное понятie о содержанiи книги (Нумерацiи въ рукописи нѣтъ): 1) De origine urbis Romae. 2) De dignitate regis. 3) De consulibus. 4) De imperatoria dignitate. 5) De senatoribus. 6) De dictatore. 7) De praetoribus. 8) De tribunis plebis. 9) De proconsulari potestate. 10) De tribunis militum. 11) De aedilibus currulibus. 12) De censoribus. 13) De quaestoribus. 14) De tribunis celerum et equitum. 15) De magistro equitum. 16) De legato proccnsulis. 17) De interregia potestate. 18) De praefecto urbi. 19) De praefecto annonae. 20) De praefecto praetorio. 21) De praefecto vigilum. 22) De duumviris capitalibus. 23) De decemviris legum ferendarum. 24) De triumviris coloniae deducendae. 25) De quinqueviris mensariis. 26) De duumviris classi reficiendae. 27) De triumviris nocturnis. 28) De triumviris rei publicae constituendae. 29) De procuratore Caesaris. 30) De minoribus magistratibus. 31) De muneribus sacris et primo de pontifice maximo et collegio pontificum. 32) De rege sacrorum.

магистратура отдѣлена отъ религіозной, но въ распредѣленіи главъ каждаго отдѣла не замѣтно слѣдовъ какой-нибудь системы. Кромѣ того, свѣдѣнія, сообщаемыя Дечембріо, очень коротки, а иногда даже текстъ ровно ничего не прибавляетъ къ заглавію *). Критическіе пріемы автора

---

33) De flamine Diali. 34) De auguribus. 35) De duumviris sacrorum. 36) De saliis Marti dicatis. 37) De virginibus vestalibus. 38) De sacerdotibus Cybellis deum matris. 39) De feciali sacerdotio. 40) De sacerdotio fratrum arvalium. 41) De patre patrato. 42) De potitiis et penariis Herculi sacris. 43) De lupercalibus.

*) Такова, напр., глава 26: Duumviri reficiendae classi additi ut cum navigiis praesto opus esset, ea praepararent, necessaria disponerent. Fol. 115. Привожу также максимальную по обстоятельности главу 29. Quia plerunque inter Caesares privatasque personas actus fieri per procuratorem consueverant, licentia eidem concessa est, ut quicquid a procuratore negotiorum imperialium gestum foret, perinde haberetur, ac si ab ipso Caesare actum esset. Ceterum si rem ejus quasi propriam procurator tradat, non putat dominum transferre. Tunc vero transfert, quum negotium agens Caesaris, ipsius consensu tradit; denique si donationis, venditionis, transactionis causa quid agat. Non enim alienare rem Caesaris, sed diligenter negotia obire procuratori Caesaris

чрезвычайно элементарны, чаще же всего критика совершенно отсутствуетъ. Такъ, простыя преданія о происхожденіи того или другого религіознаго института принимаются, какъ фактъ, безъ дальнѣйшихъ разсужденій. Наприм., вся глава объ арвальскихъ братьяхъ составляетъ изложенія преданія о происхожденіи этой жреческой коллегіи *). Если показаній нѣсколько, то

---

injunctum est. Id vero imprimis procuratori huic adscriptum est, quod servum Caesaris heredem institutum adire heriditatem jubet et ea hereditas imperatori acquiritur. Quin si Caesar ipse heres instituatur, si se procurator opulentae hereditati inserat, heredem Caesarem facit. Quod si ea bona, ex quibus princeps institutus est, solvendo non sint consulendum erit imperatori, ne quid perindo detrimenti patiatur. Heredis enim instituti in adeundis repudiandisque hereditatibus, congruo tempore explorari voluntas debuit. Deportandi huic magistratui facultas praemissa non est. Fol. 116—117.

*) Acta Laurentia, Romuli nutrix, corpore suo in vulgus quaestum factitabat eoque pacto magnam pecuniam adepta est, quumque ex duobus liberis, quos susceperat, unum amisisset, in ejus locum heredem instituit. Ob hujusmodi igitur beneficium duodecim sacerdotes, qui arvales apellantur, a Romano populo instituti, albas ferentes infulas et spiceam

Дечембріо приводитъ ихъ всѣ, предоставляя выводъ самому читателю. Такъ поступаетъ онъ, наприм., въ коротенькой главѣ о междуцаряхъ, отказываясь категорически опредѣлить цѣль этого учрежденія *). Точно такъ же для объясненія происхожденія люперкалій просто приведены два различныхъ преданія **). Но иногда проявля-

coronam. Fol. 119—120. **Такимъ же характеромъ отличается 42-я глава.** Ob praedam boum, per Caccum Herculi factam, ara in honore Herculis, ubi illa gesta, constructa est, in qua quotannis bos sacrificari consueverat et quoniam Herculi placitum, ut a dignioribus sacrificia peragerentur, duae familiae, ceteris nobiliores, electae: potitia scilicet et pinaria, potitiae vero celerius ad sacrificium accedenti extra apposita, pinariae ob tarditatem caeterae dapes ad coenam apponuntur. Ibid., fol. 120.

*) Post exactos reges interrex constitutus fuit, qui, si consules abessent, in habendis solum comiciis potestatem exercebat. Aliique dicunt interregem potestatem habuisse alios magistratus eligendi et finita electione ejus officium finivisse. Fol. 115 (**глава приведена вполнѣ**).

**) Quidam putant lupercos ludos factitari, quod faunus vestes, lecto Herculis impositas. Jolem ibi esse existimans, quam amabat, deceptus sit. Alii causam Romulo ascribunt qui, denunciata praeda (ut nudus erat) hostes insecutus est praedamque adeptus. Ibid., fol. 120 -121.

ются уже нѣкоторыя попытки автора критически отнестись къ источникамъ. Такъ, приведя разныя объясненія происхожденія названія Рима, Дечембріо дѣлаетъ изъ нихъ выборъ, хотя еще на основаніи такого шаткаго критерія, какъ fama celebrior *). Наконецъ, на изложеніе неблагопріятно вліяютъ и нѣкоторыя симпатіи и антипатіи автора. Такъ, онъ не желаетъ подробно говорить о царяхъ, потому что позже царская власть была ненавистна римлянамъ **), и весьма вѣроятно, что авторъ потому съ такою почтительностью отнесся къ римскимъ воззрѣніямъ, что одно время раздѣлялъ ихъ самъ.

Но, несмотря на всѣ эти недостатки, трактатъ Дечембріо представляетъ историческій интересъ

---

*) Ut quidam putant a Rome (sic), muliere, nomen est inditum... Ho—celebrior fama asilum a Romulo prius factum, deinceps urbi locum statuisse et nomen a rege urbi datum. Ibid., fol. 112.

**) Dignitatem regiam breviter attingere mens est priscos illos recolenti, quibus nihil regio nomine indignius apparuit. Quamquam plerumque ex malis initiis optima exempla orta sunt. Ibid., fol. 112.

не только какъ первая попытка систематической обработки римскихъ государственныхъ древностей, но и какъ одинъ изъ первыхъ опытовъ абстрактнаго изложенія историческаго матеріала, такъ какъ со временъ Петрарки, писавшаго Римскую исторію въ біографіяхъ, біографическій элементъ господствовалъ въ историческихъ произведеніяхъ гуманистовъ. Дечембріо выдѣлилъ древне-римскія учрежденія, какъ предметъ спеціальнаго изученія, и хотя обработалъ свою тему не исторически, а археологически, тѣмъ не менѣе его работа обращала вниманіе историковъ-гуманистовъ на политическія учрежденія и давала нѣкоторый матеріалъ для ихъ историческаго изученія. Такимъ образомъ трактатъ Дечембріо, такъ сказать, сводитъ археологію съ исторіей, но автору ихъ неразрывная связь еще не ясна. Наоборотъ онъ даетъ другую классификацію наукъ, и его археологическій трактатъ представляетъ собою заключительное звено этой классификаціи. Сочиненіе Дечембріо «De muneribus Reipublicae» составляетъ заключеніе трилогіи, которой авторъ далъ странное и непонятное названіе «Peregrina

historia»*). Ея первая часть географическаго содержанія и озаглавлена «De cosmographia vetere et nova. Это—краткое и чисто внѣшнее описаніе границъ частей свѣта и нѣкоторыхъ странъ, при чемъ Италія объявляется «знаменитѣйшею страной въ Европѣ»**). Вторая часть называется «De hominis genitura» и представляетъ собою физіолого-медицинскій трактатъ о зачатіи и рожденіи человѣка съ указаніемъ астрологическихъ вліяній на его судьбу ***). Самымъ лучшимъ заключеніемъ этой трилогіи Дечембріо считаетъ описаніе учрежденій и нравовъ города, который по власти нѣкогда былъ равенъ цѣлому міру и произвелъ такихъ людей, какихъ почти совсѣмъ не встрѣчается между современниками ****). Такимъ образомъ,

*) Въ ватиканской рукописи, по которой я цитирую, этого названія нѣтъ, но оно стоитъ въ Миланскомъ и Флорентійскомъ кодексахъ.

**) De Cosmographia veteri et nova. Ad doctissimum virum Nicolaum Arcimboldum Parmensem, utriusque juris doctorem. Urbinate № 297, fol. 92—101. Объ Италіи fol. 93.

***) Ibid., fol. 101—111. Эта часть трилогіи была напечатана въ XV вѣкѣ.

****) Explicatis his, quae de cosmographia genituraque ho-

основная мысль автора носитъ чисто гуманистическій характеръ: главнымъ объектомъ изученія долженъ быть человѣкъ; поэтому Дечембріо сначала описываетъ мѣсто, гдѣ онъ живетъ, затѣмъ его рожденіе и, наконецъ, политическую и культурную сферу, въ которой онъ получаетъ духовное воспитаніе. Правда, планъ гораздо выше его выполненія; тѣмъ не менѣе трилогія Дечембріо имѣетъ тотъ интересъ для исторіи классической археологіи, что ея авторъ уже предчувствовалъ истинную задачу изученія древностей, какъ составной части великой науки о человѣческомъ обществѣ.

minis polliciti eramus, quid praestantius ordiri aut disercre velimus, quam ejus urbis mores institutaque refere, quae toti orbi propemodum imperio par fuit et quae hujusce modi viros protulit, ut eorum penuria pene lugeat aetas nostra, ne similes deinceps natura edidisse videatur. Fol. 111.

